

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 2 • № 1 • 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Тематика журнала:

- философия (09.00.00, специальности: 09.00.01, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13),
- социология (22.00.00, специальности: 22.00.03, 22.00.04, 22.00.08),
- литературоведение (10.01.00, специальности: 10.01.01, 10.01.08).

Журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Децова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. +7 (846) 3345406, e-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Адрес издателя: Центр периодических изданий Самарского университета, 443086, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Корректурa – *И.В. Ахматова*

Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*

Информация на английском языке – *А.В. Комаров*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN 2782-2966

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 27.05.2022. Выход в свет 30.05.2022.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 13,5. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Прайм»

Адрес типографии: 443079, Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, Байкальский переулок, 12.

Тел. (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

© Самарский университет, 2022

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. Вербер, д-р филол. наук, проф. (Зигенский университет, Зиген, Германия)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малюткина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мантарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

Подписной индекс в Объединенном каталоге

«Пресса России» **85744**

ISSN 2782-2966

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 2 • no. 1 • 2022

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. SEMIOTIC STUDIES
SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA. SEMIOTIC STUDIES

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

Remit of the journal:

- **philosophy** (09.00.00, specialties: 09.00.01, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13),
- **sociology** (22.00.00, specialties: 22.00.03, 22.00.04, 22.00.08),
- **literature studies** (10.01.00, specialties: 10.01.01, 10.01.08).

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, significs (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address: 1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel. +7 (846) 3345406, **e-mail:** semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University
Address of Publisher: Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

Proofreading – *I.V. Akhmatova*

Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*

Information in English – *A.V. Komarov*

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** as of 27.11.2010 is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

ISSN 2782-2966

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 27.05.2022. The publication 30.05.2022.
Format 60x84/8. Litho paper. Instant print. Print. sheet. 13,5.
Circulation 200 copies. Order No.

Printed using the ready layout original at OOO (LLC) Pryme Printing house. **Printing house address:** 12, Baikalskij pereulok, Samara, 443079, Samara region, Russian Federation.
Tel. +7 (846) 922-62-90, e-mail: prime.163@mail.ru

© Samara National Research University, 2022

Editorial board

K. Eimermacher, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)

T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)

V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N. Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)

M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)

I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)

V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)

N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)

A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)

P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)

S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Koshits, Slovakia)

I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University "Paisii Hilendarski", Plovdiv, Bulgaria)

G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

Subscription index in the United catalog

«Press of Russia» 85744

ISSN 2782-2966

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Персоналии

- Авдошина Н.В.** Будимир Гвидонович Тукумцев: необычное имя – необычная судьба (к 95-летию со дня рождения) 6

Философия

- Ястреб Н.А.** Как знание становится техническим объектом: эпистемические практики в области информационных технологий 10
- Нордманн А.** Деятельностное знание или: How to express things in works? 16
- Гапаров И.А.** Понятие пользы в новоевропейском рационализме и эмпиризме 23

Литературоведение

- Тютелова Л.Г., Лисовицкая В.Н.** Научно-фантастическая литература как прогноз коммуникации человека с искусственным интеллектом 33
- Сидоренко Л.С.** Культурный код и архитектура пространства романа А. Иличевского «Чертёж Ньютона» 40

Социология

- Федченко А.Д.** Современные исследовательские практики формирования профессиональных компетенций 50
- Еремичева Г.В.** Жилищная политика современного мегаполиса и локальные инициативы в новых жилых комплексах 57
- Файнбург Г.З.** Теория становления коллективистского общества (к 100-летию со дня рождения Захара Ильича Файнбурга) 70

Междисциплинарные исследования

- Золотов Э.С.** Логико-когнитивный анализ визуальных и не визуальных объектов (Часть I) 82

Рецензии

- Косицин А.А., Назарова А.В.** Рецензия на монографию М.А. Перепёлкина «Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества» 97

- Требования к оформлению статей* 102

CONTENTS

Personalities

- Avdoshina N.V.** Budimir Gvidonovich Tukumtsev: the unusual name – the unusual fate (coincided with the 95th anniversary of his birth) 6

Philosophy

- Yastrebn N.A.** How knowledge becomes a technical object: epistemic practices in information technology 10
- Nordmann A.** Working knowledge or How to express things in works? 16
- Gaparov I.A.** The concept of utility in new european rationalism and empiricism 23

Literature studies

- Tyutelova L.G., Lisovitskaya V.N.** Science fiction literature as a prediction of human's communication with artificial intelligence 33
- Sidorenko L.S.** The cultural code and architectonics of the space of A. Illichevsky's novel «Newton's Drawing» 40

Sociology

- Fedchenko A.D.** Modern research practices of professional competence formation 50
- Eremicheva G.V.** Housing policy of a modern metropolis and local initiatives in new residential complexes 57
- Fainburg G.Z.** Theory of collectivist society formation (on the 100th anniversary of the birth of Zakhar Ilyich Fainburg) 70

Interdisciplinary studies

- Zolotov E.S.** Logical and cognitive analysis of visual and non- visual objects (Part I) 82

Reviews

- Kositsin A.A., Nazarova A.V.** A review of the monograph by M.A. Perepelkin «Evgeny Nikolaevich Chirikov. Samara pages of life and creativity» 97

- Requirements to the design and layout of articles* 102

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-6-9

Дата поступления: 13.12.2021
 рецензирования: 28.01.2022
 принятия: 14.02.2022

Н.В. Авдошина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
 E-mail: natal_sun@yandex.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
 УДК 308

Будимир Гвидонович Тукумцев: необычное имя – необычная судьба (к 95-летию со дня рождения)

Аннотация: 1 января 2022 года исполнилось бы 95 лет Будимиру Гвидоновичу Тукумцеву. Это человек-легенда отечественной социологии, внесший неоценимый вклад в становление социологии труда в нашей стране. Цель данной статьи – познакомить читателя с человеческими качествами и основными этапами жизненного пути, а также научными интересами известного ученого. Делаются выводы о причинах широкого признания в научной среде и успехах в преподавательской и научной деятельности.

Ключевые слова: Тукумцев; социология труда; Самарский университет; самарская социология.

Цитирование: Авдошина Н.В. Будимир Гвидонович Тукумцев: необычное имя – необычная судьба (к 95-летию со дня рождения) // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, № 1. С. 6–9. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-6-9>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Авдошина Н.В., 2022** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.V. Avdoshina

Samara National Research University,
 Samara, Russian Federation
 E-mail: natal_sun@yandex.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9117-7781>

Budimir Gvidonovich Tukumtsev: the unusual name – the unusual fate (coincided with the 95th anniversary of his birth)

Abstract: Budimir Gvidonovich Tukumtsev would have turned 95 years old on the 1st of January 2022. This man is a legend of the Russian social science, due to the fact, that he has made an invaluable contribution to the formation of the labour sociology in our country. The purpose of this article is to familiarize the readers with the personal qualities and the main stages of the life path, as well as with the academic interests of a famous scientist. Conclusions are drawn regarding the reasons for the wide recognition in the scientific community sphere and success within the scope of teaching and scientific activities.

Key words: Tukumtsev; sociology of labor; Samara University; Samara sociology.

Citation: Avdoshina, N.V. (2022), Budimir Gvidonovich Tukumtsev: the unusual name – the unusual fate (coincided with the 95th anniversary of his birth), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 6–9, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-6-9>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Avdoshina N.V., 2022** – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of sociology and cultural studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russian Federation; associate research fellow, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya Ul. (St.), St. Petersburg, 190005, Russian Federation.

В этом году, 1 января, мы могли бы поздравлять с 95-летним юбилеем одного из самых известных социологов страны и основателей отечественной социологии труда – Будимира Гвидоновича Тукумцева. К сожалению, не довелось... Он ушел из жизни от последствий коронавируса, не дожив до этой замечательной даты всего три месяца, 6 октября 2021 года.

Будимир Гвидонович Тукумцев относится к той редкой плеяде людей, о каждом из которых можно сказать «Человек-Эпоха»: в его жизни, как в зеркале, отразились судьбы людей и страны почти за целое столетие. О каждом таком Человеке-Эпохе можно написать целую книгу. И одна из самых интересных будет о Тукумцеве.

Будимир Гвидонович Тукумцев родился 1 января 1927 года в Ленинграде в типичной семье питерских интеллигентов – преподавателей, ученых. Его отец, Гвидон Романович, был известным лингвистом, специалистом по синтаксису русского языка и сравнительной грамматике русского и эстонского языков. Перед Великой Отечественной войной он преподавал в педагогических институтах им. Герцена и им. Покровского, на областных курсах учителей русского языка эстонских школ. Мама, Евгения Васильевна, работала заведующей библиотекой в школе.

После начала войны семью Тукумцевых эвакуировали в Северный Казахстан, в Павлодарскую область, село Иртышское. Там родители работали в школе, а четырнадцатилетний Будимир был мобилизован в трудовую армию и работал на машинно-тракторной станции сначала трактористом, комбайнером, а через год – инструктором тракторного дела.

В конце 1944 года его призвали в ряды студентов подготовительного отделения Ленинградского электротехнического института транспорта, эвакуированного в Алма-Ату.

В 1945 году институт вернулся в Ленинград. Тукумцев окончил его в 1948 году и был направлен работать на Омскую железную дорогу. Там прошел путь от механика до руководителя предприятия. В 1958 году был переведен в г. Куйбышев (Самара) на Куйбышевскую железную дорогу, где 9 лет проработал руководителем одного из подразделений и был избран секретарем Самарского райкома партии г. Куйбышева. Затем перешел на работу главным инженером в управление строительством на железной дороге, где и принял решение идти в науку.

При поступлении на соискательство в Куйбышевский политехнический институт в 1969 году был приглашен на место руководителя только что созданной первой в Поволжье социологической лаборатории и с 1970 года начал заниматься социологическими исследованиями. Защитил кандидатскую диссертацию по философии, создал

Тукумцев Будимир Гвидонович

Поволжский социологический центр (Тукумцев 2020).

Становление социологической лаборатории проходило непросто. Как пишет сам Б.Г. Тукумцев в «Очерках истории первой самарской социологической лаборатории», «*во-первых, самарская лаборатория была первым вузовским социологическим учреждением на Средней Волге. Поэтому именно она вызвала на себя «санкции отторжения» со стороны традиционных вузовских кафедр обществоведения. Отстояв в длительном противостоянии свое будущее, лаборатория создала прецедент для благоприятного развития социологии в других вузах Поволжья.*

Во-вторых, лаборатория во все годы своей работы была хозрасчетным подразделением, финансируемым только за счет заказов предприятий и не получающим ни копейки из бюджета. Даже в годы обострения экономического кризиса лаборатория не прекращала своей работы. Это позволило сохранить основную часть её научных кадров.

И, наконец, в 1989 году лаборатория стала стартовой площадкой для вновь созданного в Самарском университете социологического факультета. Её специалисты стали первыми преподавателями социологических дисциплин» (Тукумцев 2000).

Успехам в работе лаборатории способствовало и то, что она с первых дней своего существования

стала неформальным подразделением ленинградского отдела социологии ИКСИ АН СССР, которым руководил В.А. Ядов. Б.Г. Тукумцев вместе с сотрудниками лаборатории принимал участие в исследованиях, осуществляемых этим научным коллективом.

Социологическая лаборатория осуществляла большой объем прикладных исследований в сфере социологии труда и управления на крупнейших предприятиях страны, в том числе более семи лет на АВТОВАЗЕ и Волгодонском заводе «Атоммаш». В 1984 году за научные разработки в области социальных проблем коллективных форм организации труда Б.Г. Тукумцев был награжден бронзовой медалью ВДНХ.

Признанием научных успехов самарской лаборатории стало согласие Президиума Советской социологической ассоциации на проведение в 1989 году в Тольятти первой Всесоюзной конференции социологов труда «Социология труда и перестройка», которая собрала практически всех специалистов страны в области социологии труда.

В 1995 году лаборатория была преобразована в НИИ социальных технологий, директором по научной работе которого стал Б.Г. Тукумцев. И в этом же году он по заданию Правительства Самарской области осуществил запуск исследовательского проекта «Мониторинг социально-трудовой сферы предприятий и организаций Самарской области», который продолжался и после его отъезда из Самары до 2014 года. Результаты мониторинга были высоко оценены руководством региона, и в 1998 году Б.Г. Тукумцев стал одним из первых Лауреатов Губернской премии в области науки.

Под руководством Б.Г. Тукумцева было осуществлено несколько десятков социологических исследований на уровне региона, результаты которых Правительство Самарской области использовало для корректировки своей социальной политики.

Он являлся сопредседателем НИК-30 «Социология труда» Российского общества социологов. По его инициативе и при непосредственном участии было организовано множество научных конференций и семинаров, где буквально «кипела» научная мысль, а одним из многих результатов стало становление отечественной социологии труда как самостоятельной научной дисциплины.

Б.Г. Тукумцев много работал со студентами и аспирантами. Он разработал и вел три социологических дисциплины (социология труда, социология управления и социальные технологии), но его главной научной «любовью» всегда оставалась социология труда.

В 2004 году Будимир Гвидонович вернулся в Санкт-Петербург и был приглашен работать ведущим научным сотрудником в Социологический институт РАН (сектор социологии науки и инно-

ваций). Здесь он занимался проблемами культуры социальной деятельности, и в частности, культуры научно-исследовательской деятельности. Работал над обоснованием подходов к анализу социальной деятельности в рамках культуральной социологии, проводил эмпирические исследования в этой новой области. Продолжал работать над методологическими проблемами анализа социально-трудовой сферы, совершенствованием инструментальной базы прикладных исследований.

В Социологическом институте РАН Б.Г. Тукумцев проработал до 2018 года, создав научно-исследовательский Центр социально-трудовой сферы (который в настоящее время носит его имя) с участием исследователей из Белоруссии и Украины. Уволился по старости в 2018 году, но оставался внештатным ассоциированным научным сотрудником в Центре до ухода из жизни.

Будимир Гвидонович является автором около 170 научных публикаций, среди которых нет второстепенных работ. Каждая из них – ещё один очень важный «кирпичик» в социологическом знании, большинство работ – абсолютно пионерные. Например, первый отечественный «Теоретико-прикладной словарь «Социология труда»», который вышел в 2006 году, а его инициатором и редактором-составителем стал Б.Г. Тукумцев (Социология труда... 2006).

Будимир Гвидонович не мыслил себя вне какой-либо деятельности. Без преувеличения, он работал всю жизнь. Трудно себе представить, но его общий трудовой стаж – 77 лет, из которых 51 год – в социологии!

Он был очень разносторонним человеком. И хотя главным его увлечением была работа, но и вне её он был очень интересной личностью: блестяще играл на фортепиано, прекрасно разбирался в живописи и литературе. И очень трепетно относился к истории своего рода. Он написал об этом книгу, где родословное древо Тукумцевых начинается с 15 века от предка, приплывшего в Латвию из Любека среди немецких переселенцев (Мищенко 2021).

И сегодня нам, его самарским коллегам, очень не хватает Будимира Гвидоновича – его жизненной мудрости, человеческой чуткости, дружеского тепла и поддержки. Встретить в жизни такого человека и работать с ним – это настоящее большое счастье.

Библиографический список

Тукумцев Будимир. Краткая автобиография Будимира Гвидоновича Тукумцева // Русское поле. Содружество литературных проектов. 2020 URL: <https://ruspole.info/taxonomy/term/3532> (дата обращения: 10.12.2021).

Тукумцев Б.Г. Очерки истории первой самарской социологической лаборатории. Самара: Изд-во Самарский университет, 2000. 39 с.

Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В.А. Ядов. Санкт-Петербург: Наука, 2006. 426 с.

Мищенко А.С. Памяти Будимира Гвидоновича Тукумцева // Петербургская социология сегодня. 2021. Вып. 16. С. 133–135.

References

Tukumtsev, B. (2020), Brief autobiography of Budimir Guidonovich Tukumtsev, *Russian field. Commonwealth of Literary Projects*, [Online],

available at: <https://ruspole.info/taxonomy/term/3532> (Accessed 10 December 2021).

Tukumtsev, B.G. (2000), *Essays on the history of the first Samara sociological laboratory*, Samara University Publishing House, Samara, Russia.

Sociology of labor. Theoretical and applied explanatory dictionary (2006), ed. V.A. Yadov, Nauka, St. Petersburg, Russia.

Mishchenko, A.S. (2021), In memory of Budimir Guidonovich Tukumtsev, *St. Petersburg Sociology today*, Issue 16, pp. 133–135.

Submitted: 13.12.2021

Revised: 28.01.2022

Accepted: 14.02.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165.0

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-10-15

Дата поступления: 27.12.2021
рецензирования: 21.02.2022
принятия: 11.03.2022

Н.А. Ястреб

Вологодский государственный университет,
г. Вологда, Россия
E-mail: nayastreb@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-6008>

Как знание становится техническим объектом: эпистемические практики в области информационных технологий

Аннотация: в статье на примере области информационных технологий проводится анализ практик повышения эффективности технического знания. Обосновывается, что отличительной чертой современного этапа развития техники является то, что само знание становится техническим объектом и к нему применяются требования эффективности, высокопроизводительности, безопасности. В качестве методологической основы исследования используется авторская концепция эпистемических практик, в рамках которой выявляются методы и приемы работы с техническими объектами, результатом применения которых является повышение эффективности технического знания, реализованного в этих объектах. Доказано, что в области информационных технологий эпистемическими практиками являются формы представления знаний в информационных системах, подбор способов визуализации данных, совершенствование многофакторных математических моделей и определение конфигурации нагрузки аппаратного обеспечения. Сделан вывод о том, что производство эпистемических практик является условием конкурентоспособности IT-компаний, работающих в области наукоемких технологий.

Ключевые слова: философия техники; эпистемические практики; эпистемология техники; техническое знание; информационные технологии; производство знания; семиотика техники.

Цитирование: Ястреб Н.А. Как знание становится техническим объектом: эпистемические практики в области информационных технологий // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, № 1. С. 10–15. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-10-15>.

Благодарности: автор выражает благодарность проф. В.А. Суровцеву за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ястреб Н.А., 2022 – доктор философских наук, доцент, директор института социальных и гуманитарных наук, Вологодский государственный университет, 160035, г. Вологда, Ленина, 15.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.A. Yastreb

Vologda State University,
Vologda, Russian Federation
E-mail: nayastreb@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-6008>

How knowledge becomes a technical object: epistemic practices in information technology

Abstract: the article analyzes the practices of production and improving the efficiency of technical knowledge. The field of information technologies was chosen as the base of research. A distinctive feature of the modern stage of development of technology is that knowledge itself becomes a technical object. The requirements of efficiency, high performance, security are beginning to apply to knowledge itself. The author's concept of epistemic practices is used as a methodological basis for the present study. Epistemic practices are defined as methods and techniques for working with technical objects, the result of which is to increase the efficiency of technical knowledge implemented into these objects. The high level of competition and the direct dependence of the profits of IT companies on the efficiency of knowledge production makes the information technology industry a kind of "testing ground" for the production of epistemic practices. It has been proved that epistemic practices in the field of information technology are the forms of knowledge representation in information systems, the selection of data visualization methods, the improvement of multifactorial mathematical models and

the determination of the hardware load configuration. It is concluded that the production of epistemic practices is a condition for the competitiveness of IT companies operating in the sphere of high technologies.

Key words: philosophy of technology; epistemic practices; epistemology of technology; technical knowledge; information technology; knowledge production; semiotics of technology.

Citation: Yastreb, N.A. (2022), How knowledge becomes a technical object: epistemic practices in information technology, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 10–15, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-10-15>.

Acknowledgments: the author expresses their gratitude professor V. Surovtsev for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Yastreb N.A., 2022 – Doctor of Philosophy, assistant professor, Head of the Institute of Human and Social Sciences, Vologda state University, 15, Lenina St., Vologda, 160035, Russian Federation.

Введение

Традиционно основное содержание предмета философии техники составляли социальные, этические и ценностные аспекты ее понимания. В то же время в сфере современных технологий мы можем наблюдать появление эпистемологических инноваций в виде новых форм производства и использования знания, эпистемических установок и эпистемологических принципов. В этом плане наибольший интерес представляет область информационных технологий, которая не только является одним из наиболее наукоемких технических направлений, но и выступает экспериментальной площадкой для разработки и отработки моделей управления знанием и процессами его производства.

IT-компании заинтересованы в содержании и максимальном качестве производимого исследователями отделами знания, так как оно напрямую влияет на прибыль. Производительность поисковых систем, эффективность работы контекстной рекламы, скорость адаптации IT-продуктов к внешним изменениям и другие факторы напрямую зависят от тех знаниевых систем, которые заложены в основу разрабатываемых и применяемых технологий. Знание при таком подходе не только является коммерческим продуктом, но, что намного более важно, становится техническим продуктом и ежедневно используется для решения конкретных задач. Исследовательские отделы IT-компаний можно рассматривать как некие лаборатории, в которых не просто производится знание, но и создаются, апробируются, отбираются и трансформируются практики производства, верификации и трансляции знания, а также новые формы работы с ним. Выявление и анализ подобных практик представляется важным как для самой сферы новых информационных технологий, так и для современной эпистемологии, которая может дополниться сведениями о способах получения и проверки научного знания.

Знание как технический объект

Для достижения терминологического единства определения технического знания в данной работе

мы опираемся на трактовку понятия знания, принятую в когнитивных науках, где под ним понимается селективная, упорядоченная, определенным способом полученная и оформленная информация, имеющая социальное значение и «признаваемая в качестве именно знания определенными социальными субъектами и обществом в целом» (Грицанов, с. 247) с той поправкой, что в нашем случае упорядоченная информация должна признаваться знанием хотя бы внутри сообщества исследователей, работающих с ней. То, что для обывателя является хаотичной последовательностью нулей и единиц, может быть четко организованной знаниевой системой для специалиста.

Техническое знание представляет собой особый, не сводимый к естественно-научному вид знания. Обязательно включает функциональную и процедурную составляющие и имеет особые критерии истинности, такие как эффективность и безопасность. Структура технического знания отличается неоднородностью и гетерогенностью. В его состав входят теоретические концепты, нормы и предписания, описательные знания, прагматические, в том числе неявные компоненты, функциональные и структурные правила, а также социально-технические знания. Неоднородность технического знания обуславливает необходимость поиска новых методов и подходов к его описанию и работе с ним.

Исследование данной проблемы невозможно без обобщающего определения технического знания, под которым мы понимаем такое знание, которое *позволяет получать запланированный результат, основываясь на естественных причинно-следственных связях*. Формы и содержание этого знания могут быть различными, однако техническим его делает направленность на достижение целей человека и обусловленность естественными причинами. При таком понимании техническое знание выступает универсальным феноменом, выходящим за пределы производства и использования машин и механизмов и имеющим место во всех областях познания и деятельности.

Наиболее существенное изменение познавательной ситуации в современном техническом познании, вызванное развитием современных технологий, состоит в том, что само знание становится техническим объектом. Это означает, что оно производится как технический объект, эксплуатируется, используется, внедряется как технический объект, к нему предъявляются требования эффективности, высокопроизводительности и безопасности, которые обычно предъявляются к техническим объектам. Часть требований, предъявляемых к знаниям, в том числе научным, сохраняется и в этом случае. Прежде всего это касается логической непротиворечивости и структурированности. Но, если от научного знания требуется соответствие объекту, то объект технических знаниевых систем может быть даже не представлен в явном виде. Более того, объектом технического познания становится само знание. К примеру информация, хранящаяся в базе данных, может быть соотнесена с реальным объектом, а вот поиск способа организации и хранения данных может быть рассмотрен как техническое познание, объектом которого является само хранящееся в нем знание. То есть *эпистемологическая специфика существования знания как технического объекта состоит в том, что объект познания является частью самого знания.*

Сама постановка вопроса о том, что знание используется как инструмент, не нова. В рамках инструментального подхода знание рассматривалось как орудие для достижения результата. Еще Ф. Бэкон с его знаменитым девизом «знание – сила» обращал внимание на то, что знание становится инструментом преобразования мира. В классическом прагматизме научная теория анализировалась с позиции ее инструментальной ценности, то есть того, насколько эффективно она может использоваться для объяснения существующих фактов и предсказания новых. Как писал В. Джеймс, «теории становятся инструментами, а не ответами на загадки» (James 1975). Описанная выше ситуация в современном техническом познании отличается от инструментализма тем, что знание не просто используется как орудие, к нему применяются те же практики, которые имеют место в техническом творчестве, и само оно становится объектом технической деятельности. В классической теории познания гарантией эффективности знания была его достоверность, обуславливавшая единственность истины. На современном этапе речь идет о наличии в арсенале исследователя «линейки» моделей, форм представления знаний, методов познавательной деятельности. Если в прагматизме знания-инструменты рассматривались как средства приспособления и адаптации к среде, то в данном контексте речь идет о приспособлении к конкретным задачам самих знаниевых систем.

Концепция эпистемических практик

Неоднородность и гетерогенность современного технического знания, а также появление нового типа технических объектов в виде знаниевых систем требует разработки теоретических подходов, в рамках которых можно описывать эпистемологические процессы в данной области. Можно провести некоторую аналогию между современным техническим и неклассическим гуманитарным познанием. Л.А. Микешина, характеризуя мультипарадигмальность современного гуманитарного познания, предлагает концепцию синтеза когнитивных практик, в основе которой лежит идея интеграции подходов и традиций в гуманитарном знании, формировавшихся и рассматривавшихся ранее отдельно друг от друга и даже считавшихся противоположными, взаимоисключающими. Среди таких практик она упоминает «лингвистический поворот, при котором теория познания заменяется теорией значения и некоторыми другими учениями о языке; феноменологические подходы к познанию; герменевтический опыт, выраженный в общей теории понимания и интерпретации; практики деконструктивизма и постмодернизма» (Микешина 2002, с. 49–50). Такой подход, при котором теоретические направления теории познания рассматриваются как практики, а описание разнородной познавательной реальности становится возможным благодаря их многообразию, представляется полезным не только для описания гуманитарного знания. Если когнитивные практики направлены на знание и его получение, то в технической области в познавательных ситуациях, как правило, присутствует взаимодействие и с техническим объектом, и с тем знанием, которое лежит в его основе. Для описания этой особенности познавательных ситуаций в сфере современных технологий мы введем термин «эпистемические практики», под которым будем понимать *методы и приемы работы с техническими объектами, результатом применения которых является повышение эффективности технического знания, реализованного в этих объектах.* Общей целью любых эпистемических практик работы с техническим знанием, таким образом, является приближение к истине, понимаемой как эффективность.

В широком смысле они могут быть поняты как любая работа со знанием, подразумевающая повышение его эффективности. При таком подходе эпистемическими практиками могут служить, например, графическое представление, моделирование, апробация. В узком смысле таким термином можно обозначить процессы и методики работы с конкретным видом знания в условиях решения технических задач, специфичные именно для него, позволяющие повысить эффективность исходного знания. Однако в каком бы смысле мы не

использовали этот термин, отличительным признаком эпистемической практики является то, что она применяется к уже имеющемуся знанию и направлена на повышение эффективности применения этого знания. Эпистемические практики можно найти в различных областях современного технического познания, однако наиболее показательной является сфера производства информационных технологий, наиболее наглядно демонстрирующая примеры использования знания в качестве технического объекта.

Эпистемические практики в сфере информационных технологий

Среди направлений развития внеакадемической науки сфера информационных технологий и IT-гиганты занимают особое место. Можно сказать, что именно эта область во многом показала возможность организации системного производства научного знания, как прикладного, так и фундаментального, за пределами традиционных академических институтов (Floridi 2012). Исследовательские отделы корпораций разрабатывают новые технологические продукты, проводят социологические исследования, выводят новые формулы и доказывают теоремы. В ряде направлений, в частности, в области искусственного интеллекта, IT-компании успешно конкурируют с научными организациями, а их результаты сопоставимы с теми знаниями, которые производятся в академической среде. Работа ученого в корпорации сфокусирована на самом исследовании, а сам он освобожден от множества бюрократических проблем и различных дополнительных обязанностей, которые осложняют научную работу сотрудника академической организации. Высокий уровень конкуренции и прямая зависимость прибыли компаний от эффективности производства знания делает IT-отрасль своеобразным «полигоном» производства эпистемических практик. В данной работе мы рассмотрим практики, применяющиеся к трем видам объектов, а именно: базам данных (знаний), математическим формулам и конфигурации нагрузки на аппаратное обеспечение.

Основным техническим продуктом, производимым IT-компаниями, является код. Еще с середины XX в., когда формировались основные подходы в области искусственного интеллекта, код стали рассматривать как форму представления знания. Достаточно быстро стало понятно, что способ организации знаний в информационной системе оказывает существенное влияние на ее производительность и на качество результата. Были разработаны как фундаментальные подходы к представлению знаний в виде фреймов (Minsky 1974) или семантических сетей (Lehmann Rodin 1992), так и практические приемы, позволяющие управлять эффективностью информационных

технологий через изменение организации данных. И если изначально исследователи этой проблемы ставили задачу создания наиболее адекватной системы представления знаний, то сейчас понятно, что идеальной формы нет. Упростить решение сложной задачи можно, правильно выбрав метод представления знаний, и наоборот, некорректно подобранный метод затруднит работу или сделает ее вовсе невозможной. Подбор метода (формы) представления знаний для конкретной базы данных (знаний), таким образом, является эпистемической практикой. Другим примером эпистемических практик могут служить современные технологии визуализации данных. В числовом виде данные часто слабоинформативны для человека, особенно если их объем достаточно велик. В результате «полезность» такой базы без дополнительной обработки невысока. Методы графического представления информации, от простейших графиков до 3D-диаграмм, обновляемых в режиме реального времени, позволяют в наглядной форме представлять связи между объектами и быстро выявлять аномалии, следовательно, их подбор также может быть рассмотрен как эпистемическая практика.

Другим примером знаниевых технических объектов в области информационных технологий являются математические формулы, и к ним также применяются эпистемические практики. Так, задачей поисковой системы является отбор из колоссального массива данных (практически всего общедоступного Интернета) той информации, которая нужна пользователю именно сейчас, и выдача результатов в ранжированном виде. От эффективности ранжирования зависит «счастье пользователя», который на самом деле не ищет информацию на сервере, а решает свою задачу, будь то покупка дешевого авиабилета или выбор корма для собаки. И успешность поиска зависит не только и не столько от мощности серверов и датацентров поисковой системы, сколько от ее способности «читать мысли», то есть учитывать множество явных и неявных факторов, определяющих релевантность информации запросу пользователя. В поисковой системе Яндекс ранжирование осуществляется функцией Matrixnet. На протяжении всей истории поисковой системы компания основное внимание уделяет доработке этой математической формулы. Если первый ее вариант занимал 10 б, то к 2016 году ее длина составила 100 Мб. По своей сути функция представляет собой модель соотношения факторов, влияющих на ценность информации для пользователя. Доработка этой модели является прямым примером эпистемической практики, так как повышение эффективности работы технического объекта (поиска) осуществляется через изменение знаниевой системы, лежащей в его основе.

Представители Яндекса приводят случаи, когда одно изменение функции Matrixnet ускорило поиск в десять раз и сэкономило от 10 до 15 % мощности центрального процессора (CPU). В практическом плане результатом этой эпистемической практики стали не только ускорение поиска и повышение уровня «счастья пользователя», но и вполне материальные результаты по экономии энергии и снижению амортизации вычислительных машин на десятки миллионов долларов в год (Как устроен поиск Яндекса 2016).

Эпистемические практики применяются для повышения эффективности не только знаниевых систем, но и материальных технических объектов, работа которых также может зависеть от подходов и методов, использованных при их конструировании. Для IT-отрасли важным моментом является то, что разные задачи с разной эффективностью реализуются на разном аппаратном обеспечении. В этом смысле совершенствование распределения задач по hardware тоже может рассматриваться как эпистемическая практика, поскольку модель или система этого распределения представляет собой знаниевую систему. Особенно это актуально для больших данных, где от эффективности распределения нагрузки существенно зависит скорость работы системы.

Заключение

Наряду с материальными системами, полноправным объектом современных технологий становятся знание и процессы его переработки, что определяет фундаментальный статус эпистемологических исследований техники на современном этапе технологического развития. Наиболее существенное изменение познавательной ситуации в современном техническом знании, вызванное развитием современных технологий, состоит в том, что само знание становится техническим объектом. Техническое знание уже не ограничивается сферой конструирования и использования машин и механизмов и должно пониматься в широком смысле, как такое знание, которое позволяет получать запланированный результат, основываясь на естественных причинно-следственных связях. Познавательная деятельность в области современных технологий может быть описана как совокупность эпистемических практик, то есть методов работы с техническими объектами, направленных на повышение эффективности того знания, на основе которого они построены.

В области современных информационных технологий в качестве технических объектов используются не только вычислительные машины, но и математические формулы, базы данных и другие нематериальные объекты. От эффективности их работы напрямую зависят объемы затрат и прибыли IT-компаний, в связи с чем производство и

внедрение практик повышения эффективности знаниевых систем, лежащих в основе разрабатываемых продуктов и используемых инструментов, становится важнейшим условием конкурентоспособности IT-гигантов.

Библиографический список

Brey, P. (1996), *Philosophy of technology: a time for maturation, metascience: an international review journal for the history, Philosophy and Social Studies of Science*, vol. 9, pp. 91–104.

Jarvie, I.C. (1972), *Technology and the structure of knowledge, philosophy and technology. Readings in the philosophical problems of technology*, C. Mitcham and R.C. Mackey, eds., *The Free Press*, pp. 54–61.

Bone, J. (2012), *The social sciences and the web: From «lurking» to interdisciplinary «big data» research, Methodological innovations*, vol. 9, pp. 1–14.

Etzkowitz, H. (1995), *The triple helix—university—industry—government relations: a laboratory for knowledge-based economic development, EASST Review*, vol. 14, pp. 14–19.

Floridi, L. (2012), *Big data and their epistemological challenge, Philosophy & Technology*, vol. 25, pp. 435–437.

James, W. (1975), *The Works of William James*, vol. 1, Ed. by F.H. Burkhardt, F. Bowers, I.K. Skrupskelis, Harvard University Press, Cambridge, UK.

Minsky, M. (1974), *A framework for representing knowledge, The Psychology of Computer Vision*, P. Winston (ed.), McGraw-Hill, New York, USA.

Russo, F. (2018), *Digital technologies, ethical questions, and the need of an informational framework, Philosophy & Technology*, vol. 31, pp. 655–667.

Semantic networks in artificial intelligence (1992), Lehmann F., Rodin E.Y., eds., Pergamon Press, Oxford, New York.

Барышников П.Н. Вычислительная философия в поисках границ между объектом и методом // *Философия науки и техники*. 2021. Т. 26, № 1. С. 47–50.

Как устроен поиск Яндекса: о чём невозможно прочитать. URL: <https://youtu.be/BCVsgup8hUQ> (дата обращения: 18.12.2021).

Микешина Л.А. *Философия познания. Полемические главы*. Москва: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.

Нестеров А.Ю. *Семиотические основания техники и технического сознания: монография*. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 155 с.

Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2003. 1280 с.

Чешев В.В. *Техническое знание: монография*. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2006. 267 с.

References

- Brey, P. (1996), Philosophy of technology: a time for maturation, metascience: an international review journal for the history, *Philosophy and Social Studies of Science*, vol. 9, pp. 91–104.
- Jarvie, I.C. (1972), Technology and the structure of knowledge, philosophy and technology. Readings in the philosophical problems of technology, C. Mitcham and R.C. Mackey, eds., *The Free Press*, pp. 54–61.
- Bone, J. (2012), The social sciences and the web: From «lurking» to interdisciplinary «big data» research, *Methodological innovations*, vol. 9, pp. 1–14.
- Etzkowitz, H. (1995), The triple helix–university–industry–government relations: a laboratory for knowledge-based economic development, *EASST Review*, vol. 14, pp. 14–19.
- Floridi, L. (2012), Big data and their epistemological challenge, *Philosophy & Technology*, vol. 25, pp. 435–437.
- James, W. (1975), *The Works of William James*, vol. 1, Ed. by F.H. Burkhardt, F. Bowers, I.K. Skrupskelis, Harvard University Press, Cambridge, UK.
- Minsky, M. (1974), A framework for representing knowledge, *The Psychology of Computer Vision*, P. Winston (ed.), McGraw-Hill, New York, USA.
- Russo, F. (2018), Digital technologies, ethical questions, and the need of an informational framework, *Philosophy & Technology*, vol. 31, pp. 655–667.
- Semantic networks in artificial intelligence* (1992), Lehmann F., Rodin E.Y., eds., Pergamon Press, Oxford, New York.
- Baryshnikov, P.N. (2021), Computational philosophy in search of boundaries between object and method, *Philosophy of Science and Technology*, vol. 26, pp. 47–50.
- How Yandex search works: what is impossible to read about*, [Online], available at: <https://youtu.be/BCVsgup8hUQ> (Accessed 18 December 2021).
- Mikeshina, L.A. (2002), *Philosophy of knowledge. Polemic chapters*, Progress-Tradiciya, Moscow, Russia.
- Nesterov, A.Y. (2017), *Semiotic foundations of technology and technical consciousness*, Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnej akademii, Samara, Russia.
- The latest philosophical dictionary* (2003), A.A. Gricanov (ed.), Interpresservis, Knizhnyj Dom, Minsk, Belarus.
- Cheshev, V.V. (2006), *Technical knowledge*, Izdatel'stvo Tom. gos. arhit.-stroit. un-ta, Tomsk, Russia.

Submitted: 27.12.2021

Revised: 21.02.2022

Accepted: 11.03.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 165.0

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-16-22

Дата поступления: 03.01.2022
рецензирования: 21.02.2022
принятия: 11.03.2022

А. Нордманн

Институт философии Технического
университета Дармштадта,
г. Дармштадт, Германия
E-mail: nordmann@phil.tu-darmstadt.de
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2173-4084>

Деятельностное знание или: How to express things in works?*

Аннотация: современная теория познания исходит из того, что всякое подлинное знание есть фактическое знание (Tatsachenwissen). При этом отдельные факты соответствуют отдельным высказываниям о том, как нам являются вещи. Если эти высказывания истинны, тогда наличествуют и соответствующие факты – и наоборот. Однако философия техники настаивает на том, что мы, люди, чтобы формулировать истинные высказывания, занимаемся отнюдь не одним только созерцанием мира. Мы ведь как-то обращаемся с вещами в мире, когда нечто делаем или строим. И для этого нужно некоторое знание, которое может быть изучено и развито. Звучат предложения говорить в этом случае о «вещественном знании» (Dingwissen). Однако это выражение всё же вводит в заблуждение. У нас есть хорошие основания говорить о «деятельностном знании» (Werkwissen), то есть о знании того, как вещи взаимодействуют во взаимосвязи часового механизма или сталелитейного завода (Uhrwerk oder Stahlwerk). Здесь важно не то, как вещи являются человеку, но то, что вещи могут, когда они оказываются соотнесены друг с другом тем или иным образом.

Ключевые слова: фактическое знание; вещественное знание; деятельностное знание; Витгенштейн; философия техники; теория познания.

Цитирование: Нордманн А. Деятельностное знание или: How to express things in works? // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 1. С. 16–22. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-16-22>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Нордманн А., 2022 – профессор института философии, Технический университет Дармштадта, Каролиненплатц 5, г. Дармштадт, 64289, Германия; Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251.

SCIENTIFIC ARTICLE

A. Nordmann

Institute of Philosophy Darmstadt Technical
University, Darmstadt, Germany
E-mail: nordmann@phil.tu-darmstadt.de
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2173-4084>

Working knowledge or How to express things in works?*

Abstract: It is a basic assumption of classical modern epistemology that any genuine / true knowledge is factual knowledge (Tatsachenwissen). Moreover, separate facts correspond with the certain statements regarding how the things are presented to us. If these statements are true and genuine, then the corresponding facts are being present and visa versa. However, the philosophy of technology insists on the fact, that we, the people, carry out not only world contemplation so as to enunciate true statements. We all interact somehow with the material things when we either do something or build. For this very purpose we need some knowledge that is to be exam-

* Перевод выполнен Натальей Витальевной Барабановой, Александром Юрьевичем Нестеровым. Выходные данные первой публикации статьи: Nordmann, A. (2015), Werkwissen oder How to express things in works. Jahrbuch Technikphilosophie, Bd. 1, Zürich: diaphanes, pp. 81-89. Для настоящего издания текст статьи был доработан автором.

** Translated by Natalia Vitalievna Barabanova, Alexander Yurievich Nesterov. First publication of this article: Nordmann, A. (2015), Werkwissen oder How to express things in works. Jahrbuch Technikphilosophie, Bd. 1, Zürich: diaphanes, pp. 81-89. For this edition, the text of the article has been finalized by the author.

ined and further developed. There are suggestions to characterize this very knowledge as “material knowledge” (Dingwissen). However, this expression after all deceives the addressee. It is reasonable to suppose that there exist the “working knowledge” – knowledge concerning the components operate within the scope of the clock mechanism or steelworks (Uhrwerk oder Stahlwerk). The most important thing is not the potential of things but the correlation between them this way or another.

Key words: factual knowledge; material knowledge; working knowledge; Wittgenstein; philosophy of technology; epistemology.

Citation: Nordmann, A. (2022), Working knowledge or How to express things in works?, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 16–22, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-16-22>.

Information about conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Nordmann A., 2022 – Professor of the Institute of Philosophy, Darmstadt Technical University, 5, Karolinenplatz, Darmstadt, 64289, Germany; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University 29, Polytechnicheskaya st., St.Petersburg, 195251, Russia.

«Мир – это совокупность фактов, не вещей» – этим утверждением Витгенштейн выражает основное убеждение современной теории познания и науки. [Цитаты из «Логико-философского трактата» или из «Философских исследований» обычно подтверждаются номером тезиса. При цитировании «Дневников 1914–1926 гг.» я аналогичным образом ограничиваюсь указанием на дату. Цитируется по изданию (Wittgenstein 1984).] В последние годы этому тезису противопоставляется идея возрождения вещи. В настоящей статье на место непосредственного знания о вещи встает грамматика выражения вещей в деятельности. Аналогично знанию фактов и обуславливая его, объективное деятельностное знание, по аналогии со знанием фактом и в качестве его предпосылки, – это знание о том, как вещи взаимодействуют в произведениях деятельности, каков их вклад в системное целое этого взаимодействия.

Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате» относительно незаметно осуществляет тройной ход, от которого перехватывает дух, во всяком случае, у удивляющегося, не способного поверить философа техники. «Изложить сущность предложения означает изложить сущность всякого описания», – сказано в начале «Трактата», и это воспринимается в качестве оценки Витгенштейном того, что он осуществил в «Трактате» (Wittgenstein 1984, 5.4711). Да, он определяет общую форму и сущность предложения, да, тем самым он схватывает сущность описания, так как истинное предложение и есть истинное описание: а что иное могло бы называться «истинным описанием», если не формулирование предложения, которое согласовано с тем, что имеет место или не имеет места? Пока всё так. Но пойдём дальше. «Изложить сущность предложения – значит изложить сущность всякого описания, то есть сущность мира». Как такое может быть, спрашивает себя философ техники, который не может приравнять сущность описания к сущности мира, который считает, что сущность мира должна бы скорее состоять в том, что мы в нём живём и поступаем, что мы в нём действуем,

что мы воздействуем на него, а он – на нас. В противоположность этому Витгенштейн утверждает, что мир есть, в сущности, нечто изображаемое, воспринимаемое и познаваемое, – предмет истинного мнения или теоретического описания. Как предмет описания мир, по сути, есть то, что является в восприятии, или то, как вещи являются в опыте, а именно – скопление фактов. Описание говорит, что нечто есть такое-то или иное, при этом каждое высказывание с союзом «что...» соответствует констатации каких-то фактов. Мир, который является в сущности предметом описания, – это мир как совокупность фактов, а не вещей. Таким образом круг замыкается, потому что именно так Витгенштейн начинает свой Трактат и вводит понятие мира как такового (Wittgenstein 1984, 1.1.): неудивительным и совершенно нормальным является то, что далее о таком образом определённом мире он говорит, что его сущность совпадает с сущностью описания и сущностью предложения.

Пусть эта реконструкция и способна успокоить читателя Витгенштейна, философ техники остаётся обескураженным, у него появляется подозрение: может быть, есть связь между тем, что вещи прячутся здесь за фактами, и тем, что мир понимается как мир, подлежащий только описанию, а не как мир, в котором мы технически действуем. Тем самым совокупность фактов была бы миром *homo depictor* (человека изображающего), а совокупность вещей – миром *homo faber* (человека изготавливающего). [Против подобного противопоставления может быть приведено происхождение слова «факт» или «fact», восходящее к „facere“ («делать»). Каким бы малым ни было значение этого происхождения в современном употреблении, изначальное употребление этого слова также соотносится со сделанным делом, происшествием, случаем, вещью, т.е. с положением дел, а не с активным деянием, изготовлением, созиданием, воздействием. Ср. у Готхольда Эфраима Лессинга «О словечке факт».]

Однако значимость этого подозрения сильно преувеличена. Слишком откровенно оно взывает

к романтическому образу ремесленника, который умеет интимно обращаться с вещами, получая в награду непосредственное знание о них. Оно рисует слишком схематичный конфликт между отчужденным научным теоретическим знанием, которое познаёт мир только из перспективы наблюдателя, и участливым, интерактивным, относительным и воплощенным знанием вещей. Необходим подробный анализ, проверка аргументов в пользу этого знания вещей, ответ на вопрос, где и как справедливая критика теории познания, соотносящейся лишь с описанием мира и фактическим знанием, превращается (и превращается ли?) в утверждение непосредственного технически-практического знания вещей. [Важнейшие авторы, которых следовало бы рассмотреть в этом отношении, – это Мартин Хайдеггер, Ян Хакинг, Дэвис Бэрд, Ханс-Йорг Рейнбергер.] Вместо того чтобы подробнее рассматривать здесь характеристики знания вещей, я предлагаю противопоставить пропозициональному знанию фактов не знание вещей, но деятельностное знание, где произведение деятельности, как и предложение, есть нечто сделанное человеком, нечто, в чем проявляются вещи. [Противопоставление фактического знания деятельностному знанию ни в коем случае не охватывает всех типов знания, даже в узкой сфере философии науки и техники. За его пределами остается «personal knowledge» («личностное знание») Майкла Полани: в фактическом знании и деятельностном знании речь идет об объективном знании, без анализа субъекта знания, то есть без учёта того, что это значит для субъекта – знать или мочь что-либо. В дополнение к настоящему рассуждению автором была сделана попытка охарактеризовать позицию, необходимую для приращения субъективного деятельностного знания: (Nordmann 2014).] Вопрос, следовательно, заключается в том, как вещи проявляются в произведении деятельности, и что деятельностное знание сообщает опыту о вещах в отличие от фактического знания. Обсуждение этого вопроса в первой итерации будет связано с осторожным вопрошанием, а затем – с явно спекулятивной ссылкой на Людвига Витгенштейна, с помощью которого можно со всей очевидностью продемонстрировать отношение между знанием фактов и деятельностным знанием. Попытку такого рода можно было бы предпринять, опираясь и на Мартина Хайдеггера, и на Нельсона Гудмена, Чарльза Сандерса Пирса, Жильбера Симондона, и со всей определенностью – на Эрнста Кассирера. [В «Понятии о субстанции и понятии о функции» Кассирер опирается на определяющее для фактического знания понятие математической функции. Для этого случая альтернатива также заключается не в возврате к вещи или к субстанции, но в определяющем для деятельностного знания ремесла техническом по-

нятии функции.] Но сначала я хочу попытаться счастья с Витгенштейном.

У Витгенштейна мы находим достаточно отправных точек, даже если они кажутся мало разработанными. Быстро становится понятным, что для него есть и другие способы созерцания мира, нежели в качестве совокупности фактов. В «Трактате...» он говорит, например, о «созерцании мира [...] как – ограниченного – целого» (Wittgenstein 1984, TLP 645). Возможно, отношение к миру как ограниченному целому соответствует мистическому мироощущению, как он добавляет в этом месте. В заметках к «Трактату» Витгенштейн как философ и, возможно, как инженер поясняет представление об ограниченных мирах, в которых вещи приобретают значение. 8 октября 1916 года он довольно смутно отмечает, что печь, которую он как раз созерцает, становится его миром. При этом он делает замечание, которое можно легко отнести к часам: «В качестве вещи среди вещей каждая вещь одинаково незначима, в качестве мира – каждая равнозначима» (Wittgenstein 1984, 8.10.1916). В качестве вещи среди вещей всякий винт, всякая резьба, всякая пружина разбросаны без какого-либо значения. Они не образуют ограниченного целого. Составленные вместе и действующие вместе, они образуют мир часового механизма, являются равнозначимыми. Спустя две заметки и несколько дней Витгенштейн вновь поднимает вопрос о том, как вещи могут получать значение. С учётом моего интереса, ограниченно сейчас сугубо философией техники, я интерпретирую эту содержательную и далеко ведущую запись следующим образом: вещи становятся значащими не за счёт их изображения во взаимосвязи фактов, но за счёт их выражения во взаимосвязи воли, действия или деятельности. Учитывая опасность сокращений, я предлагаю следующее толкование: «вещи получают «значение» лишь через их отношение к моей воле» (Wittgenstein 1984, 15.10.1916), то есть через то, как они организованы технически, например, в часовом механизме. То, что здесь организовано, – это не инертная вещьественность вещи как мертвая материя, но то, что проявляется, когда человек приводит вещь к взаимодействию в произведении деятельности. Так обосновывается совершенно не научное мировоззрение, полагаемое Витгенштейном здесь как допустимое: «Как я из моей физиогномики могу заключать о моём духе (характере, воле), так и из физиогномики всякой вещи – о её духе (воле)» (Wittgenstein 1984, 15.10.1916). За этим следует скептический вопрос, перетекающий в гипотетическое замечание. Скептический вопрос: «Действительно ли мое тело что-то выражает?» И затем интересный поворот: «Правда ли, что мой характер [...] выражается лишь в строении моего тела или моего мозга, а не в равной мере в строении

всего прочего мира?» (Wittgenstein 1984, 15.10.1916). Как бы там ни было, Витгенштейн продолжает: если бы дело обстояло так, что мое тело выражало бы волю и дух, тогда оно делило бы это с неодушевленными предметами, если они – не просто вещи среди вещей, но вещи в их деятельностном взаимодействии. Каждая вещь имела бы тогда свой дух или волю и выражала бы в себе строение всего прочего мира в той мере, в какой она принадлежит к взаимосвязи произведения деятельности, становится значимой в нём как в ограниченном целом, выражается: «Искусство есть выражение. Хорошее произведение искусства есть завершённое выражение» (Wittgenstein 1984, 19.9.1916). И сразу вслед за этим несколько недель спустя: «Произведение искусства – предмет, увиденный *sub specie aeternitatis* («с точки зрения вечности»), а хорошая жизнь (произведение жизни?) – это мир, увиденный *sub specie aeternitatis* (Wittgenstein 1984, 7.10.1916).

Произведение деятельности – это выражение, а то, что выражается, есть взаимодействие вещей. Это не тезис Витгенштейна. Здесь, как и в более поздних работах, он лишь ставит вопросы, не разбирая их последовательно. Вопросы о вещи, выражении, мире как ограниченном целом. Моя интерпретация этого фрагмента текста берёт след, теряющийся у Витгенштейна, и по нему следует пройти, потому что он мог бы привести к чему-то вроде «Логико-технического трактата». Было бы, однако, фатальной ошибкой, совершенно несоизмеримой моему намерению, сводить след Витгенштейна к созерцаемому образу воображаемой печи. Если философ техники занялся Витгенштейном, то под девизом, что это занятие должно привести, по крайней мере, к прояснению отношения между пропозициональным фактическим знанием и деятельностным знанием. Как мог бы он выглядеть, этот ненаписанный «Технико-философский трактат» с его деятельностным знанием в противовес хорошо известному «Логико-философскому трактату» с его фактическим знанием? [Используемый здесь термин «деятельностное знание» или «working knowledge» восходит к работе Дэвиса Бэрда и Альфреда Нордманна (Baird and Nordmann 1994); сравни: (Baird 2004, pp. 41–66). Для философии науки и техники концепция была разработана далее в: (Nordmann 2013). В этих первых попытках технико-философский вопрос об отношении между вещью и производением, а также о том, что собственно есть произведение деятельности, не рассматривался.]

Если у Витгенштейна говорится, что сущность предложения есть сущность описания, есть сущность мира как ограниченного целого фактов, то в «Технико-философском трактате» на соответствующем месте значило бы: сущность произведения деятельности есть сущность изготовления,

есть сущность мира как взаимодействия вещей. [Используемые здесь широкие обобщения хорошо проясняет Хайдеггер, когда ставит под вопрос трёхходовку Витгенштейна в качестве основного мотива современной метафизики и основы современной теории науки и познания. Как дошло до того, спрашивает Хайдеггер, что сущностные определения вещи, предложения и истины сводятся к одному и тому же? См.: (Heidegger 1984, p.44.) Оба трактата исходили бы из того, что вещи могут быть естественного или искусственного происхождения, в то время как предложения и произведения сделаны человеком. Предложения – это описания, мы понимаем их значения тогда, когда мы знаем, при каких условиях они истинны или ложны. Произведения, на первый взгляд, многообразны, общее у них то, что вещи в них соединены так, чтобы взаимодействовать в произведении деятельности – значение произведения в этом отношении заключалось бы в его правильном изготовлении. Прослеживая слово «произведение» [Werk] в немецком языке, мы видим, что парадигматическим примером сказанному является часовой механизм [Uhrwerk], но также и произведение искусства [Kunstwerk], ремесло [Handwerk], электростанция [Kraftwerk], сеть [Netzwerk], строение [Bauwerk], а почему тогда и не дело всей жизни или плод любви [Lebens- und Liebeswerk], и далее договор как социальный институт [Vertragswerk], рудник [Bergwerk], сталеплавильный завод [Stahlwerk], конвейер [Laufwerk], ходовой механизм и средство передвижения [Fahr- und Fuhrwerk]. Разумеется, под понятие произведения деятельности [Werk] подпадает и многое другое, не называемое этим словом: от экспериментальных систем до учреждений, от игрушек до транспортных сетей. [Этот список демонстрирует, что произведение не всегда есть рабочая взаимосвязь. В то время как английское слово «work» в форме глагола значит в первую очередь «работать», здесь взаимодействие вещей понимается шире.] Здесь следует добавить ряд наблюдений, способных продвинуть нас в определении деятельностного знания.

Сначала в отношении вещей, обнаруженных или сделанных человеком, и в отношении того, как они проявляются в предложении и в деятельностном произведении. В отношении предложений одна из записей в дневниках Витгенштейна подготавливает нас к формулировкам из «Трактата»: «Как быть, если есть что-то помимо фактов? Что-то, что наши предложения не в состоянии выразить? Ну вот есть у нас, например, вещи, и мы не чувствуем никакой потребности выражать их в предложениях» (Wittgenstein 1984, 27.5.1919). Говоря о выражении чего-либо в предложении или в языке, Витгенштейн использует глагол «высказывать» [aussprechen] и коротко и ясно определяет в «Трактате», что предложение может говорить

только о вещах, но не может их высказывать (Ср. тут же (Wittgenstein 1984, 3.221)). И если посредством предложения высказывается факт, то этот факт обозначает способ данности вещи или её явление, тем самым предложение опосредованно повествует о вещи, как она является в опыте. При этом вещь сама по себе [an sich] остаётся недоступной и невысказанной, как и у Канта. И в то же время формулировки Витгенштейна открывают одну возможность. Невысказываемое, то, что не может быть выражено ни в языке, ни в предложении, возможно, выражает себя иным образом. Невысказываемые ценности, например, выражаются посредством жизни, которую я веду, а невысказываемые чувства – музыкой. У позднего Витгенштейна такая возможность однозначно и отчётливо признаётся. А вещи? У нас нет потребности выражать их в языке, но в произведениях деятельности они должны демонстрировать, чего они способны достичь во взаимодействии с другими вещами. Часовой механизм, например, на первом шаге выражает себя самого, свой такт, свой упорядоченный ход, но на втором шаге он выражает и пружину, и шестеренку, специфические качества которых входят в это произведение деятельности. [Деятельная взаимосвязь демонстрирует, что могут вещи, а что нет, что они суть или каковы их свойства. Уже поэтому речь здесь может идти о качествах выражения.]

Предложение и произведение при этом одинаково объективны, оба объективированы своей искусственностью. [Как указывает и Дэвис Бэрд, предложения и произведения в равной мере принадлежат сугубо искусственному миру 3 объективного знания Поппера. Ср. (Popper 1973, pp. 123-171); (Baird 2004, pp. 127-144).] О том, что нечто происходит таким или иным образом, говорит предложение, но не говорящий человек. Если я высказываю предложение, то тем самым я утверждаю некоторый факт, который истинен или ложен настолько, насколько истинно или ложно высказанное предложение. В то время как фактическое знание добывается путём принятия предложения в качестве убеждения, оно объективирует себя самым буквальным образом в истинном предложении, и тем самым – в отношении соответствия между структурой предложения и заданным предметным содержанием. А в то время как деятельностное знание добывается с помощью интеллектуального или телесного участия в деятельностном взаимодействии, оно объективирует себя в произведении, и тем самым – в успешном взаимодействии вещей. Это заключение важно, например, для философии технаук (ср.: (Nordmann 2011)). Результаты исследований технических наук заключаются скорее не в проверке гипотез, но в успешности функционирования произведений деятельности, где и верифика-

ция гипотезы, и успешность функционирования произведения – каждая по своему – публикуются, выставляются, предъявляются и изображаются в журнальной статье.

Является ли проблемой, что объективированный часовой механизм выражает сам себя и потом становится средой и средством выражения для отдельных предметов, из которых он состоит, и которые в часовом механизме предъявляют доказательства своих возможностей? В своих дневниках Витгенштейн сетовал на вопрос о простоте вещи. В конечном итоге только простые вещи могут дать предложению необходимую определенность, позволяют однозначно установить условия его истинности. Каким образом высказывание «Население Вены насчитывает 1,7 миллионов жителей» может быть истинным или ложным, если число жителей ежедневно колеблется, если даже непонятно, имеется ли в виду Вена в её строгих административных границах или нет? Этой дилеммы Витгенштейн избежал с помощью продуктивного положения, в соответствии с которым – просто и гладко – простая вещь есть то, что соответствует имени в предложении. [Ср., как Витгенштейн анализирует эту проблему, особенно в записи от 22.05.1916. Здесь уже раскрывается его поздняя философия, в виде необходимости анализа возможных неоднозначностей в связи с референцией в сомнительных случаях.] То есть простым может быть как население города, так и отдельно взятый житель, атом и строительный материал. Такая меореологическая относительность и масштабируемость отличает с позитивной стороны и понятие произведения деятельности: мои часы могут быть поняты как произведение, в котором взаимодействуют многие вещи, или как отдельная вещь, относящаяся во взаимосвязи произведения к тикающей часовой бомбе.

То, что фактическое знание объективируется в артикулированном предложении, а деятельностное знание – во взаимодействии вещей, – следствие структурного подобия, соотносящего между собой обе формы знания не столько в их противоположности, сколько проявляя фактическое знание в качестве, в конечном счёте, некоторой игровой формы деятельностного знания. «Предложение – не смесь из слов, – пишет Витгенштейн (Wittgenstein 1984, запись в дневнике от 5.04.1915 и TLP 3. 141). – Оно артикулировано, как артикулировано и музыкальное произведение, потому что и мелодия, и музыкальная тема – не смесь звуков». [Сравни с этим записи в дневнике и записных книжках от 05.04.1915 и 11.04.1915, а в «Трактате» замечание 3.141.] Что значит для предложения быть артикулированным, Витгенштейн объясняет, анализируя форму предложения: имена, которые в предложении замещают вещи, находятся по отношению друг к другу в таком положении, чтобы

предложение могло функционировать в качестве картины предметного содержания. Но у Витгенштейна есть и иное объяснение тому, что это означает, что предложение артикулировано, что оно – не просто смесь из слов: в предложении пробным образом составляется мир. Следовательно, предложение – это такое произведение деятельности, в котором слова взаимодействуют так, чтобы они производили мир, то есть ограниченное целое. Первичны деятельность и знание о том, как миры могут быть составлены в предложения, возможность применения деятельностного произведения ещё и для изображения фактов, описывания мира – вторична.

Прежде, чем я подчеркну в заключении последствия этого в равной мере неожиданного и плодотворного вывода, следует более подробно разъяснить его происхождение, я начну его также с одного из дневниковых замечаний. 29.09.1914 Витгенштейн записывает: «В предложении пробным образом составляется мир. (Как если бы в зале Парижского суда автомобильная авария и т.п. изображалась с помощью кукол)». Это очень известное замечание, так как считается, что сцена в зале Парижского суда – рождение изобразительной теории языка Витгенштейна: сначала авария, затем её моделирование с помощью игрушечных машинок и кукол или, что то же самое, её изображение в предложении, при этом изначальная ситуация, её моделирование и предложение находятся между собой в некотором отношении статичного отображения. Такое толкование упускает из виду собственно вопрос, который возникает из происшествия в зале Парижского суда. Витгенштейн немного позже называет его: «На изобразительную теорию языка меня навела в свое время газетная заметка, в которой говорилось, что в Париже во время заседания суда по поводу транспортного происшествия это происшествие было воспроизведено с помощью кукол и маленьких омнибусов. Чем отличается такая демонстрация от игры с куклами и т.п.?» (Wittgenstein 1994, p. 279). Заключительный вопрос сдвигает смысл, так как теперь речь идёт о том, как мы вообще приходим к тому, чтобы мир, созданный пробным образом в игре из слов и вещей, употребить так, чтобы он служил описанию действительности. Игра в куклы вообще ничего не отражает и выражает «кто бы знал, что?» То, что делает игру серьезным делом отображения, – это специальное решение, а именно, решение о том, что эта игрушечная машинка должна замещать ту настоящую машину, а сама игровая ситуация в целом должна быть чем-то, что может соотноситься с действительностью. Этот момент в ходе игры, в котором слова добавляются к *tableau vivant*, или к живой картине, и уже могут быть оценены совсем по иным критериям, чем критерии игры, – это единственное, что отличает

осмысленную речь от музыкальных конструкций или работающих произведений деятельности. В «Трактате» говорится в этом месте соответственно: «В предложении в равной мере пробным образом составляется положение вещей [...] Название замещает вещь, другое название – другую вещь, между собой они связаны, так целое представляет – подобно живой картине – положение вещей» (Wittgenstein 1984, TLP 4.0316 4.0311). Целое предложения является в первую очередь пробным представлением, живой, я бы даже хотел сказать, танцующей картиной, в которой слова взаимодействуют как вещи и, в конечном итоге, служат цели описания.

Деятельностное знание об успешном взаимодействии вещей и тем самым и о конструкции механизмов и моделей предшествует, следовательно, фактическому знанию, а значит, и изображению, отражению и теоретическому описанию мира. Эта идея имеет далеко идущие, эвристически ценные следствия: техника предшествует науке, наука есть применение техники, и не только в том смысле, что научная деятельность нуждается в техниках наблюдения, техниках записи, техниках лабораторного исследования. Сначала мы учимся на созданных людьми произведениях деятельности тому, что могут вещи. А затем мы замечаем, что вещи иногда сами собой, кажется, взаимодействуют в природе так, как они делают это в наших произведениях. И теперь об этих произведениях мы говорим, что они обладают ещё и особым интересным свойством – способностью отображать взаимодействие вещей в природе, то есть функционировать в качестве фактического знания.

Насколько эта идея ложна? Лишь проверка может показать её результативность. Существует по меньшей мере одна практика, в которой изначально никак не связанные символы играючи вводятся в деятельностное взаимодействие, и результат этой практики в том, что некоторые из таких произведений могут удивительным образом применяться к делу теоретического описания мира – это практика математики. В текущих, подчеркнута научно-технических исследованиях есть аналогичные этому автоматизированные методы генерирования гипотез. В контексте истории естествознания следует указать на основоположение философии науки Френсисом Бэконом, как оно разработано Памелой Смит и Стефаном Гаукрогером. Художники-механики начала Нового времени посредством утонченно сконструированных систем шестеренок демонстрировали своё деятельностное знание, свою способность приводить вещи к взаимодействию в производстве. Но некоторые из этих шестерёнок удалось поставить на службу изображению так, что они смогли послужить моделью небесной механики.

Мы на самом деле понимаем лишь то, на что можем воздействовать в искусственном механическом произведении деятельности; а не созданную человеком природу мы понимаем лишь в той мере, в какой наблюдаемая в ней динамика кажется нам соответствующей действенным взаимосвязям наших произведений. Эта мысль, в основе которой лежит «знание – сила» Бэкона, разрабатывается и по сей день в синтетической биологии с её девизом «я не понимаю того, чего не могу изготовить» (по этому комплексу тем см. *Synthetic Biology at the Limits of Science* 2015); например, также (Smith 2004)).

Таким образом, с одной стороны, в конце этого экспериментального противопоставления фактического знания деятельности вопрос о деятельности знании раскрывается как важный, эвристически продуктивный шаг в усилиях по разработке философии технических наук. С другой стороны, это рассуждение со ссылкой на Витгенштейна показывает необходимость грамматического исследования техники. Ссылка на Витгенштейна не уводит нас в глубину: от употребления к различиям, от различий к лежащим в их основе ценностям (см.: работы Вернера Коппе). Для логики и грамматики описывающего языка и взаимодействующих в деятельности производении вещей в гораздо большей степени верно то, что они должны о себе заботиться сами, без причин и оснований (Wittgenstein 1984, TLP 5.473). Логика произведения – это закон формы организации вещей в нём. Слова в предложении организованы так, что они могут отражать предметное содержание, а шестеренки в часовом механизме – так, что результатом является равномерное движение часовой и минутной стрелок. [Здесь круг снова замыкается. Подобную грамматику для механических произведений представил Франц Рело: (Reuleaux 1875). Влияние этой работы на «Логико-философский трактат» обсуждалось, например, Келли Гамильтон: (Hamilton 2001). Таким образом, оказывается: даже если «Трактат» обращается исключительно к «homo depictor», оставляя «homo faber» без внимания, автор подходит к решению проблемы как инженер, обученный по учебнику Рело.] «Логико-философский трактат» определяет границы языка посредством того, что может существовать лишь один закон формы для образования осмысленных предложений; «Технико-философский трактат» признавал бы самые разные родовые ветви технических, художественных, социальных произведений деятельности, то есть границы механических произведений он определял бы по другим законам формы, нежели границы гидравлических или электронных произведений, подобно тому, как когда-то Лессинг в «Лаокооне» распознал границы поэзии и живописи соразмерно их собственным родовым

принципами. Подобный анализ различных типов деятельностного знания выходит за границы настоящей работы, оставаясь программой действий на будущее.

Библиографический список / References

- Baird, D. (2004), *Thing Knowledge*, Berkeley.
- Baird, D. and Nordmann, A. (1994), Facts-well-put in British, *Journal for the Philosophy of Science*, no. 45, pp. 37–77.
- Hamilton, K. (2001), Wittgenstein and the Mind's Eye in James C. Klagge (ed.), *Wittgenstein: Biography and Philosophy*, Cambridge, pp. 53–97.
- Heidegger, M. (1984), Gesamtausgabe, Bd. 41: *Die Frage nach dem Ding: Zu Kants Lehre von den transzendentalen Grundsätzen*, Frankfurt am Main.
- Nordmann, A. (2011), Was wissen die Technowissenschaften? in Friedrich Gethmann (ed.), *Lebenswelt und Wissenschaft: Kolloquiumsband des XXI. Deutschen Kongresses für Philosophie*, Hamburg, pp. 566–579.
- Nordmann, A. (2013), Metachemistry in Jean-Pierre Llored (ed.), *The Philosophy of Chemistry: Practices, Methodologies, and Concepts*, Newcastle, pp. 725–743.
- Nordmann, A. (2014), Das Gefühl der Welt als begrenztes Ganzes: Sachlichkeit in *Zeitschrift für Kulturphilosophie*, 8, Heft 1, pp. 133–144.
- Popper, K. (1973), *Erkenntnistheorie ohne erkennendes Subjekt in Objektive Erkenntnis*, Hamburg, pp. 123–171.
- Reuleaux, F. (1875), *Theoretische Kinematik: Grundzüge einer Theorie des Maschinenwesens*, Braunschweig.
- Smith, P. (2004), *The Body of the Artisan: Art and Experience in the Scientific Revolution*, Chicago.
- Synthetic Biology at the Limits of Science* (2015) in Giese, Bernd u.a. (ed.), *Synthetic Biology: Character and Impact*, Berlin.
- Wittgenstein, L. (1994), *Philosophische Betrachtungen*, Wien.
- Wittgenstein, L. (1984), *Werkausgabe, vol. 1: Tractatus logico-philosophicus. Tagebücher 1914-1926. Philosophische Untersuchungen*, Frankfurt, TLP 1.1.

Submitted: 03.01.2022

Revised: 21.02.2022

Accepted: 11.03.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 17.023.35 + 165.6 + 165.741

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-23-32

Дата поступления: 27.12.21

рецензирования: 14.02.22

принятия: 01.03.22

И.А. Гапаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: sarov-1@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4745-9113>

Понятие пользы в новоевропейском рационализме и эмпиризме

Аннотация: актуальность проблемы пользы определяется наличием многообразия трактовок определения понятия пользы. Цель исследования – разрешение смысловой неопределенности понятия пользы в рационалистических и эмпирических учениях Нового времени. Методология включает в себя историческую реконструкцию понятия пользы в рационализме и эмпиризме и сравнительно-сопоставительный анализ данных подходов. Результатом исследования является выявление определений понятия пользы в эмпиризме и рационализме Нового времени. В первом направлении под ним понимается комбинация опытных данных, включающая способы подготовки, принятия и реализации решений, соотносимых с предвосхищением ожидаемых последствий и достижением практически значимых результатов. Во втором – принцип мышления, согласующий работу рассудка с чувствами и предоставляющий право на свободный выбор приемлемого решения для конкретной ситуации. Выводы исследования предполагают снятие взаимоисключающих подходов к определению понятия пользы посредством взаимного дополнения исходных оснований рационализма и эмпиризма (способности к рассуждению и опытных данных), реализуемого в утилитаризме, прагматизме и философии техники.

Ключевые слова: польза; разум; понятие; идея; эмпиризм; рационализм; Новое время.

Цитирование: Гапаров И.А. Понятие пользы в новоевропейском рационализме и эмпиризме // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, № 1. С. 23–32. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-23-32>.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А «Философия техники Фридриха Дессауэра: эпистемология и антропология реалистской теории творчества».

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гапаров И.А., 2022 – аспирант кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

I.A. Gaparov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: sarov-1@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4745-9113>

The concept of utility in new european rationalism and empiricism

Abstract: the immediacy of the utility problem is determined by the variety of the notion “utility” interpretations. The present research objective – solution of the notional uncertainty of the notion “utility” in the rational and empirical concepts of the modern era. The methodology includes historic reenactment of the notion “utility” within the scope of rationalism and empiricism as well as comparison and collation of these approaches. The result of research is pointing out the definitions of the notion “utility” in the rational and empirical concepts of the modern era. The first (rationalist) interpretation may be understood as the experimental data combination that includes preparation methods, decision-making and implementation of the decisions, compliant with the forecasting expected impact and achieving practically significant results. The second, the empirical one, deals with the thinking mode, coordinating the work of the conscious mind

and feelings, and providing the free-will choice of an acceptable decision in accordance with the certain situation. The results of research presuppose removal of the colliding approaches regarding the notion “utility” interpretation via mutual complementation of the initial rationalism and empiricism fundamentals (reasoning capabilities and experimental data), implemented within the scope of utilitarianism, pragmatism, as well as within the concepts of the new science frontier – the philosophy of technology.

Key words: utility; mind; concept; idea; empiricism; rationalism; modern era.

Citation: Gaparov, I.A. (2022), The concept of utility in new european rationalism and empiricism, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 23–32, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-23-32>.

Acknowledgments: the above-mentioned research study was funded by RFBR, within the scope of the scientific project 20-011-00462 A, Friedrich Dessauer’s Philosophy of Technology: Epistemology and Anthropology of the Realistic Art Theory.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Gaparov I.A., 2022 – Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Новое время является одним из важных периодов всемирной истории. Особое значение он приобрел для формирования научного мышления. Упадок схоластики, устранение препятствий для гармоничных отношений между человеком и природой, введение понятийного аппарата со взятой за основу связью между субъектом и объектом позволили совершить переворот в личностном мировоззрении. Исходное положение Р. Декарта «я мыслю, следовательно, я существую» определило отличительную черту эпохи, в соответствии с которой творцом мира является свободно мыслящий и действующий индивид.

С одной стороны, смена человеком места в мире обернулась проблемами. Пришедшие на смену былой традиции философские направления (рационализм и эмпиризм) выявили этические, онтологические и гносеологические проблемы. Попытки их разрешения путем построения фундаментальных систем привели к противоречиям. Их стремились устранить либо путем введения дополнительных принципов мышления (Р. Декарт, Б. Спиноза), либо обоснованием опытными сведениями (Ф. Бэкон, Дж. Локк). В результате то, что считалось необходимым практически в каждом философском направлении (метафизика), постепенно начало приобретать негативные черты (недостаточная обоснованность и надуманность абстрактных положений, не согласованных с опытными данными). С другой стороны, амбивалентность мышления эпохи Нового времени позволила существенно продвинуться в сфере познания. Если рационалисты раскрыли новые умопостигаемые измерения (трансцендентальные основания), то эмпирики прояснили устройство и назначение опыта.

Общая трудность, с которой столкнулись оба направления, заключалась в связуемости теории и практики, поскольку было не совсем ясно, каким образом возможны взаимопереходы и что лежит

в их основе. Благодаря совместному обмену знаниями под основанием этой взаимосвязи начали мыслить «пользу». Но понимание термина было неоднозначным, т.к. значение «пользы» было связано со значением таких слов, как «прибыль», «выгода», «благо» и др. На интуитивном и чувственном уровне было вполне понятно, что феномен пользы непосредственно влияет на жизнь всякого разумного существа, но на рациональном его смысл и назначение нельзя было запечатлеть в едином определении. Наличие двух совершенно противоположных направлений в новоевропейской философии препятствовало цели синтеза разных способов определения, в связи с чем любые рассуждения про «синтетические» (утилитаристский, прагматический и технический) типы мировоззрения были бы неправомерными.

Поскольку же основанием вышепредставленных типов мировоззрения является «польза», то она требует своего прояснения, обнаружить которое можно среди идей основоположников новоевропейской философии (рационалистов и эмпириков), заложивших основы (категории, принципы) утилитарного, прагматического и инженерного мыслительного аппарата. Без разрешения проблемы неопределенности понятия пользы и поиска общих оснований для ее определения, техническое, утилитарное и прагматическое мышление могут оказаться несостоявшимся, как целые направления с областями философского знания (этика, праксеология, философия техники).

Концептуализация представлений о «пользе» в классическом рационализме

У основоположника новоевропейского рационализма Р. Декарта определение понятия пользы дано в неотрефлексированном виде. Чтобы понять, что понимает философ под «пользой», необходимо обратиться к его центральным работам и попытаться реконструировать его представления. В трактате «Рассуждение о методе» Р. Декарт

определяет «пользу» как: 1) идею блага; 2) вектор теоретической и практической деятельности; 3) достоверность. Обобщением данных определений служит откровение мыслителя, где он признается, что «научился не особенно верить тому, что <...> было внушено только посредством примера и обычая, так как видел, как многое из того, что представляется нам смешным и странным, оказывается общепринятым и одобряемым у других великих народов» (Декарт 1989, с. 255). Это откровение служит явным доказательством в пользу того, что опытные данные, опирающиеся на чувственное познание, несовершенны, а без «пользы» разум как сила, продуцирующая идеи, в принципе невозможен.

В диалоге «Разыскание истины» Декарт опирается на устойчивое выражение «извлечь пользу», под которым понимается то, что предоставляет человеку возможность следовать какому-либо из предусмотренных его разумом вариантов. В диалоге обсуждение проблемы познания между Евдоксом, Полиандром и Эпистемоном опирается не на принятие спекулятивных положений, а на их доказательство. Метод сомнения, который наваливает Евдокс, имеет предпосылку, заключающуюся в его полезности. Благодаря этому методу можно предугадать ошибки, которые «происходят единственно оттого, что с самого начала наши суждения были слишком поспешны и при этом допускались туманные принципы, относительно которых у нас не было ясных и отчетливых понятий» (Декарт 1989, с. 177). Суть самой же «пользы» заключена в волевом акте, благодаря которому здравомыслящий человек может выносить утвердительное или отрицательное суждение относительно какого-либо аспекта сущего. В противном случае вполне «немыслимо, чтобы одна и та же вещь одновременно была и не была» (Декарт 1989, с. 173), как того пожелали бы представители эмпирических направлений (поскольку «польза» для них релятивна). Причина, по которой немыслимо противоречие, заключена в процедуре методического сомнения, принимаемой, по мысли О.В. Соколовой, в качестве метода «самоопределения мышления через границу природы мыслящей с природой протяженной» (Соколова 2017, с. 420).

Не может не вызывать интерес труд, посвященный «страстям души», где Р. Декарт поднимает вопрос об онтологическом статусе «пользы». За «пользой» видится идея разума, соотносимая с чувствами и направленная на подчинение страстей. Умение направлять душу создает совокупный результат, называемый «суммарной полезностью», который скорее приводит к счастью и избавляет от телесных и душевных страданий. В определенном смысле французский мыслитель здесь выступает от лица Сократа, полагая при

этом, что знание страстей способно избавить человека от вредоносных поступков, наносящих непоправимый ущерб. Проводимая параллель истины с «пользой» подводит к выводу: если «страсти могут заставить нас действовать только через посредство возбуждаемых ими желаний, то нам необходимо особенно заботиться о том, чтобы управлять нашими желаниями» (Декарт 1989, с. 542). Для этого необходимо «освободить свой ум от всякого рода других, менее полезных желаний, а затем постараться ясно познать и внимательно рассмотреть благо, заключенное в том, чего следует желать» (Декарт 1989, с. 543).

Представленные способы определения понятия пользы в работах Декарта можно подвести под одно основание. «Польза», будучи константой в ряду переменных величин, обеспечивает (поддерживает) устойчивость апперцептивной связи между субъективным и объективным началом в «*cogito*». Она конститутивна, поскольку несет конструктивные черты, проявляющиеся в представлении и вынесении суждений относительно конкретных вещей (если под «объективацией» понимать мыслительный процесс, в соответствии с которым нечто приобретает значение для субъекта). Благодаря отрефлексированности «пользы» можно проследить все те взаимосвязи, которыми наделяется конкретная вещь, ее место в системе координат, способы соприкосновения мыслимого и существующего (Descartes 1656).

Таким образом, под «пользой» нужно понимать принципы, которыми руководствуется здравомыслящий человек для обеспечения гармонии между душой и телом, мышлением и чувствами. Один разум не в состоянии побороть данное противостояние, поскольку на это необходимо согласие чувств, за что ответственна воля. Только сотрудничество воли с разумом расширяет горизонт перспектив, позволяя оперировать идеями по своему усмотрению (идея, которая будет представлена в работе «Спор о технике» (Дессауэр 2017)). И если в соответствии с принципом «наклонности отвращают <...> от других намерений, особенно от того, в чем польза для одного непременно сочетается с вредом для другого» (Декарт 1989, с. 296), то «*cogito*» остается основанием, ответственным за акт соотношения идей с их чувственными прототипами.

Свойственная рационализму Р. Декарта попытка подвести «пользу» под рациональное основание предпринимается Б. Спинозой в труде «Этика, доказанная в геометрическом порядке». Понятие пользы им вводится в пояснении к положению XXXVI (Часть I), согласно которой «не существует ничего, из природы чего не вытекало бы какого-нибудь действие» (Спиноза 2001, с. 44). Б. Спиноза полагает, что люди рождаются, не имея при себе никаких представлений о причинах всего

сущего. Все то, чем они руководствуются в своих поступках – это принцип полезности. Благодаря этому принципу, они приобретают два вида уверенности: 1) в свободе, поскольку «сознают свои желания и свои стремления, тогда как о причинах, которые располагают их к желаниям и стремлениям, поскольку они им неизвестны, они и во сне не думают» (Спиноза 2001, с. 45); 2) целеустремленности (присутствии цели). На этом основании люди успокаиваются, поскольку под видом полезности считают себя познавшими (скорее уверовавшими в) конечные причины. Наиболее простой вариант узнать о них – обратиться к более опытным и зрелым людям. Так, например, поступают дети и слабоумные. Однако если же такое невозможно, то, как полагает Б. Спиноза, человек обращается к самому себе. В этом плане показателен пример Мартина Идена, внутренняя метаморфоза (переоценка ценностей и приоритетов) с которым произошла в результате встречи с Руфью, а затем – знакомства с учением Г. Спенсера, основанного на принципе «все соотносится одно с другим» (Лондон 2021, с. 112).

Следующий не менее важный аспект «пользы» Б. Спинозой проясняется в положении ХХ (Часть IV): «чем более каждый ищет своей пользы, т.е. старается и может сохранить свое существование, тем более он одарен нравственной силой» (Спиноза 2001, с. 232). Здесь мы видим, что Б. Спиноза не столько предлагает собственное определение «пользы», сколько пытается провести причинную связь между ней и добродетелью. Поскольку добродетель является способностью человека, то и «польза» выступает ее результатом или конечным продуктом. Следуя добродетели, не стесненной какими-либо внешними причинами, человек продлевает свое существование. В свою очередь, стремление вещи пребывать в существовании определяется ее природой, каждая из которых имеет особенности. Но т.к. Б. Спинозу интересует природа человека, то его внимание сосредотачивается на разуме, благодаря которому он способен познавать нечто новое, и таким образом улучшать средства собственного существования. Усовершенствование приводит к освоению новых навыков обращения с этими средствами. Неразумные существа / слабохарактерные (слабовольные) люди могут стать жертвами внешних обстоятельств и аффектов. Человек, по-настоящему обладающий разумом, освобождается от их влияния, поскольку его «разумность тесно связана с практической направленностью деятельности» (Меркулова 2019, с. 55), что позволяет ему принимать неизбежное. Ведь он не проявит каких-либо эмоций, но должным образом осмыслит ситуацию, поскольку его будет волновать идея внутреннего постоянства, которая не допустит изменений в душевном равновесии.

Иначе определяет «пользу» Г.В. Лейбниц. Советский мыслитель В.В. Соколов отмечает в его определении отсылку к практической деятельности, направленной на поиск разных открытий, для чего, он полагает, нужна ясность и определенность в словах, т.к. без нее невозможно истинное суждение. Ошибочное положение приводит не столько к неясности значений, сколько к бесцельности опытов. Такой подход, полагает В.В. Соколов, отражает мировоззрение юного Лейбница, стремившегося избавиться от схоластики (метафизики) (Соколов 2019). На ее месте он собирался воздвигнуть науку, основанием которой видел разум. Неудовлетворенность схоластическим типом мышления охватывает практически все его произведения. В наибольшей мере оно отображается в трактате «Существуют две секты натуралистов». В нем немецкий философ клеймит взгляды античных натуралистов за излишнюю спекулятивность в области определения онтологического статуса субстанции. Он полагает, что секты (эпикурейцев и стоиков) недолжным образом учили божественную субстанцию, поставив наравне с ней силу, намного ее превосходящую и именуемую как «бессознательное». По этой причине они и приписывают всем вещам (и миру) действие по принуждению, т.е. так, будто бы не существует никакого разумного основания и все движется в соответствии с замыслом, постичь который ни практически, ни теоретически никому нельзя. В этом плане охваченный удивлением Г.В. Лейбниц подмечает тот факт, что античные мыслители (Анаксагор и Сократ) пользуются разумом не для того, чтобы оправдать красоту и совершенство мира, т.е. прояснить его полезность, но лишь для того, чтобы утвердить эфемерные сущности, на чем и была основана затем вся средневековая философия. Немецкий мыслитель полагает, что невозможно постичь сущее какими-либо сущностями, если не найдено то, что «по-настоящему скрепляет, образует и поддерживает мир» (Лейбниц 1982, с. 106).

В рассуждениях по метафизике Г.В. Лейбниц проясняет «божественное могущество», и то, ради чего оно предназначено (т.е. ради всеобщего блага). Благо не привходит в мир должным образом. Человек произвольно привносит его в мир «сообразно предполагаемой воле Бога» (Лейбниц 1982, с. 128). Бог требует только честного намерения и уверенности в том, что Он все приводит к наиболее лучшему состоянию из возможных. Под этим понимается то мироустройство, в котором все действует наиболее совершенным образом, а индивид, действующий слаженно, уверенно и последовательно, походит на математика, способного «находить наилучшие решения какой-либо задачи; на хорошего архитектора, который наивыгоднейшим образом использует место и средства, предназначенные для постройки, не допуская

ничего режущего глаз и не позволяя ничему быть лишенным той красоты, которую оно могло бы иметь; на хорошего хозяина, который так распоряжается своим имуществом, что у него ничего не остается невозделанным или бесплодным; на искусного механика, который достигает своих целей наименее затруднительным, насколько это возможно, путем» (Лейбниц 1982, с. 127–128). Подобное мироустройство предполагает всеобщую гармонию составных элементов и их взаимную соподчиненность, в основе которой находится принцип полезности, интерпретируемый Г.В. Лейбницем как «достаточное основание» (в силу рационалистического подхода).

Центральным для анализа понятия пользы в творчестве Г.В. Лейбница может оказаться работа «Монадология». В ней он попытался прояснить причины происхождения понятия пользы. Находятся они, по предположению Г.В. Лейбница, в сознательной способности человеческой монады, способной вмещать в себя все сущее, и отображать его «особым образом, через призму собственного внутреннего мира» (Меркулова 2019, с. 56) в полном совершенстве. Но это совершенство пребывает не в восприятии (в качестве воспринятого извне), а в апперцепции (самосознании), посредством которой представляется возможным осуществлять переход от одного воспринятого к другому, подводить их под единство, которое человек способен поставить себе на службу и извлечь из него то, что могло бы поспособствовать в устранении затруднений, позволив достичь целей наиболее быстрым и эффективным способом. Чтобы в этом удостовериться, достаточно обратиться к диалогам «Свидетельство атеистов против природы» и «Критика основоположений святого отца Мальбранша». В них то, что понимается под «пользой», видится Г.В. Лейбницем в смысле, противоположном состоянию лени, невежества, произвольности, порока, безобразия и т.д., и выдвигается на первый план наравне с истиной, красотой и благом. Однако оно по отношению к последним играет соподчиненную роль, поскольку само по себе немислимо, но значимо тем, что обеспечивает взаимосвязь данных оснований с материальным миром, позволяя составить о нем какое-либо утверждение.

Наиболее доступно подход Г.В. Лейбница в отношении понятия пользы представлен в произведении американской писательницы XX столетия Айн Рэнд «Атлант расправил плечи». Представленная гармония ею рассматривается в контексте действия принципа достаточного основания, в соответствии с которым благополучие имеет веские причины, под которыми нужно понимать труд одаренных людей. Однако спустя некоторое время про него забывают. Таким образом, благо превращается в результат совместного труда / фик-

цию, которой удобно манипулировать несколькими избранным персоналиям. Они же возводят счастье в принцип, на который каждый имеет право вне зависимости от его способностей. Тема «пользы», поднятая А. Рэнд, касается силы, способной сдерживать равновесие в обществе. Она видит под пользой способность каждого выполнять собственное дело таким образом, чтобы его можно было возвести в ранг ценности, т.к. «все пользуются чужими находками» (Рэнд 2010, с. 332). В художественном плане здесь наиболее значимым является персонаж Джон Голт. Выступая рационалистом и прагматиком, он считает, что человечество не понимает необходимость «пользы». Для «профанов» она дана в восприятии, а для интеллектуалов и религиозных фанатиков – в качестве принципа, по которому полезно то, что приносит жертву / лишает чего-то себя во благо другому. Такой подход Джон Голт критикует, поскольку видит в нем разрушительный вред для общества. Он считает, что под пользой необходимо понимать способ наиболее успешной реализации идеи и «процесс, посредством которого сознание человека контролирует его существование, постоянный процесс приобретения знаний и формирования материи для своих целей, перевода идеи в физическую форму» (Рэнд 2021, с. 365). Запечатлена идея может быть в материальном носителе, без которого ее бытие определяется методикой / рядом действий, исходящих от конкретного субъекта.

Способы определения «пользы» классическом эмпиризме

При сравнении рационалистического и эмпирического подходов эпохи Нового времени к определению понятия пользы заметно излишнее абстрагирование со стороны первого. Оно выступило недостатком, поскольку лишало инструментария постижения и изменения действительности. Задача по поиску таких средств была возложена на эмпиризм, который осуществил поворот к практике. Начался он с творчества Ф. Бэкона в связи с проблемой определения статуса натурфилософии. Английский философ начал с формулировки идеи, согласно которой «мастерские могут обеспечивать доказательство философских истин, а их продукция преподносится как моральное оправдание натуральной философии» (Деар 2020, с. 36). Она стала центральной в определении понятия пользы. Ф. Бэкон попытался представить ее как имеющую практически утилитарное назначение. Для реализации этой цели он, согласно П. Деару, «берет схоластические понятия анализа и синтеза <...> и разъясняет их в связи с натуральной философией в полном соответствии с их стандартной трактовкой конца XVI века, данной Джакомо Дзавареллой» (Деар 2020, с. 37). Ф. Бэкон отождествляет явления с практическим использованием принципов

натурфилософии и выводит следующие методы: «один – восходящий от опыта к общим аксиомам, другой – ведущий от общих аксиом к новым открытиям» (Бэкон 1977, с. 207). Подобным разграничением методов он создает принцип причинного объяснения явлений природы. Искусство соединения явлений с их использованием явно открывало путь для развития новой версии натуральной философии, т.е. той, которую оценивали бы не по объяснению сущностей, а по желаемым следствиям, производимым ею.

Для того, чтобы точнее определить понятие пользы, Ф. Бэкон предлагает обратиться к понятию опыта. Под опытом (эмпирией) понимается все то, что приобретено человеком на протяжении всей его жизни, т.е. в ходе переживаний, впечатлений, наблюдений и т.д. Поскольку жизнь изменчива, то и опыт является не статичным образованием. Чтобы управлять его динамикой, необходимы механизмы, позволяющие «держать его в узде». Одним из таковых является «польза», под которой понимается то, что прилагается в дополнение к опыту, обращает его в нечто устойчивое и упорядоченное. Говоря о том, что «конечная цель науки – изобретения и открытия» (Бэкон 1977, с. 17), Ф. Бэкон предлагает следующие способы определения «пользы»: 1) удовлетворение потребностей, 2) улучшение общественной жизни, 3) повышение потенциала энергии человека; 4) умножение власти над природой.

Другой стороной обращенности Ф. Бэкона к «пользе» является разрешение конфликта между сторонниками «истины» и «полезности», суть которого представлена в следующем выражении, «то, что в действии наиболее полезно, то в знании наиболее истинно» (Бэкон 1977, с. 18). В нем речь идет о том, что знание «истинного» в отличие от «полезного» безошибочно, поскольку последнее имеет прямую связь с материей, а первое – с разумом. Ф. Бэкон не соглашается с данной точкой зрения. Он считает, что подобное различие неуместно, т.к. принимается на основании ложной посылки, утверждающей примат разума над чувствами. На самом деле разум не менее ошибочен, чем чувства, поскольку мыслит в соответствии с родовыми идолами. Отсюда следует, что образ мира не дается «a priori» в качестве идеи, но формируется совокупностью мыслительных способностей путем тщательного отсечения (анализа) и соединения (синтеза) элементов, поэтому истина и польза являются одними и теми же вещами и сама деятельность ценится в большей степени как залог истины, чем как причина жизненных благ (Bacon 1879, p. 455).

Для предотвращения терминологической и понятийной путаницы Ф. Бэкон на первое место ставит «пользу», поскольку под ней видит эффект, испытываемый от действия чего-либо или кого-

либо, в отличие от истины, связанной с возможными погрешностями ума. Практический эффект невозможно подменить, а его результаты исказить. Они основаны на чувствах, которые предоставляют сведения о неизвестных свойствах (или известных), и позволяют продвигаться в исследовании дальше. В свою очередь, движение, основанное на интересе и активном созерцании, приводит к беспристрастному исследованию, которое становится общим пространством для диалога исследователей установок. При этом было бы постыдно, если бы «в то время, как границы материального мира – земли, моря и звезд – так широко открылись и раздвинулись, умственный мир продолжал оставаться в тесных пределах того, что было открыто древними» (Бэкон 1977, с. 19).

Не менее интересными являются идеи, выдвинутые относительно определения понятия пользы Дж. Локком. С одной стороны, он считает, что «польза» связана с методологией, расширяющей горизонт возможного применения мыслительных способностей. Рассуждая в «Опытах о человеческом разумении» о ходе мышления и образования идей, английский мыслитель полагает, что произвольно возникающие мысли не приносят никакой пользы, если они не запечатлеваются в мозгу таким образом, чтобы при состоянии бодрствования, опираясь на органы тела, их можно было использовать наилучшим образом. Дж. Локк не может представить ситуацию бесцельного познания и действия. Ведь подобное возможно только во сне, когда душа мало чем отличается от зеркала. Поэтому все то, что не имеет какой-либо фиксации, не может называться полезным. Те же знаки, полагает Дж. Локк, «написанные на пыли и сметаемые первым дуновением ветра, или отпечатки, сделанные на груде атомов или жизненных духов, в общем так же полезны и делают предмет столь же [мало] благородным» (Локк 1985, с. 162–163), т.к. наделяются качеством употребления (применения по назначению), которое не проводит никаких границ между добром и злом.

С другой стороны, на протяжении всей его работы прослеживается мысль, что «польза» связана с умением создавать и применять идеи по назначению. Так, рассуждая об идее «пространство», Дж. Локк не считает ее наилучшим вариантом для целей практики. Для оперирования ею приходится создавать модификации, которые лучшим образом приспособлены к действительности, позволяют оперировать ею в любых параметрах. По сравнению с «пространством», например, понятие «место» в контексте практики является более значимым, поскольку с его помощью человек оказывается в состоянии «обозначать особенное положение вещей там, где есть необходимость в таком обозначении» (Локк 1985, с. 219), а не опираться на абстрактную идею. Чтобы понять, что же

понимается под «пользой» в плане проведения различия между «пространством» и «местом», Дж. Локк ссылается на части сочинений Вергилия, в соответствии с которыми «польза от идеи места состоит лишь в том, чтобы узнать, в какой части книги находится эта история, так чтобы в случае нужды мы знали, где найти ее, и могли к ней обратиться» (Локк 1985, с. 220).

Ещё одним важным моментом в творчестве Дж. Локка является подверженная анализу связь между понятиями пользы и цели. Так, он полагает, что существующая связь между понятиями подвержена логическим ошибкам (например, «цель» неотделима от «пользы»). Она имеет причину в многозначности, которую несет с собой «польза», следствием чего выступает терминологическая и понятийная некорректность. Для того, чтобы определить, в чем заключается их различие, Дж. Локком проясняется их причинно-следственная связь. Он настаивает на том, что «цель» нужно понимать в качестве причины, направленной на преследование «пользы» как особого рода следствие. Это различие рассматривается им на конкретных понятиях. Одним из них является понятие свободы. Анализируя факторы, ограничивающие и усиливающие «свободу», философ формулирует на «языке» понятий ее цель, которая заключается «в возможности добиться избранного нами блага» (Локк 1985, с. 314). «Свобода» выступает в качестве избираемого средства (или совокупности средств), а «польза» как результат человеческих усилий – в качестве блага. То, что непосредственно связано с «пользой», должно быть определимо не иначе, чем через цель как причину, в соответствии с которой осуществляется мыслительный акт / практическое действие.

Иначе определил «пользу» Дж. Беркли. В его случае исследование начинается с прояснения того, в чем суть любой идеи. Он полагает, что их устройство и назначение практически целесообразно, поскольку они направлены на то, чтобы благотворно влиять на жизнь разумных существ. Этим также подтверждается предположение, обосновывающее то, что люди, «притязавшие на способность образовывать абстрактные идеи, говорят, как будто у них имеется такая идея, которая есть, по их словам, самое абстрактное и самое общее из всех понятий <...> самое непонятное из всех» (Беркли 1978, с. 208). Выступая за здравый смысл, ирландский мыслитель выдвигает ряд положений. Из неопределимого предмета исследования или фиктивной сущности идея становится результатом работы мышления, закрепляемой в понятии. Эта логическая форма обладает всеми чертами определения, благодаря которым представляется возможным раскрыть ее значение, определить границы воздействия на мыслящего и действующего субъекта. Чтобы закрепить эту

трактовку идеи, Дж. Беркли сводит ее определение к чувственной форме. Он полагает, что идея, не сводимая к чувствам, опасна, т.к. открывает путь несостыковкам, противоречиям. Для этого он разрабатывает принцип «существовать (esse) значит быть воспринимаемым (percipi)» / «все вещи суть entia rationis, id est solum habent esse in Intellectu (т.е. все имеет существование только в Сознании)» (Беркли 1978). Этим принципом он предпочел бы уберечь разум от мнимых химер, проведя границу между тем, что находится в сознании, и тем, что выше его сил (недоступное для понимания). Абстракции создают иллюзии, которые наносят непоправимый ущерб. Они побуждают заниматься производством фиктивных сущностей, выходящих за пределы понимания, и направляют на выдумку фантастических образов. В этом плане чувственные перцепции выступают ориентирами в мире, а связь между разумом и чувствами приобретает характерную черту «полезности», отображающую здравый смысл. Для Дж. Беркли эта связь приобретает большое значение, поскольку она позволяет начать с анализа таких идей, которые в обществе себе подобных могли бы считаться наиболее приемлемыми, т.к. благотворно влияли на их совместную жизнь.

Не менее значим диалог «Алкифрон, или Мелкий философ» Дж. Беркли, где мыслитель точнее определяет то, что необходимо понимать под «пользой». Для начала им проводится параллель с реконструкцией идеи прекрасного. Чтобы предстать в свете идеи, «прекрасное» должно быть очищено от всех свойств «красоты». «Прекрасное» должно предстать перед разумом. Для этого оно должно пройти редукцию. На первом этапе осуществляется определение «прекрасного» в соответствии с чувством, где красота есть то, что приятно. В чувственном восприятии запечатлевается то, что наиболее полно способно удовлетворить физиологические потребности, присущие всякому живому существу. На втором этапе «красота» удаляется от первоначального вида и предстает как симметрия или пропорция вкупе с материальным носителем, которая доставляет удовольствие глазу. Благодаря работе рассудка она приобретает более ясные категориальные черты. На последней стадии «прекрасное» становится тем, что оно есть, т.е. идеей. От «красоты» остаются лишь чистые пропорции. Они, по словам Эвфранора, «воспринимаются не чувством зрения, но только разумом с помощью зрения» (Беркли 1978, с. 455). Следовательно, красота – объект не глаз, а разума. Но если разум ответственен за пропорции, то увидеть объект и понять его – это не одно и то же. Определив свойственные вещи высоту, длину и ширину, человек может прояснить ее назначение, в результате чего «прекрасное» предстанет уже в качестве «полезного», которое мыслится как взаимное

соответствие частей, принадлежность их целому, соотнесение с целью в соответствии с чувствами. Целесообразность связана с пересборкой (вариацией) опыта. На ее основе создаются формы, приспособленные под нужды разумного существа.

На идеи Дж. Беркли повлиял методологический редукционизм Д. Юма. Предметом его исследования становится связь между этикой и логикой, которая предстает в искаженном виде. Д. Юм полагает, что в древних обществах замена функций морали логикой была вполне естественной. Подмена, по большей части, отразилась на жизненном опыте, что создало возможности для неправомерного перехода от суждений факта к суждениям долга. Таким он является по следующей причине. Суждения сущего отражают устройство и назначение знания, и потому должны определяться законами логики. Суждения долга выражают человеческие аффекты (непознаваемые феномены психики). Для того, чтобы устранить это противоречие, Д. Юм прибегает к пояснению, согласно которому «когда вы признаете какой-нибудь поступок или характер порочным, вы подразумеваете под этим лишь то, что в силу особой организации вашей природы вы испытываете при виде его переживание (feeling) и чувство (sentiment) порицания» (Юм 1996, с. 33). Таким образом, Д. Юм отождествляет моральные категории с первичными качествами Дж. Локка, являющимися устойчивыми перцепциями. На этом же основании им возводится принцип, названный последователями «гильотиной Юма». Этот принцип становится ключевым звеном, позволяющим прояснить понятие пользы.

Согласно «гильотине Юма», чтобы избавиться от логических / этических затруднений, необходимо разграничить сферу действия связок «есть» и «должно». Различие затрагивает две стороны – «констатацию факта» и «долженствование», на основании чего возникают два типа суждений. Первые затрагивают то, что связано с разумом, вторые конституируются на основании чувств. Данное разграничение должно помочь избавиться понятия от противоречий (узаконить их). Однако к «пользе» это разграничение неприменимо, т.к. на нее могут ссылаться и логика (формально), и этика (содержательно). Неправомерность разграничения наиболее явно представлена у утилитаристов, поскольку, считаясь с общественным благополучием, они не учитывают благо конкретных людей, т.е. придумывают вместо этого абстрактные (логические) сущности или называют человека альтруистом по природе. На самом деле «польза» не является таковой. Противоречивость, свойственная ей, неустранима. Это понятие контекстуально, соотносимо с конкретными обстоятельствами. Противоречия и составляют природу понятия «пользы», отображают его морально-нравственную сторону.

В конечном счете на противоречивость понятия «пользы», по мнению Д. Юма, влияет смысл, в котором оно утверждается. Полагая источником первого (социального) смысла мыслительный аппарат, Д. Юм понимает под ним предрассудки как «постоянные и всеобщие принципы человеческой природы» (Юм 1996, с. 71). Они приводят к ошибкам, поскольку отображают нелогичность действий человека. Поэтому подчиняться канонам силлогизма равнозначно неприятию оплошностей духовного начала в человеке, отождествлению его с Богом, для которого «слово» равно «бытию». Отсюда же проистекают ошибки, связанные с попытками воплощения идей обществ, соразмерных с принципом всеобщего блага. Оборачивается реализация таких проектов полным крахом: аффекты, присущие человеку, подрывают ход мысли, а на практике приводят к неожиданным последствиям. Примером служат государственные проекты Платона, Т. Кампанеллы, А. Рэнд и т.д. Основной недостаток этих идей заключен в том, что «польза» принимается в качестве разумного принципа, в соответствии с которым благо большинства (или всех) обеспечивается страданиями одного или нескольких, т.е. опускаются интересы отдельных лиц. Важная роль отводится идее постоянства, цель которой – обеспечение целостности общества как воплощенного закона тождества и т.д.

Социальный способ определения «пользы» заменяется Д. Юмом индивидуальным, в котором понятие пользы прилагается к тому, что соответствует природе, является хорошо приспособленным для употребления / обеспечения удобства. Для него становятся значимыми качества, которые направлены на обеспечение индивидуального благополучия. Данные качества – средства, обеспечивающие возможность коллективного блага (счастья), основанного на закрепленных в системе законодательства принципах справедливости и собственности, т.к. «социальная эмпатия у человека, рождающегося в благом стремлении к добротному, добродетельному самосостоянию, изначально сильнее себялюбия, резко ограничивающего исходное расположение к благу» (Говорун 2020, с. 43).

Заключение

Способы определения понятия пользы в европейской философии (в эмпиризме и рационализме) могут быть разными. Различие происходит из онтологических, эпистемологических и этических предпосылок, исходя из которых определяется «польза». В основании первой предпосылки находится либо идея, данная «a priori», либо накопленный опыт. Во второй предпосылке разграничение проводится между мыслительными процессами, которые направляются разумом, и чувственным познанием (формами). В основании

третьей предпосылки могут лежать как нравственные принципы, данные свыше, так и созданные человеком нормы и правила поведения, значение которых определяется в зависимости от целей, ради которых они творятся.

Для рационализма «польза» не определима в качестве понятия, поскольку она не имеет определенно чувственного или рассудочного выражения. Здесь «польза» – это продукт разума. Она является таковой, т.к. только разум создает принципы для связи рассудка с чувствами (Нестеров, 2022). Дискретизация «пользы» невозможна, поскольку тогда искажается ее разумное измерение. В противном случае ее можно представить лишь как эпифеномен, т.е. нечто побочное. Отсюда, в соответствии с классическим рационализмом под пользой понимается разумный принцип, устраняющий противоречия, диспропорции и дестабилизирующие факторы, нарушающие миропорядок.

Представители новоевропейского эмпиризма под «пользой» видят комбинацию некоторой совокупности опыта, приспособленной к наличной ситуации и направленной на предвосхищение последствий (определение их значения). Динамичность опыта позволяет отдельному человеку на протяжении жизни руководствоваться инвариантами (типами), как универсальными в своем применении, так временными в исполнении.

Общими как для новоевропейского рационализма, так и эмпиризма становятся методологические аспекты, в соответствии с которыми осуществляется проверка на пригодность всеобщего принципа и определенной комбинации опыта. На этом же основании определяется их полезность, под которой понимается совокупность положительных эффектов, оказываемых прямо на конкретное лицо, группу или общество. Таким образом, сказать «быть полезным», – значит оправдать собственное существование или стать тем, кто соответствует предназначению и занимает определенное место в этом мире.

Новоевропейские рационалистические и эмпирические идеи относительно понятия пользы были переняты техниками (Энгельмейер, 1913), утилитаристами, прагматиками. Техникисты (Э. Капп, П.К. Энгельмейер, Фр. Дессауэр) взяли на вооружение идею пользы как функцию технического устройства в его соответствии целям человека, а утилитаристы и прагматики (И. Бентам, Дж. Ст. Милль, Ч.С. Пирс, Дж. Джемс) обратились к «пользе» как к средству устранения разногласий между индивидуальными и общественными интересами путём подведения их под нравственные основания. В конечном счете, если первые создали философию техники, то последние заложили основы для разработки теории об эффективности практической деятельности людей (праксеологии).

Библиографический список

Bacon, F. (1879), *The Works of Lord Bacon: With an Introductory Essay*, In Two Volumes, vol. II, Reeves and Turner, London, UK.

Descartes, R. (1656), *Renati Des Cartes Specimina philosophiae: seu Dissertatio de methodo recte regendae rationis, et veritatis in scientiis investigandae: dioptrice, et meteora*, Ex Gallico translata [ab E. de Courcelles], et ab auctore perlecta, variisque in locis emendata. Amstelodami [Amsterdam]: apud Johannem Janssonium.

Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания. Сочинения. Москва: Мысль, 1978. С. 152–247.

Бэкон Ф. Сочинения в четырех томах. Т. 2. Москва: Мысль, 1977. 575 с.

Говорун Е.Д. Этические альтернативы homo economicus (размышление над книгой С. Боулза «Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан») // Серия: ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА. 2020. № 4 (72). С. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2020.4.7>.

Депар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // ЛОГОС. 2020. № 30 (1). С. 29–62. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-1-29-58>.

Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1989. 654 с.

Дессауэр Ф. Спор о технике: монография / пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.

Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. Т. 1. Москва: Мысль, 1982. 636 с.

Лейбниц, Г.В. Сочинения в 4-х т. Т. 3. Москва: Мысль, 1984. 734 с.

Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1. Москва: Мысль, 1985. 621 с.

Лондон Дж. Мартин Иден. Москва: Эксмо, 2021. 416 с.

Меркулова Н.А. Проблема нравственного выбора в новоевропейской философии // Вестник Вятского государственного университета. 2019. №3 (133). С. 54–59. DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.19.035>.

Нестеров А.Ю. Выражение и обозначение в семиотике техники: к вопросу о «полезности» интерпретации // Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития: сборник научных трудов Международной научной конференции, посвященной 80-летию научного руководителя Института философии и права СО РАН В.В. Целищева, Новосибирск, 25–26 февраля 2022 г.; под ред. А.В. Хлебалина. Новосибирск. 2022. С. 166–171.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. Ч. I. Москва: Альпина Паблицерз, 2010. 422 с.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. Ч. III. Москва: Альпина Паблишер, 2021. 538 с.

Соколов В.В. Философский синтез Готфрида Лейбница. Москва: Едиториал УРСС, 2019. 78 с.

Соколова О.В. Декартовское сомнение как способ самоопределения // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. № 27 (4). С. 416–421.

Спиноза Б. Этика. Москва: АСТ, 2001. 336 с.

Энгельмейер П.К. Техницизм // Философия техники: Вып. 1-4. Москва: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1913. 147 с.

Юм Д. Исследование о принципах морали. Сочинения в 2 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1996.

References

Bacon, F. (1879), *The Works of Lord Bacon: With an Introductory Essay*, In Two Volumes, vol. II, Reeves and Turner, London, UK.

Descartes, R. (1656), *Renati Des Cartes Specimina philosophiae: seu Dissertatio de methodo recte regendae rationis, et veritatis in scientiis investigandae: dioptrice, et meteora*, Ex Gallico translata [ab E. de Courcelles], et ab auctore perlecta, variisque in locis emendata. Amstelodami [Amsterdam]: apud Johannem Janssonium.

Berkeley, J. (1978), *Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge*, *Works*, Moscow, Mysl', Russia.

Bacon, F. (1977), *Sochinenija v 4 tomah*, vol. 2, Moscow, Mysl', Russia.

Govorun, E.D. (2020), Ethical Alternatives to Homo Economicus (Reflection on S. Bowles' Book "Moral Economy: Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens"), *Seriya: OBSHHESTVO: FILOSOFIJA. ISTORIJA. KUL'TURA*, no. 4 (72), pp. 41–45, DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2020.4.7>.

Dear, P. (2020), What Is the History of Science the History Of?: Early Modern Roots of the Ideology of Modern Science, *LOGOS*, no. 30 (1), pp. 29–62, DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-1-29-58>.

Descartes, R. (1989), *Sochinenija v 2 tomah*, vol. I, Moscow, Mysl', Russia.

Dessauer, F. (2017), *Dispute about Technology*, Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnej akademii, Samara, Russia.

Leibniz, G.V. (1984), *Sochinenija v 4 tomah*, vol. 3, Moscow, Mysl', Russia.

Leibniz, G.V. (1982), *Sochinenija v 4 tomah*, vol. 1, Moscow, Mysl', Russia.

London, J. (2021), *Martin Eden*, Eksmo, Moscow, Russia.

Locke, J. (1985), *Sochinenija v 3 tomah*, vol. 1, Mysl', Moscow, Russia.

Merkulova, N.A. (2019), The problem of moral choice in modern European philosophy, *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (133), pp. 54–59, DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.19.035>.

Nesterov, A.Yu. (2022), Expression and designation in the semiotics of technology: to the question of "useful" interpretation, *Analiticheskaja filosofija: traektorii istorii i vektory razvitija: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju nauchnogo rukovoditelja Instituta filosofii i prava SO RAN V. V. Celishheva*, Novosibirsk, 25–26 fevralja 2022, Ed. by A.V. Khlebalin, Novosibirsk, pp. 166–171.

Rand, A. (2010), *Atlas Shrugged*, Part I, Al'pina Pablisherz, Moscow, Russia.

Rand, A. (2021), *Atlas Shrugged*, Part III, Al'pina Pablisher, Moscow, Russia.

Sokolov, V.V. (2019), *Gottfried Leibniz's Philosophical Synthesis*, Editorial URSS, Moscow, Russia.

Sokolova, O.V. (2017), Cartesian doubt as a method of self-determination of thinking, *Vestnik Udmurtskogo universiteta, Seriya: Filosofija. Psihologija. Pedagogika*, no. 27 (4), pp. 416–421.

Spinoza, B. (2001), *Ethics*, AST, Moscow, Russia.

Engelmeyer, P.K. (1913), Technicism, *Philosophy of Technology*, vol. 1–4, T-vo skoropech. A.A. Levenson, Moscow, Russia.

Hume, D. (1996). An Enquiry Concerning the Principles of Morals, *Sochinenija v 2 tomah*, vol. 2, Mysl', Moscow, Russia.

Submitted: 27.12.21

Revised: 14.02.22

Accepted: 01.03.22

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.09

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-33-39

Дата поступления: 17.01.2022
рецензирования: 03.03.2022
принятия: 18.03.2022

Л.Г. Тютелова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: largenn@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1378-2676>

В.Н. Лисовицкая

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lisovitskaya.v@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5438-6197>

Научно-фантастическая литература как прогноз коммуникации человека с искусственным интеллектом

Аннотация: научно-фантастическая литература особым способом моделирует действительность и позволяет прогнозировать развитие не только технологий, в частности, искусственного интеллекта, но и способов коммуникации человека с этими технологиями, которые представлены в произведениях как антропоморфные образы. В данной статье анализируются способы организации взаимодействия человека с искусственным интеллектом в научной фантастике на материале произведений таких авторов, как Ф. Дик, А. Азимов, Д. Адамс, А. Кларк и У. Гибсон. Обнаруживается, что авторы концептуализируют искусственный интеллект тремя способами: через уподобление человеку, создание образов суперкомпьютеров и создание образа сверхума. Авторские модели коммуникации с искусственным интеллектом нацелены на раскрытие внутреннего мира человека, поиск ответов на фундаментальные вопросы бытия. Взаимодействие с «другим», нечеловеческим сознанием сталкивается с технологическими ограничениями и разрушением субъектно-объектной сферы коммуникации. Анализ авторских моделей взаимодействия с искусственным интеллектом показал, что основными проблемами в такой коммуникации являются невозможность выстраивания диалогических отношений и понимания другого как главного критерия коммуникативной эффективности. Искусственный интеллект, становясь субъектом коммуникации, продолжает восприниматься героями произведений как объект, что в конечном итоге приводит к разрушению диалогической коммуникации. Истинная коммуникация возможна только тогда, когда человек понимает технологическую ограниченность искусственного интеллекта и готов к самостоятельному наполнению ее смыслом в контексте решения функциональных задач.

Ключевые слова: прогноз; искусственный интеллект; диалог; коммуникативные формации; автор; субъектная сфера романа; научно-фантастическая литература.

Цитирование: Тютелова Л.Г., Лисовицкая В.Н. Научно-фантастическая литература как прогноз коммуникации человека с искусственным интеллектом // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, № 1. С. 33–39. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-33-39>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Тютелова Л.Г., 2022 – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© Лисовицкая В.Н., 2022 – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

L.G. Tyutelova

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: largenn@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1378-2676>**V.N. Lisovitskaya**

Samara National Research University,

Samara, Russian Federation

E-mail: lisovitskaya.v@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5438-6197>**Science fiction literature as a prediction of human's communication with artificial intelligence**

Abstract: science fiction literature simulates our reality in a specific way. It also provides opportunities to predict not only the development of technologies, particularly the artificial intelligence, but also the modes of the human's communication with these technologies, that are resented in the written works via anthropomorphic images. In this article there have been analyzed the organizational interaction modes between a human being and artificial intelligence within the scope of science fiction as exemplified by the works of Ph. Dick, A. Azimov, D. Adams, A. Clarke and W. Gibson. It has been pointed out that the authors conceptualize the artificial intelligence via three methods: comparison to a human being, creating the images of supercomputers and super-mind. The authorial communication models oriented on the interaction with artificial intelligence are focused on the development of the human inner world, the search of the answers on the key "being" questions. Interaction with the "other", non-human consciousness collides with the technological limits and the destruction of the subject-object communication sphere. The analysis of the authorial communication models oriented on the interaction with artificial intelligence has shown that the basic problems of such communication is the impossibility of creating the dialogue-like relations and understanding of the "other" as the main communicative efficiency norm. The artificial intelligence, becoming the communication subject, continues to be perceived by the characters of the literature work as an object. The above-mentioned situation in the end leads to destruction of dialogical communication. True communication is possible under circumstances, when a human being understands technological restraints of artificial intelligence and he / she is ready to enrich it proactively with sense within the context of functional objectives solutions.

Key words: prediction; artificial intelligence; dialogue; communicative formations; author; subjective sphere of the novel; science fiction literature.

Citation: Tyutelova, L.G. and Lisovitskaya, V.N. (2022), Science fiction literature as a prediction of human's communication with artificial intelligence, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 33–39, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-33-39>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Tyutelova L.G., 2022** – D.Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Chair of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Lisovitskaya V.N., 2022** – Postgraduate Student of the Russian and Foreign Literature and Public Relations Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Среди фантастической литературы особое место занимает научная фантастика. Как замечают исследователи, наряду с общими для всех литературных жанров функциями – информационно-просветительской, воспитательной, развлекательной – она еще выполняет прогностическую.

Этой функции фантастической литературы посвящены исследования Н.В. Свитенко (Свитенко 2021), Р.Ш. Ахмедова (Ахмедов 2019), О.М. Шуваевой (Шуваева 2014), М. Миллана (Millan 1995), Дж. Ван дер Лаана (Van der Laan 2010) и др.

Моделируя мир с помощью условных художественных форм, научная фантастика, в отличие от фэнтези, например, опирается, как говорит О.М. Шуваева, на «результаты, установки, феномены техногенной цивилизации» (Шуваева 2014, с. 107). В этом и заключается главное отличие научной фантастики от ненаучной. Конструируя мир будущего, авторы опираются на данные широкого спектра наук, аккумулируют их достижения, а во многом и предвосхищают их.

Дж. Ван дер Лаан пишет, что «научно-фантастическая литература исходит из социокультурного

контекста, а следовательно, является зеркалом общества» (Van der Laan 2010, p. 233). Далее идет пояснение, что большинство современных технологий показаны фантастами задолго до их фактического воплощения. В этом смысле литература «способна оценивать и отслеживать науку и технологии, которые она описывает, а также человеческие мотивы, обнажать человеческие недостатки и слабости» (Van der Laan 2010, p. 233).

Взгляды большинства исследователей на прогностическую направленность научной фантастики совпадают. Так, О.М. Шуваева пишет, «что научная фантастика <...> показывает результаты, установки, феномены техногенной цивилизации. Достижения в развитии различных технологий, в том числе и непосредственно касающихся природы человека биотехнологий, несомненно, способствовали зарождению свойственного научной фантастике «антропологического воображения», связанного с попыткой предвосхитить будущее изменяющегося человека» (Шуваева 2014, с. 107–108).

Фантасты делают прогноз не только о том, как будет выглядеть общество будущего, в котором будут реализованы новые технические идеи, но и о том, каким станет человек при реализации этих идей. Причем опасность трансформации мира в силу изменения отношения к человеку авторы обнаруживают уже в своем настоящем. Например, для братьев Стругацких, по мнению Н.В. Свитенко, важным становится вопрос нравственности прогресса: «Релятивизм духовных основ жизни в современных концепциях гуманизма исключает человека как такового, делает его существование невозможным. Выстраивая сложные модели будущего, Стругацкие ожидают увидеть в будущем не сверхчеловека просвещения и прогресса – жертвы трансгуманизма, а Человека Нравственного, способного понять, принять и полюбить Другого» (Свитенко 2021, с. 236).

«Другой» – инопланетные расы и искусственный интеллект – в научной фантастике часто становится антагонистом человека. Именно в общении с этим другим человечество должно осознать себя, определить свои границы и возможности.

Постановка проблемы

Пожалуй, особенностью настоящего момента является то, что теории, с которыми когда-то работала фантастика, становятся реальностью. А потому можно оценить, насколько точны были в своих прогнозах писатели, особенно те из них, кто, уделяя внимание ценностно-нравственным аспектам, стремился «довести до полноты возможного реализацию идей и проектов, домыслить науку, выявив, что же это будет значить в конечном счете для самого человека» (Шуваева 2014, с. 108).

По мнению К. Шваба (Schwab 2017), современное развитие технологий ставит человечество

на порог четвертой промышленной революции, в значительной степени трансформирующей не только производственные, но и коммуникационные процессы.

С одной стороны, нейронные сети и голосовые помощники как частные проявления искусственного интеллекта становятся субъектами коммуникации, что вынуждает человека взаимодействовать с ними как с «другими». С другой стороны, возможности и механизмы и последствия такой коммуникации остаются невыясненными. В условиях подобной неопределенности именно научная фантастика, благодаря своей прогностической функции, оказывается способна смоделировать ситуации взаимодействия человека и искусственного интеллекта и их последствия.

Цель статьи – выяснить, как в научно-фантастической литературе моделируются ситуации коммуникации человека с искусственным интеллектом, какие модели взаимодействия с «другим» представляются и какие проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом прогнозируются. Для достижения поставленной цели мы:

- опишем основные авторские концепции искусственного интеллекта;
- выявим коммуникативные проблемы, обозначенные фантастами, и укажем возможности их решения, представленные научной фантастикой XX века.

Методология

В современной коммуникационной теории отмечается переход от субъектно-объектных отношений к гибридным формам взаимодействия, которые осуществляются посредством технологий. В одной из своих статей мы отмечали, что характерной чертой современного коммуникационного процесса является появление «новых субъектов коммуникации, не являющихся человеком» (Tutelova 2019). Речь идет о нейронных сетях и голосовых помощниках, как о частном проявлении искусственного интеллекта.

Нельзя не согласиться с Мануэлем Кастельсом (Castells 2009), который в своей книге *Communication Power* замечает, что благодаря Интернету человечество получило возможность мгновенно обмениваться смыслами и коллективно их использовать. Это приводит к тому, что коммуникационные модели «многие-ко-многим» обеспечивают распространение и внедрение идей, в том числе представленных в научно-фантастических произведениях.

В ситуации стремительно меняющегося технологического ландшафта важным аспектом анализа становятся коммуникативные стратегии человека, которые обсуждаются неориториками. В частности, В.И. Тюпа работает с таким понятием, как дискурсная формация. По его мнению, это

«система риторических компетенций, определяющая параметры коммуникационного поведения, отвечающего исторически актуальному состоянию общественного сознания, его культуuroобразующей ментальности. Она охватывает различные креативные и рецептивные стратегии, бытующие в данном строе культуры, и обеспечивает возможности взаимопонимания коммуникантов» (Тюпа 2010).

Опираясь на работы В.И. Тюпы, проследим специфику коммуникации человека с искусственным интеллектом, а также определим степень ее успешности, критерием которой является понимание. А потому нам будут важны и идеи диалогистов, в частности М.М. Бахтина (Бахтин 1979), М. Бубера (Бубер 1993), Ф. Розенцвейга (Rosenzweig 2002) и др.

Эмпирической базой исследования являются научно-фантастические романы А. Азимова (Azimov 1950), У. Гибсона (Гибсон 2015), Д. Адамса (Адамс 2014), Ф. Дика, (Дик 2016), А. Кларка (Кларк 2016). Нами отбирались тексты, в которых авторы среди важных называют проблемы взаимодействия человека с различными системами искусственного интеллекта.

Ход исследования

На протяжении XX века научное сообщество пыталось найти ответ на вопрос: возможно ли создать искусственный разум, неотличимый от человеческого? Литература вслед за наукой делает попытки сделать прогноз о возможных путях развития искусственного интеллекта и о возможностях взаимодействия с ним.

Проанализировав научно-фантастические романы, нам удалось выделить три основных способа концептуализации искусственного интеллекта.

Первый – человекоподобные роботы, чей интеллект морфологически и/или ментально неотличим от интеллекта человека. Эта концепция встречается в произведениях А. Азимова, А. Дугласа и Ф. Дика.

Второй – суперкомпьютеры, представляющие собой такое технологическое воплощение искусственного интеллекта, работу которого человечество не в состоянии осмыслить. Яркий пример – «Пронзительный Интеллектомат» из «Автостопом по Галактике» или «ЭАЛ-9000», созданные Артуром Кларком в «2001: Космической Одиссее».

Третий – *deus ex machina*, концепция искусственного интеллекта, являющегося высшим разумом, определяющего существование человечества. В ограниченном виде концепция представлена Уильямом Гибсоном в «Нейроманте».

Чтобы проанализировать, как в фантастических романах отражаются проблемы коммуникации с искусственным интеллектом, опишем созданные авторами модели взаимодействия с ним.

У Филиппа Дика в «*Мечтают ли андроиды об электроовцах?*» искусственный интеллект предстает в образе андроидов, по внешним признакам неотличимых от «оригинала». Хотя разница есть: она состоит в способности к сопереживанию. Человекоподобный робот не обладает эмпатией, действуя исключительно с пользой для себя. И как бы ни было легко иметь дело с машиной, автор настаивает на ценности эмоций, которые делают личность непредсказуемой. Дик придумывает религиозно-философское течение мерсеризма. Его фундаментом стали предания об Уильяме Мерсере, человеке эпохи до Финальной Всеобщей Войны. Через эмпатоскоп люди испытывают нечто вроде религиозного единения друг с другом и погружаются в мир Мерсера, ощущая его восхождение из мира мертвых в мир живых. Как бы ни был примитивен внутренний мир машины, лишенный эмоций, роботы оказываются сильнее человека. а это, по Дик, путь к тому, чтобы из помощника искусственный интеллект превратился в хозяина человека.

Главные вопросы романа «*Мечтают ли андроиды об электроовцах?*»: имеет ли человек право ограничивать в правах и свободах создания с самосознанием; допустимо ли немедленное уничтожение разумных существ, если они представляют угрозу; что является определяющим фактором человечности? Отвечая на них, автор приходит, на первый взгляд, к парадоксальному выводу: разум и самосознание не обеспечивают роботам права на свободу личности. Человека человеком делают не только интеллектуальные и физические возможности, но и способность к сопереживанию и гибкости поведения.

Антропоморфная концепция также находит свое отражение в цикле рассказов Айзека Азимова «Я, робот». В рассказе «Хоровод» автор формулирует три закона робототехники:

1. *A robot may not injure a human being or, through inaction, allow a human being to come to harm.*
2. *A robot must obey orders given it by human beings except where such orders would conflict with the First Law.*
3. *A robot must protect its own existence as long as such protection does not conflict with the First or Second Law (Azimov 1950).*

Эти законы объясняют то, каким образом выстраивается коммуникация человека с искусственным интеллектом. Азимов, как и Дик, отказывает андроидам в праве на личную свободу, они созданы и должны служить во благо человечества. По мере усложнения искусственного мозга применение роботов на Земле ограничивается. Из-за программного внедрения законов роботы не могут убить человека. Это главное отличие роботов Азимова от андроидов Дика.

Но любая программа может дать сбой, и люди это понимают. В рассказе “That Thou Mindful of Him!” попытки трансформировать заложенные в позитронном мозге программные ограничения, заставляющие воспринимать человека как высшего по отношению к роботам существа, заканчиваются тем, что экспериментальные модели роботов «Джорж» становятся более «настоящими» людьми, нежели их создатели.

Айзек Азимов один из первых в научной фантастике показывает страх человека остаться беззащитным перед своим созданием. Формируется так называемый «комплекс Франкенштейна». Но нельзя не отметить оптимизм автора: исследуя границы человечности, Азимов допускает возможность полного уподобления искусственного разума человеческому.

Вторая концепция искусственного интеллекта встречается в произведениях Артура Кларка и Дугласа Адамса. В «Космической Одиссее» Артура Кларка шестым членом экипажа «Дискавери», отправляющегося в экспедицию на Япет, становится эвристически запрограммированный алгометрический компьютер. HAL 9000 (это голосовой помощник) основан на «методике автоматического зарождения и самовоспроизведения нервных цепей в соответствии с любой произвольно выбранной программой» (Кларк 2016, с. 86). Компьютер, несмотря на скорость и надежность, способен, по мнению ученых, чей образ создан в романе, только подражать человеку. При этом, как полагает фантаст, конечный пользователь, не понимающий принцип работы и не знающий мотивы разработчиков искусственного интеллекта, не может быть уверен в безопасности его применения.

Образ еще одного суперкомпьютера обнаруживаем у Дугласа Адамса в «Автостопом по Галактике», где автор в ироничной манере осмысляет технологическое развитие человечества. Движимые высокими целями, люди проектируют искусственный интеллект и называют его «Пронзительный Интеллектомат». Его главная задача – дать ответ на «главный вопрос жизни, вселенной и всего такого» (Адамс 2014). В итоге, не удовлетворившись ответом, который компьютер искал 7,5 миллионов лет, разумные расы принимают решение создать биотехнический искусственный интеллект. Именно он способен дать «правильный» ответ (тот, который удовлетворит и не будет выходить за пределы миропонимания его создателей).

Третья концепция (богоподобная) в полной мере не реализуется ни в одном из анализируемых нами текстах. Ближе всех к ней оказывается Уильям Гибсон в романе «Нейромант». Искусственный интеллект, названный «Нейромантом», сливаясь с другим искусственным интеллектом – «Зимним безмолвием», эволюционирует в сверхразум. Это вызывает у человечества

экзистенциальный ужас. Гибсон показывает, что страх перед тем, что невозможно осознать, а также страх оказаться поработанным своим созданием толкает человечество на путь уничтожения технологических достижений. Эта идея впоследствии найдет свое отражение в трилогии «Матрица» братьев Вачовски.

Какой бы вариант концептуализации идеи создания и развития искусственного интеллекта не предлагали авторы, они обнаруживают проблемы взаимодействия человека с ним. Будучи порождением творческой мысли человека, искусственный интеллект воспринимается как машина, призванная стать помощником своего создателя. Отсюда так часто встречаемые в научной фантастике образы андроидов. Но эти машины обладают способностями, которые в конечном итоге заставляют романистов увидеть в них не только механизмы, работающие в соответствии с заложенной в них программой. Андроиды обретают самостоятельность, стремятся к свободе самовыражения, а потому выходят из-под контроля человека и ставят перед ним вопрос о том, как взаимодействовать с искусственным интеллектом.

Очевидно, что машина становится тем самым «другим», диалог с которым – это вся история человечества. Идя, по мнению неориториков, от различия «другого» к признанию его права на равный диалог с «я», личность открывает путь к самопознанию: познанию себя, своих страхов, фобий, возможностей и т.п.

Интересно, что исследуемые произведения позволяют утверждать, что научные фантасты видят неудачи взаимодействия с искусственным интеллектом в случае непризнания человеком за «другим» права на индивидуальность, на способность видеть и понимать мир иначе, нежели тот или иной субъект, вступающий в диалог с машиной.

Понятно, что неизвестное «я», не равное, не совпадающее с тобой, пугает и требует отваги для вступления в диалог с ним. И непонятно, что это будет: диалог-спор или диалог-согласие. Но альтернативных вариантов нет. Только уничтожение созданного самим же человеком. Но созданное будет этому уничтожению сопротивляться, как герои Ф. Дика. А человек при этом будет думать, что уничтожает то, что породило его сознание. Характерна мысль героя Ф. Дика Рика Декарда, который, будучи охотником за такими нарушителями и поймав группу андроидов, поправляет себя: «Но все-таки одного из них я сделал, думал он. Я сделал Полокова. И еще Дэйв сделал двоих. Двух, они же машины» (Дик 2016). Героя тревожит, что он уничтожает не машину, а свое создание, то есть отчасти он уничтожает самого себя или хотя бы себе подобного. Именно поэтому у Рика Декарда и возникают вопросы: нет ли души у антроида. И намного легче существуют герои, которые видят,

подобно Филу Решу, в работе только вещь. Но тут проявляется авторское сомнение: может ли вещь вызывать такие сильные эмоции?

Отсюда проистекает еще один важный момент: в том, с кем вступаешь в диалог, нужно видеть равного себе «другого», чтобы не только понять его, но и самого себя. Именно это делает человека человеком и позволяет ему надеяться, что он сложнее и сильнее своего создания.

Особенно стоит отметить, что фантасты много пишут о проблеме свободы искусственного интеллекта, но через эту тему они обнаруживают проблему несвободы создателя машины. Это не физическая несвобода. Она, очевидно, метафизического порядка. И одно из ее проявлений – невозможность увидеть в «другом» равного и сопоставимого с собой субъекта. Причем фантастика скорее ставит вопросы, нежели дает однозначные ответы, как в рассказе Азимова «Братишка», где героиня спасает из пожара не сына, а робота, имитирующего ее брата.

Выводы

Научная фантастика – это не простое отражение технологического прогресса. С помощью приобщения к информационному потоку техногенной культуры, способствуя изменению коммуникации между людьми, она способна моделировать реальность, становящуюся футурологическим фундаментом науки, искусства и философии.

Фантасты не отрицают, что у человека есть шанс разработать искусственный интеллект с когнитивными способностями. В их работах он предстает то как андроид, стремящийся освободиться от воли своего создателя, то как суперкомпьютер, способности которого поражают человека и остаются недоступными для понимания, то как сверхразум, подчинивший себе все человечество и выступивший в роли не создаваемого, а создателя – Божества.

Взаимодействие с искусственным интеллектом становится, по мнению авторов, одной из проблем будущего, а как показывает наша современность – и настоящего. И основным препятствием, как мы выяснили, для продуктивного, с позиции диалога с «другим», является возможность видеть в этом «другом» равного себе собеседника, обладающего своими возможностями видеть и понимать ситуацию. Но только в диалоге с таким «другим» возможно понимание человеком самого себя. А в том одна из главных задач научной фантастики, как бы ни казалось это парадоксальным на первый взгляд.

Библиографический список

Asimov, I. (1950), *I, Robot*, Gnome Press, New York, USA.

Castells, M. (2009), *Communication Power*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Millan, M. (1995), Science fiction and human nature, *Humanist. Beffalo*, vol. 55, no 2, pp. 29–32.

Rosenzweig, F. (2002), *Der Stern der Erlösung*, Universitätsbibliothek, Freiburg im Breisgau, DE.

Schwab, K. (2017), *The form industrial revolution*, Crown Business Publ., New York, USA.

Tyutelova, L.G., Lisovitskaya, V.N., Shevchenko, E.S. and Shevchenko, V.D. (2019), The Problem of Comprehension in Digital Communication, *Proceedings of the 2019 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar*, ComSDS 2019, pp. 104–107, DOI: <http://doi.org/10.1109/COMSDS.2019.8709642>.

Van der Laan, J. (2010), Editor's notes: science, technology, and science fiction, *Bulletin of science, technology & society*, vol. 30, no 4, pp. 233–239, DOI: <http://doi.org/10.1177/02704676110373823>.

Адамс, Д. Автостопом по Галактике. Ресторан «У конца Вселенной». Москва: Аст, 2014. 320 с.

Ахмедов Р.Ш. В поисках обобщающего определения термина «Научная фантастика» // Достижения науки и образования. 2019. № 8. С. 48–51. URL: https://www.researchgate.net/publication/343106290_V_poiskah_obobsausego_opredelenia_termina_naucnaa_fantastika_Zurnal_Dostizenia_nauki_i_obrazovania (дата обращения: 15.01.2022).

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советская Россия, 1979. 320 с.

Бубер М. Я и Ты. Москва: Высшая школа, 1993. 175 с.

Гибсон У. Нейромант. Москва: Азбука, 2015. 480 с.

Дик Ф. Мечтают ли андроиды об электроовцах? Москва: Эксмо, 2016. 244 с.

Кларк А. 2001: Космическая Одиссея. Москва: Эксмо, 2016. 320 с.

Свитиенко Н.В. Террор интеллекта: репрессивная духовность в повести «гадкие лебеди» А. и Б. Стругацких // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. С. 233–236. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terror-intellekta-repressivnaya-duhovnost-v-povesti-gadkie-lebedi-a-i-b-strugatskih> (дата обращения: 15.01.2022).

Тюпа В.И. Актуальность новой риторики для современной гуманитарной науки // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии: научно-методические материалы. Санкт-Петербург: ООО «Книжный дом», 2010. С. 9–73.

Шуваева О.В. Роль научной фантастики в современном гуманитарном мировоззрении // Философия права. 2014. № 6 (67, С. 107-111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nauchnoy-fantastiki-v-sovremennom-gumanitarnom-mirovozzrenii> (дата обращения: 15.01.2022).

References

- Asimov, I. (1950), *I, Robot*, Gnome Press, New York, USA.
- Castells, M. (2009), *Communication Power*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Millan, M. (1995), Science fiction and human nature, *Humanist. Beffalo*, vol. 55, no 2, pp. 29–32.
- Rosenzweig, F. (2002), *Der Stern der Erlösung*, Universitätsbibliothek, Freiburg im Breisgau, DE.
- Schwab, K. (2017), *The form industrial revolution*, Crown Business Publ., New York, USA.
- Tyutelova, L.G., Lisovitskaya, V.N., Shevchenko, E.S. and Shevchenko, V.D. (2019), The Problem of Comprehension in Digital Communication, *Proceedings of the 2019 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar*, ComSDS 2019, pp. 104–107, DOI: <http://doi.org/10.1109/COMSDS.2019.8709642>.
- Van der Laan, J. (2010), Editor's notes: science, technology, and science fiction, *Bulletin of science, technology & society*, vol. 30, no 4, pp. 233–239, DOI: <http://doi.org/10.1177/02704676110373823>.
- Adams, D. (2014), *The Hitchhiker's Guide to the Galaxy*, AST, Moscow, Russia.
- Ahmedov, R.Sh. (2019), In Search of a General Definition of the Term "Science Fiction", *Dostizheniya nauki i obrazovaniya*, no. 4, pp. 48–51, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/343106290_V_poiskah_obobsausego_opredele-nia_termina_nauchnaa_fantastika_Zurnal_Dostizhenia_nauki_i_obrazovaniya (Accessed 15 January 2022).
- Bahtin, M.M. (1979), *Problems of Dostoevsky's Poetics*, Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia.
- Buber, M. (1993), *I and You*, Vysshaya shkola, Moscow, Russia.
- Gibson, W. (2015), *Neuromancer*, Azbuka, Moscow, Russia.
- Dick, P. (2016), *Do Androids Dream of Electric Sheep?*, Eksmo, Moscow, Russia.
- Clarke, A. (2016), *2001: A Space Odyssey*, Eksmo, Moscow, Russia.
- Svitienko, N.V. (2021), Terror of the intellect: repressive spirituality in the story "Ugly swans" by A. and B. Strugatsky, *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, pp. 233–236, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/terror-intellekta-repressivnaya-duhovnost-v-povesti-gadkie-lebedi-a-i-b-strugatskih> (Accessed 15 January 2022).
- Tupa, V.I. (2010), *The relevance of the new rhetoric for modern humanities*, ООО "Knizhnyj dom", Saint Petersburg, Russia.
- Shuvaeva, O.V. (2014), The role of science fiction in the modern humanitarian worldview, *Filosofiya prava*, no. 6, pp. 107–111, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nauchnoy-fantastiki-v-sovremennom-gumanitarnom-mirovozzrenii> (Accessed 15 January 2022).

Submitted: 17.01.2022

Revised: 03.03.2022

Accepted: 18.03.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-40-49

Дата поступления: 18.01.2022
рецензирования: 01.03.2022
принятия: 21.03.2022

Л.С. Сидоренко

ГБУК «Самарская областная универсальная
научная библиотека»,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lilsidorenko@yandex.ru

Культурный код и архитектура пространства романа А. Иличевского «Чертёж Ньютона»

Аннотация: в статье рассматривается проблема взаимоотношения человека и времени на примере романа А. Иличевского «Чертёж Ньютона». Целью настоящей работы является анализ литературного текста, его структурно-композиционных элементов, художественных образов с точки зрения прочтения заданного писателем культурного кода героя. Культурные знаки, символы и коды синтезированы в тексте через художественные образы. Писатель создаёт в романе многомерное пространство через погружение читателя в сферу культуры, музыки, живописи, театра, фотографии, отсылки к другим литературным текстам. Единый культурный код произведения создаётся с помощью литературного приёма фокализации на образе отца главного героя. В центре романа герой – Константин – в ситуации поиска близкого человека. Сын на протяжении романа обращается к целому ряду личных воспоминаний об отце, к его эстетическим предпочтениям, творчеству. Эти воспоминания раскрывают глубину внутреннего мира главного героя, его интеллектуальные и культурные ценности. Архитектура текста создаётся и через паратекстуальные связи, которые расширяют границы романа как отдельного текста до текста культуры в семиотическом смысле. Художественное пространство романа насыщено символами прошлого времени и культуры, включает и интертекстуальные элементы для создания единого образа города, представленного системой или суммой символов в романе. Главный мотив романа – поиски отца через осознание его ценностей, его жизни.

Ключевые слова: паратекст; роман; художественное пространство; время; архитектура текста; Александр Иличевский; герой; граница текста.

Цитирование: Сидоренко Л.С. Культурный код и архитектура пространства романа А. Иличевского «Чертёж Ньютона» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 1. С. 40–49. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-40-49>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сидоренко Л.С., 2022 – заведующий отделом литературы на иностранных языках Самарской областной универсальной научной библиотеки, магистрант Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, 443110, Российская Федерация, г. Самара, пр. Ленина, 14А.

SCIENTIFIC ARTICLE

L.S. Sidorenko

Samara Regional Universal Scientific Library,
Samara, Russian Federation
E-mail: lilsidorenko@yandex.ru

The cultural code and architectonics of the space of A. Ilievsky's novel «Newton's Drawing»

Abstract: the present article deals with the interaction problem between human and time as exemplified in the novel of A. Ilievsky's novel "Newton's Drawing". The aim of the present research work – analysis of the literary text, its structural and compositional elements, artistic images from the author's concept regarding his / her personal perception and translation of the protagonist's cultural code. The cultural signs, symbols and codes are synthesized in the text via artistic images. The writer creates a multidimensional space in the novel through the reader's exposure into the spheres of culture, music, painting, theater, photography, references to other literary texts. The unified cultural of a literary work is created with the help of the focalization literary technique on the image of protagonist's father. In the novel the readers come across the main character, Kon-

stantin, searching for his significant parent, his father. The son reflects on his intimate memories regarding his father, his aesthetic preferences, his father's creative works. These memories help the readers understand the complex essence of the protagonist, his intellectual and cultural values. Architectonics of the text is also created via paratextual relationships, that broaden the borders of the novel as a separate text up to the cultural text level in terms of semiotics. The artistic space of the novel is filled with the cultural symbols of the past. It also includes intertextual elements of the purpose of the city's solid image creation – via system or symbols' sum in the novel, The head motif of the novel – the search of the father via understanding his values, his life, as well as an attempt to find the protagonist's own path, gain the main character's significance and penetrate into his cultural code.

Key words: paratext; novel; artistic space; time; text architectonics; Alexander Ilichevsky; protagonist; text frame.

Citation: Sidorenko, L.S. (2022), The cultural code and architectonics of the space of A. Ilichevsky's novel "Newton's Drawing", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 40–49, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-40-49>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Sidorenko L.S., 2022 – Head of the Office of Foreign Languages Literature of Samara Regional Universal Scientific Library, Graduate Student of Samara National Research University, 14A Lenin Ave., Samara, 443110, Russian Federation.

Введение

Современное литературоведение развивается стремительно, это связано с постоянным развитием теории и описанием проблем исследования, традиционных для художественной литературы, но концептуально по-иному представленных разными авторами в новых произведениях, отмеченных многочисленными существующими литературными премиями. И нам представляется, что обращение к категориям пространства и времени является значимым для раскрытия философской концепции и творческого метода современного писателя.

Авторы проявляют несомненный интерес к осмыслению категории времени. Изображение отношений человека и времени присутствует во многих романах Л. Улицкой, Е. Водолазкина, С. Афлатуни, Т. Толстой и других.

Философские позиции писателей позволяют им решить проблему личности и пережитых ею исторических событий. При этом для современной литературы характерны различные эксперименты с художественной моделью мира. Например, Е. Водолазкин вводит понятие «неисторического» романа или использует характерные черты научного исследования, как в романе «Соловьёв и Ларионов». Обращаясь к историческим событиям начала XX века, он создаёт «псевдоисторический портрет». Л. Улицкая определяет поджанр романа «Лестница Якова» как притчу. Таким образом, литературные произведения, написанные на основе исторического материала, преодолевают границы собственно «исторического романа».

В современном литературоведении к изучению исторического опыта событий прошлого и времени как художественно-философской категории обращаются исследователи с различных позиций: в вопросах репрезентации исторических концепций

в литературных формах (Лобин 2012), в контексте неомодернистской прозы (Безрукавая 2015), в аксиологическом аспекте проблемы и осмыслении травматического опыта (Бочкина, Голубков 2018). Отношение времени и человека рассматривается в аспекте изучения творческого художественного метода у отдельных авторов: Ю. Полякова (Бочкина, Голубков 2018), (Ибадова 2020), О. Славниковой (Фролова 2016), Л. Улицкой (Вуколова 2015), (Короткова 2020), (Skomp, Sutclie 2015), (Szabó 2019a, 2019b). Активно изучается современная русскоязычная литература китайскими исследователями, которые уделяют внимание основным особенностям художественных методов, аспектам изучения хронотопа (Хоу Вэйхун 2013), (Юй Ичжун, 2006).

Внимание исследователей к литературе 2000–2010-х годов обусловлено интересом к изучению тенденций и особенностей современного литературного процесса, репрезентативностью представленного круга проблем транспонирования отношений времени и человека в литературном тексте. Обращение авторов романов к событиям прошлого показывает важность изучения ретроспективности в современной литературе. В текстах поднимаются аспекты взаимосвязей прошлого и настоящего как исторического, так и частного, личного, невзирая на временную дистанцию, различие эпох. Такой подход актуализирует вопросы поиска своей культурной, исторической идентичности. В современной прозе формируется субъективный взгляд, выражающий авторскую позицию, на «объективные» события истории.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей художественного метода и философской картины мира писателя, изучении принципов построения парадигмы отношений человек – время и человек – пространство через литературно-

художественный анализ пространственно-временных связей героя. Анализ композиции, архитектоники текста даёт ключ к прочтению заложенного в тексте культурного кода.

Выбор материала исследования обусловлен интересом к творчеству Иличевского, который играет одну из ведущих ролей в современной русскоязычной литературе и успешно публикует свои произведения с 2000-х годов и по настоящее время (в 2021 году вышел в свет роман «Чертёж Ньютона»), является автором тридцати двух книг, одиннадцати романов, четырёх сборников рассказов, четырёх сборников стихов и пяти сборников эссе, его творчество вызывает интерес многих литературных критиков (Вежлян 2013), (Ганиева 2017), (Голубкова 2007), (Данилкин 2010), (Латынина 2010а, 2010б), (Пустовая 2010). Творчество писателя отмечено рядом престижных литературных премий: «Русский Букер» 2007 года, «Большая Книга» за 2010 и 2020 годы.

Обращение к изучению проблемы интерпретации времени и пространства в современной литературе, в частности на примере творчества А. Иличевского, позволяет говорить о более широкой культурной проблематике и тенденциях современного литературного процесса. Течение жизни в тексте теряет однонаправленность и однозначность, писатель отказывается от идеи поступательного исторического процесса и традиционных связей прошлого, настоящего и будущего. В романе время теряет свою изолированность и, используя различные приемы повествования, автор при обращении к категории памяти «перемещает» героев романа в разные эпохи (в данном исследовании на материале романа А. Иличевского «Чертёж Ньютона» советскую и постсоветскую). В современной реалистической прозе, несмотря на её особенности, хронотоп представляется единой целостной структурой, характеризующей пространство и время, который может рассматриваться в рамках традиционного понимания, рассмотренных в работах М. М. Бахтина (Бахтин 1975). Но тенденции к личностному осмыслению «исторического времени» в современной прозе требуют внимательного изучения произведений, отражающих авторскую позицию и концепцию времени и пространства и отношения героя к ним.

Методология

Обращаясь в настоящей работе к проблеме осмысления человека и времени в современной русскоязычной прозе на примере творчества А. Иличевского, необходимо, во-первых, сказать о проблеме осмысления границы современного романа как отдельного текста и, во-вторых, осмыслить целостность текста в его системе взаимосвязей с внетекстовыми элементами для моделирования художественного мира произведения.

Первый шаг на пути расширения понятия «текст» был, как известно, сделан М.М. Бахтиным, который ввел понятие «диалогичности» и вместе с этим текстового «полифонизма». Развивая идеи М.М. Бахтина, Р. Барт выдвигает в 70-е годы положение об интертекстуальной природе любого дискурса и пишет об интертекстуальности любого художественного текста, в котором иные тексты присутствуют в формах различной степени узнавания. Все новые произведения сотканы из уже существующих цитат, культурных кодов, ритмических структур (Барт 1996).

В настоящей статье мы используем термин «дискурс» в его классическом значении, которое сформулировал в своих работах Жерар Женнет (Женнет 1998). Он определяет его как систему «нарративных фигур», посредством которых осуществляется повествование.

Осмысление текста в его принадлежности к литературному полю во многом определяется и культурными символами, паратекстуальностью, интертекстуальностью, архитектурной текстурой.

Для настоящей работы нам необходимо определить семантическое поле используемой терминологии. Под интертекстуальностью, согласно теории Юлии Кристевой, представленной в ряде работ (Kristeva 1971), (Kristeva 1977), мы понимаем такое взаимодействие текстов, которое неупорядоченно и осуществляется через отдельные цитаты, отсылки и реминисценции, так как любой текст культуры содержит следы и отражения цитат из бесконечного количества текстов, таким образом, текст включает в себя все возможные интертекстуальные связи, которые позволяют прочитывать текст многократно в поисках новых смыслов.

Паратекстуальность нами понимается как термин, обозначающий рамочные элементы литературного текста в том значении, которым его наделил французский исследователь Жерар Женнет. Термин «паратекст» был введён для определения особенностей отношения текстовых и нетекстовых элементов. Женнет рассмотрел вопросы паратекстуальности и функционирования/связи рамочных элементов и литературного текста в работе «Пороги» (Gennet 1987). Другой французский исследователь Жак Деррида называл элементы, находящиеся на синтагматических границах текста и образующих его рамку, «парэргональными» (Derrida 1978).

В настоящей работе мы будем опираться на французскую школу и использовать термин «паратекстуальности» с выделением его основной функции кодового прочтения текста, который задаётся в том числе и метатекстуальностью или паратекстуальностью.

Для нашей работы важна и позиция Сергея Зенкина, который в работе «Теория литературы»

говорит о концепции интегральной интертекстуальности. Ее он сравнивает с системно-динамической моделью эволюции у русских формалистов и приходит к выводу о том, что обе теории приводят к одному результату: в них фактически отменяется время, делается обратимым, превращается в пространство (Зенкин 2018).

О вневременном характере хронотопа пишет и Н.Т. Рымарь в своей монографии «Поэтика границы в литературе» (Рымарь 2016). Исследователь говорит о схожести двух понятий «порога» и «рамы» романа, которые изолируют и перспективируют обрамлённый текст. Для нашей работы чрезвычайно важна эта общность и определение понятия «порога», введенное М.М. Бахтиным и рассматриваемое подробно на материале современной литературы Н.Т. Рымарем. Автор монографии пишет о вневременном характере хронотопа порога, который характеризуется как универсальная особенность поэтики порога в силу приоритетности происходящих событий во внутреннем мире человека и напрямую не соотносящихся с природно-физическим временем.

Ход исследования

Мы рассматриваем границу романа А. Иличевского «Чертёж Ньютона» как то, что ограничивает текст, опубликованный в виде книги, и как порог, благодаря которому появляется неограниченное количество его интерпретаций через все интертекстуальные и паратекстуальные связи. Нам важен семиотический подход к анализу текста.

О семиотической функции текста и коннотативном значении его элементов писал Ролан Барт (Барт 1989). В тексте все элементы имеют своё место в системе текста и создают «эффект реальности» происходящего. Автор в романе создаёт модель художественного мира, которая явлена нам на разных уровнях текста и его композиции. В теории Майкла Рифаттера (Riffaterre 1982) о повышенной детерминированности одних элементов текста, исследователь говорит о том, что эта особенность зависит от разных языков интерпретации текста и кода, который мы принимаем во внимание при герменевтическом чтении в отличие от первого эвристического прочтения.

Заголовок романа «Чертёж Ньютона» относится к ряду паратекстуальных элементов. При первичном, эвристическом чтении «чертёж» воспринимается как нечто схематичное, имеющее чётко организованную структуру или систему элементов. И обращение к известному имени Ньютона привлекает внимание, таит в себе некую загадочность, обращаясь в сознании читателя к другому, очень известному тексту «Код Да Винчи». При герменевтическом чтении заголовок приобретает иной смысл, указывает на научность познаний и поисков главного героя, точность и наследование

традиций великого учёного. Обнажение в названии романа структурности, схематичной точности соблюдается на композиционном уровне.

Пространство романа насыщено паратекстуальными и интертекстуальными элементами. Это модель художественного мира автора. В его интерпретации мира у главного героя романа нет внешних точек, ограничивающих время его существования: точки рождения и точки смерти. Так же, как и в жизни, он не помнит себя с рождения и отсутствует момент смерти. Пространство романной жизни героя ограничено, с одной стороны, пространством текста романа, а с другой стороны, оно представляется метафизически бесконечным.

Мы принимаем во внимание интертекстуальность прозы Иличевского, благодаря которой отменяется фокусировка на времени жизни героя. Оно связано с рядом событий, произошедших до его рождения.

Метафизические вопросы, которые ставит Иличевский в романе, вне времени и лишь отчасти связаны с пространством – высокой горой, горой духов, откуда они приходят в мир людей. Поэтому и время в романе приобретает некие характерные свойства пространства: герой может «перемещаться» во времени, путешествовать, как он путешествует в пространстве. Взгляд героя «внутрь себя» фокусирует внимание на определенных ситуациях, таким образом, автор моделирует пространство и время героя.

Рассмотрим архитектуру текста с точки зрения его внутренней организации и деления на главы. Часть названий глав явно связана с главным героем. И посвящены они тематически либо близким людям, как, например, глава 6 «Жена», глава 10 «Отец», или глава 14 «Шимон Леви». Опираясь на количественный метод Франко Моретти (Моретти 2013), достаточно широко используемый в практике современного литературоведения, применим его к анализу соотношений глав в общей структуре романа. Самая большая по объёму глава 16 «Великое сокрытие» занимает 29 страниц текста, и по 28 страниц текста занимают главы 14 «Шимон Леви», глава 15 «Лифта», глава 20 «Ante Christum Natum». От 16 до 23 страниц содержат глава 10 «Отец», глава 12 «Пузырёк», глава 17 «Министерство древностей», глава 18 «Дирижабль», глава 19 «Не Рим и не Париж».

Первая часть романа, где действие происходит вне Иерусалима, занимает 120 страниц, тогда как вторая, в пространстве Иерусалима, уже 229 страниц. Таким образом, роман разделен на 1/3 и 2/3, из которых на 1/3 помещается Иличевским пространство Москвы, Америки, детства в воспоминаниях о Союзе, советском прошлом, пространстве Севера и Южных республик, Памира. Оно компактно и изучено досконально, это пространство героя, его территория, на которой он либо

жил с отцом, либо осваивал его вынужденно: в Америку летал по просьбе жены на поиски тёщи, ездил в Медведково (район Москвы) развозить подруг жены, ездил по работе и на учебную практику на Памир. Пространство Иерусалима – это пространство отца, его территория, пространство загадок и постижения тайн, отражения его желаний и саморефлексии, метафизического пути к осмыслению себя через обращение к миру отца, его личных вещей, знакомых людей и случившихся событий, в оставленных записях, исхоженных локусах, в памяти его друзей. То есть в многократности его отражений и формировании единого вида-представления, как метафоре храма, воссозданного в едином видимом образе через систему зеркал-«подсолнухов», через отражённые световые лучи воссоздаётся единая структура, архитектурный облик минувшего времени.

Архитектоника романа создаётся через чередование событий, связанных с художественным пространством. События начала повести – как некое предисловие, знакомство с жизнью героя, его внутренним миром, воспоминаниями об отце – происходят в разных локусах: современная Москва, пустыня Невада в штате Юта в Америке, Цейлон, Бомбей, горы Памира, Север с его тундрой. Новое пространство каждый раз активизирует нарративный потенциал романа.

В каждой из локаций, где находится главный герой, присутствует эта бесконечность, обширность пространства: пейзажи Юты, её палитра, иероглифы ландшафта и её отражение на гигантских полотнищах Марка Ротко. Каньон Virgin River в сангвинно-мглистых оттенках, как на картинах Рембрандта, представляется улочкой средневекового города крестоносцев. Иерусалим предстаёт то как «остров, парящий над бездной», то в звучащем в храме на Сионе «Реквиеме» Моцарта, возникает «геометрический образ» города, возникает его «эллиптически-дирижабельная геометрия». Израиль предстаёт в романе моделью мира. Страна выступает противоположностью высокогорного Тибета, которая находится не высоко в горах, а, наоборот, спускается «в глубину земли, времени и человека».

Среди всех городских образов именно образы Москвы и Иерусалима являются центральными в романе. Пространственные локусы двух столиц, с одной стороны, представлены как оппозиции, а с другой стороны, находятся в непосредственной взаимосвязи. По мысли автора, которая растворена в многоголосье романа, только музыка способна полноценно передать «устройство и мышление города – судьбу его истории и жилую архитектуру, сочинённую на нотном стане ландшафта» (Иличевский 2021, с. 229). Все локусы в романе обретают свое живописное и музыкальное воплощение. Города обретают свой голос, они звучат

для героя через восприятие его отца: «Москва для него выражалась в Мусоргском, разлитом и парящем в рассветах и закатах над рекой. А Иерусалим с его лунными сумерками глубины времён лучше всего слышен в Двадцать третьем фортепианном концерте Моцарта, в этой белокаменной цельности, составленной из грусти и надежды» (Иличевский 2021, с. 229).

Образ города в первой части романа представлен среди многих локаций центробежной Москвой. Москва – центр жизни героя, там прошло его детство, оттуда он летает по стране и миру, туда возвращается. С ним связывают и семейные узы. Это метафорическое пространство в романе представлено несколькими временными срезами: улицы современного города, по которым ходит герой; здания, магазины и москвичи на фотографиях отца, его заметки к книге о московском конструктивизме.

Современная герою Москва предстаёт в образе некоего тела в апоплексическом состоянии, с образами улиц-сосудов, закупоренных пробками, застывшими тормозными сигналами, как красными тельцами, тромбами. Вся литературно-музыкальная жизнь современной Москвы представлена в виде «чужой» тусовки жены, которую герой воспринимает как «адский бал», «преисподнюю», где он вынужден присутствовать «в сторонке со стаканом сока», пока жена находится в мире неистинном, она поглощена не музыкой и литературой, а «их поверхностным глянцем». Отстранённость героя концентрируется в холодности отношения к городу, дистанционности от жены и подчёркивается дорогой по улицам с «мрачным ледовитым подтекстом (Полярная, Седова, Амундсена, Студёная)» (Иличевский 2021, с. 20).

Локусы: Москвы и Иерусалима самые подробно выписанные на разных уровнях текста, они звучат музыкой, формируют особое пространство романа. И если Москва «поверхностна», мы видим фасады, фотографии, внешний облик, то образ Иерусалима многомерен, глубок, богат тайнами и древностями. Оба города одновременно в оппозиции и в композиционном единстве, в противопоставленности, но и в объединенности в судьбах персонажей романа. Культурный код в романе задан Московским локусом и продолжает своё развитие в пространстве Иерусалима. Он выступает в образе константы на уровне композиции – конструирование бесконечного пространства, глубокой духовности, устремлённой ввысь и в глубину веков одновременно, это наследование традициям развития человека, его высшего предназначения, путь бесконечного развития, постижения научного знания.

Вся вторая часть романа связана с пространством Иерусалима и его окрестностями. Начиная

с переломной 11 главы, в которой мы узнаём, что с отцом случается беда, когда он пропадает и его поиски не приносят никакого результата. С этого момента действие перемещается в Израиль, Иерусалим и окрестности. Сын Константин отправляется на поиски. Таким образом, по количественной сумме вторая часть романа более важная, несёт большую смысловую нагрузку и заключает в себе основное авторское высказывание.

Обратимся к локусу второй части романа, которая требует более подробного рассмотрения и анализа древнего и полного исторических тайн пространства Иерусалима и окрестностей. Так, в главе 15 «Лифта» автор говорит, что «Лифта, заброшенная деревня, – гиблое, волшебное место» (Иличевский 2021, с. 182). Но были времена, когда это место было хипповой Меккой Израиля. В этом волшебном месте всё не так, как в обычной жизни, знаковость начинается и с переименования героя: в пространстве Лифты у него прозвище «Физик». Но для анализа важно, что это его альтерэго или именование его предназначения и сущности, его истинное лицо.

В пространстве Лифты у всех есть прозвища: Лётчик, Андрюшка, Пчёл, Осс, Муравей, Афанасий, Боря-Симпсон, Англичанин, Карабах, Серёжа-Трубадур. Среда Лифты – это родственная герою «среда незрелого безвременья, пронизанного ностальгией по оставленной отчизне». От Лифты герой получает круг друзей отца «в наследство». Но эти вневременные, казалось бы, события точно связаны с настоящим временем жизни героя, так как он точно датирует эти воспоминания: 15 июня двадцать лет назад, когда он приехал и вдруг осознал, как отец состарился, почувствовал время, которое мелькнуло огнём зажигалки и осветило лицо родителя. В этой же главе появляется братство *Ante Christum Natum*, которое потом появится в названии предпоследней главы романа. Эта отсылка не случайна, она пространственно и композиционно связана с образом героя и его странствием: в начале 20 главы герой осознаёт, чем закончатся его поиски.

В главе 20 мы вместе с героем становимся посвящёнными в братство архивного союза Иерусалима – *Ante Christum Natum*. Автор даёт культурный код для прочтения единого образа города Иерусалима. Так как члены братства убеждены, что город – это книга, перед нами воссоздаётся образ книги, текста культуры, «его бумажно-каменного тела, хранящего все страницы временных слоёв» (Иличевский 2021, с. 307). Картины Поленова из Палестинского цикла, «Тайная Вечеря» Леонардо, чертёж храма Ньютона – страницы прекрасного древнего города, запечатлённые в эстетических объектах.

Пространственные перемещения героя тесно связаны с главным мотивом романа – поисками

отца. Пространство и отношение героя и времени формирует свой особенный культурный код. По мнению П. Басинского, главный в романе не герой-рассказчик, а образ отца как центральная фигура текста (Басинский 2019).

Сюжеты об античном Эдипе, шекспировском Гамлете акцентируют в произведении проблему отца и сына, памяти рода и смены поколений, человека и проживания им времени судьбы в романе «Чертёж Ньютона». В одной из сцен романа герой становится свидетелем разговора о скандальной постановке спектакля по «Макбету», когда актёры играют на сцене пьесу без единого слова, а для зрителей этот сюжет понятен. Автор включает в пространство романа и образ «Гамлета». Культурный код – в сюжете, мотиве, в котором заключён истинный смысл. Эта шекспировская трагедия нужна для передачи духовного мироощущения героя, глубины его переживаний и внутренней тоске по исчезнувшему отцу. И встреча Гамлета с призраком – намёк на поиски «призрака» отца в пространстве романа, попытка через его дневники, локусы, памятные воспоминания встретиться с ним. Это метафорические поиски отца.

Обратим внимание на способы номинации героев романа. Отец в главе 10 называет сына следующим образом: «Костя, Константин, константа, постоянный, косточка». До этого момента он выступает в качестве героя-нарратора, который ведёт рассказ от своего лица. Сакрализация имени и новая номинация играют важную смысловую роль. Мифологическое мышление героя придаёт огромное значение акту номинации субъекта. Номинативный ряд, упоминаемый отцом в диалоге, задаёт код прочтения, даёт семиотический ключ. Это тот, кто постоянно присутствует в романе, остальные герои появляются и исчезают при встрече с ним или в его воспоминаниях.

Художественный мир героя пространственно включает и его семейные локусы. Семья героя в его реальном и настоящем – это мир, чуждый ему. И семейная жизнь героя как будто идёт по заданной траектории и наследует сложившиеся отношения в семье тёщи. Отец жены был выдворен из семьи, когда дочери исполнилось 12 лет. Она тайком ходила к нему на балкон кормить синичек и снегирей, прилетавших из Сокольнического парка. Он не ушёл из семьи, его пространство локально ограничили до пределов его комнаты, в которой он вёл свое хозяйство сам. Жена превратила семейную квартиру в локус казённого учреждения по типу ЗАГСа, в котором она работала, там и зачерствела. Жена повесила в коридоре предписания мужу: «Бельский не может оставлять гостей, занимать вешалку в прихожей, музыка у него звучит шёпотом», «Бельскому предписывается: держать мусорное ведро у себя, чистить балкон после голубей и от снега», «Бельский должен:

мыть полы в коридоре по понедельникам, санузел по четвергам», «Бельский обязан предупредить: когда уезжает и насколько» (Иличевский 2021).

Образ тёщи представлен ролью хищного и агрессивного кота, а тесть играет незначительную роль незаметной мыши. В романе с первых страниц ставится проблема отца, роли мужчины в семье. И его внутренний мир сопротивляется этому властному матриархату, который царит в семье жены, где властвуют над всем на свете Кот и Мопс. Имена и семейные прозвища чрезвычайно важны в романе, для героя они ужасны: бабушка жены зовётся дома Мопсом, мать жены – Котом, а жена Юля – Кисой, но этот мир прозвищ чужд герою, он никогда так не называет жену.

Семья Константина по воспоминаниям детства совсем другая, хотя отец тоже чаще всего находится вне семьи: его профессия связана с его частым отсутствием – он геолог, но он рвётся в Москву к жене, сыну.

Композиционно в тексте важны локальные оппозиции: семья Юлии с царившим матриархатом и прозвищами, ограниченная квартирой, сжатая до локальных мест Москвы, и семья Константина с важными отношениями отца и сына, с большим миром, местами, где герой и его отец работают, летают на научные конференции, путешествуют. Пространство не только противопоставлено, оно и различно по степени духовной и культурной значимости: поверхностный мир жены, её увлечений и глубина исследований отца и сына, обращение к важным, метафизическим вопросам жизни во Вселенной.

Бесконечность мира героя пространственно реализована в романе многочисленными перемещениями, безграничными пространствами, погружениями в глубину времени – в археологию (отец) и физику, анализ данных, развитие современной науки (сын – Константин).

Если в начале романа герой, глядя на семью жены, рассуждает о предчувствии, что он тоже будет играть такую же незаметную, незначительную роль, как отец жены, скромный работник генплана, то в развитии сюжета мы видим неизменность устремлений героя, заложенную в него его родом, его отцом, следование своим традициям, не случайно он носит имя Константин – константа, постоянство. С одной стороны, герой не сопротивляется явно, но, с другой стороны, он так же, как и отец в его детстве, уходит из семьи, уезжает в Иерусалим.

В итоге перед читателем предстает роман как опыт осмысления семейных отношений, духовной преемственности рода, роли мужчины в жизни сына, осознание своего предназначения в жизни, поиск своей сущности.

Эта важность метафизических поисков, духовная глубина представляется герою повсюду.

В образе молодого еврея-ашкеназа, отца многочисленного семейства, ему является образ Раскольникова в его кинематографическом отражении – в актёре Тараторкине в кадре на мосту через Мойку, только обращая внимание на различие, что еврей никого не собирався убивать, а был озабочен личным несовершенством, выражающимся в его бедности и трудности в обеспечении многочисленной семьи.

Полученные результаты и выводы

В романе А. Иличевского «Чертёж Ньютона» к паратекстуальным элементам текста относятся название произведения, жанр, названия глав, что создаёт организацию текстового пространства, переход от одной части повествования к другой, актуализирует читательское восприятие части текста – как отдельной главы, которая обозначена автором и дана под определённым заголовком, что формирует читательский интерес и фокусирует взгляд на рассматриваемой стороне вопроса.

Жанр произведения – роман – определяет то, чем является текст. Романная форма выводит за пределы самого текста и адресует нас к интертекстуальным традициям жанра. Тематические заголовки: название романа и отдельных глав погружают нас внутрь романа, задают векторы прочтения и саму динамику нашего движения к смыслам, которые рождает текст.

В названии романа на первый план выдвигается автором дескриптивная характеристика, данная через отношение субъектов романа с объектами – чертежом Ньютона. Апеллируя к известному имени в сочетании со словом «чертёж», не определённый как чертёж чего, а определённый по его создателю, рождается загадочность текста, которая усиливается фантастическими образами, «блужданиями» героя. Чертеж – это нечто конкретное, в противоположность метафизическим поискам обретения себя через поиски отца, осмыслению своего пути, когда герой «идёт» вслед за отцом. Не случайны и отсылки к мотивам Эдипа, Гамлета, симфонии конца «Скрябина», образах фантастических существ верхнего мира, тема «ухода» как конца пути и тому, что остаётся после человека в памяти тех, кто идёт «следом», следует своей судьбе, своему предназначению. Пересекая пространство, возвращаясь к воспоминаниям на страницах романа, герой преодолевает непреодолимый ход времени. Он обретает своё истинное «я», осознаёт процесс движения жизни, для него остановка – это конец пути, и остановится герой не в силах. Время можно остановить на фотографиях, запечатлеть миг, но это фиксация изменчивой жизни не в силах остановить саму жизнь, обратить её вспять.

Художественные образы в романе продуцируются через культурные символы и знаковые коды, которые создаются через интертекстуальное ци-

тирование в пространстве романа литературных текстов, произведений музыки, живописи, театра, фотографии. Архитектурный текст наполнен паратекстуальными элементами, которые расширяют границы романа как отдельного текста до текста культуры в семиотическом смысле.

Источники фактического материала

Иличевский А.В. Чертёж Ньютона: роман. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 348 с.

Библиографический список

Gennet, G. (1987), *Seuils*, Seuil, Paris, France.

Derrida, J. (1978), *La Verite en peinture*, Flammarion, Paris, France.

Kristeva, J. (1971), *Probleme der Textstrukturierung*, Trans. I. and J. Rehbein, *Literaturwissenschaft und Linguistik* II.2., ed. J. Ihwe, Athenäum, Frankfurt a. M., Deutschland, pp. 484–507.

Kristeva, J. (1977), *Word, Dialogue, Novel, Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*, Trans. L.S. Roudiez, Columbia UP, New York, USA.

Moretti, F. (2013), *Distant Reading*, Verso, London, New York, UK, USA.

Riffaterre, M. (1982), *L'illusion referentielle*, Barthes R., Bersani L., Hamon Ph., Riffaterre M., Watt I., *Litterature et realite*, Seuil, Paris, France.

Skomp, E.A. and Sutclie, B.M. (2015), *Ludmila Ulitskaya and the art of tolerance*, The University of Wisconsin Press, Wisconsin, USA.

Szabó, T. (2019a), *Színház a regényben: A Lear király és Jákob lajtorjája. Humor és sport a szláv kultúrákban* (ed. Kiss Szemán R.), ELTE BTK Szláv és Balti Filológiai Intézet – Zuglói Szlovákok Önkormányzata, Budapest, Magyarország, ol. 127–156.

Szabó, T. (2019b), *Az írói identitás poétikai leképezése* (L. Ulickaja: Jákob lajtorjája), *Egyéni és kollektív identitások, Hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában IX*, Szláv Történelmi és Filológiai Társaság, Szombathely, Magyarország, ol. 251–264.

侯玮红. 当代俄罗斯小说研究 [M]. 北京: 中国社会科学出版社, 2013年. 233页. – Хоу Вэйхун. Современная русская проза. Пекин: Изд-во Китай. акад. обществ. наук, 2013. 233 с.

余一中. 俄罗斯文学的今天和昨天 [M]. 哈尔滨: 黑龙江人民出, 2006年. 349页. Юй Ичжун. Вчерашняя и сегодняшняя русская литература. Харбин: Хэйлуунцзянское нар. изд-во, 2006. 349 с.

Барт Р. Text. Цит. по: Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. Под ред. И.П. Ильина и Е.А. Цургановой. Москва: ИНТРАДА, 1996. С. 218.

Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. С. 393–400.

Басинский П. Приключения земного шарика: Александр Иличевский выпустил новый роман // Российская газета. 2019. Федеральный выпуск № 282 (8040). Электронный ресурс. URL : <https://rg.ru/2019/12/12/aleksandr-ilichevskij-vypustil-roman-o-svoih-zhiznennyh-priklucheniiah.html> (дата обращения: 12.01.2022).

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Безрукавая М.В. Современная русская проза: проблема метода. Краснодар: Кубанский социально-экономический институт, 2015. 100 с.

Бочкина М.В., Голубков М.М. Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолазкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 2. С. 188–197.

Вежлян Е. Присвоение истории // Новый мир: журнал. 2013, № 11. Электронный ресурс. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2013/11/prisvoenie-istorii.html (дата обращения: 12.01.2022).

Вуколова В.С. Интертекстуальный способ изображения исторической эпохи 1953–1996 гг. в романе Л.Е. Улицкой «Зелёный шатёр» // Вестник ТГУ. Вып. 6 (146), 2015. С. 218–224.

Ганиева А. «Общество ищет образцы и модели существования и саморепрезентации» // Дружба народов: журнал. 2017. № 1. Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/1/obshhestvo-ishhet-obrazczy-i-modeli-sushhestvovaniya-i-samoreprezentaczii.html> (дата обращения: 12.01.2022).

Голубкова А. Медленное изучение природы: рец. на кн. Иличевский А. Матисс: Роман. Москва, 2007 // Журнал «Новое литературное обозрение». 2008, № 1. Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/1/medlennoe-izuchenie-natury.html> (дата обращения: 08.10.2021).

Данилкин Л. КлуДж // Новый мир: журнал. 2010, № 1. Электронный ресурс. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2010/1/kludzh.html (дата обращения: 20.12.2021).

Женнет Ж. Фигуры. Работы по поэтике: В 2 т.: Пер. с фр.; Общ. ред. и вступ. ст. Зенкина С.Н. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1, 469 с.

Зенкин С.Н. Теория литературы: проблемы и результаты. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 368 с.

Ибадова Г.Э. Художественное время московского текста Юрия Полякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 3. С. 458–467.

Короткова Н.С. Особенности современного сюжетостроения на примере романа Л.Е. Улиц-

кой «Лестница Якова» // Художественный текст глазами молодых: Мат. IV междунар. научн. конф.; сост. М.Г. Пономарева, Е.А. Федорова. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2020. С. 199–207.

Латынина А. Судьба пророка в XXI веке: о романе Александра Иличевского «Перс» // Журнал «Новый мир». 2010, № 10. Электронный ресурс. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2010_10/Content/Publication6_161/Default.aspx (дата обращения: 05.10.2021).

Латынина А. Манифестация воображаемого // Журнал «Знамя». 2010, № 3. Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/3/manifestacziya-voobrazhaemogo.html> (дата обращения: 06.10.2021).

Лобин А.М. К вопросу о характеристике исторического дискурса русской литературы рубежа XX–XXI веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 3. С. 83–89. То же [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-harakteristike-istoricheskogo-diskursarusskoj-literatury-rubezha-xx-xxi-vekov> (дата обращения: 12.01.2022).

Пустовая В.Е. Крупицы тверди. Александр Иличевский // Вопросы литературы: журнал. 2010. № 4. Электронный ресурс. URL: <https://voplit.ru/article/krupitsy-tverdi-aleksandr-ilichevskij/> (дата обращения: 12.01.2022).

Рымарь Н.Т. Поэтика границы в литературе: Эстетические и поэтологические аспекты проблемы границы как феномена художественного языка. Siedlice: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny, 2016. 334 с.

Фролова Г.А. К вопросу о характере творческой эволюции О. А. Славниковой // Текст. Произведение. Читатель: материалы IV междунар. конф. Прага, 2016. С. 38–42.

References

Gennet, G. (1987), *Seuils*, Seuil, Paris, France.

Derrida, J. (1978), *La Verite en peinture*, Flammarion, Paris, France.

Kristeva, J. (1971), Probleme der Textstruktur, Trans. I. and J. Rehbein, *Literaturwissenschaft und Linguistik* II.2., ed. J. Ihwe, Athenäum, Frankfurt a. M., Deutschland, pp. 484–507.

Kristeva, J. (1977), *Word, Dialogue, Novel, Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*, Trans. L.S. Roudiez., Columbia UP, New York, USA.

Moretti, F. (2013), *Distant Reading*, Verso, London, New York, UK, USA.

Riffaterre, M. (1982), L'illusion referentielle, Barthes R., Bersani L., Hamon Ph., Riffaterre M., Watt I., *Litterature et realite*, Seuil, Paris, France.

Skomp, E.A. and Sutclie, B.M. (2015), *Ludmila Ulitskaya and the art of tolerance*, The University of Wisconsin Press, Wisconsin, USA.

Szabó, T. (2019a), *Színház a regényben: A Lear király és Jákob lajtorjája. Humor és sport a szláv kultúrákban* (ed. Kiss Szemán R.), ELTE BTK Szláv és Balti Filológiai Intézet – Zuglói Szlovákok Önkormányzata, Budapest, Magyarország, ol. 127–156.

Szabó, T. (2019b), Az írói identitás poétikai leképezése (L. Ulickaja: Jákob lajtorjája), Egyéni és kollektív iden-títások, Hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában IX, Szláv Történelmi és Filológiai Társaság, Szombathely, Magyarország, ol. 251–264.

侯玮红. 当代俄罗斯小说研究 [M]. 北京: 中国社会科学出版社, 2013年. 233页. Hou Weihong. *Modern Russian prose*. Beijing: China Publishing House. acad. societies. sciences, 2013. 233 p.

余一中. 俄罗斯文学的今天和昨天[M]. 哈尔滨: 黑龙江人民出, 2006年. 349页. Yu Yizhong. *Yesterday's and today's Russian literature*. Harbin: Heilongjiang Publishing House, 2006. 349 p.

Bart, R., (1996), Text, Cit. according to: Intertextuality, *Modern foreign literary studies: An encyclopedic reference*, Edited by I.P. Ilyin and E.A. Tsurganova, INTRADA, Moscow, Russia.

Bart, R. (1989), The effect of reality, *Selected works: Semiotics. Poetics*, Progress, Moscow, Russia, pp. 393–400.

Basinsky, P. (2019), Adventures of the Globe: Alexander Ilichevsky has released a new novel, *Rossiyskaya Gazeta*, federal issue no. 282 (8040), Moscow, Russia, electronic resource, [Online], available at: <https://rg.ru/2019/12/12/aleksandr-ilichevskij-vypustil-roman-o-svoih-zhiznennyh-priklucheniiah.html> (Accessed 12 January 2022).

Bakhtin, M.M. (1975), Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics, Bakhtin M.M. *Questions of literature and aesthetics*, Art. lit., Moscow, Russia, pp. 234–407.

Bezrukavaya, M.V. (2015), *Modern Russian prose: the problem of method*, Kuban Socio-Economic Institute, Krasnodar, Russia.

Bochkina, M.V. and Golubkov, M.M. (2018), The concepts of "historical" and "non-historical" in the aesthetic and philosophical system of the novel "Aviator" by E. Vodolazkin, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, Series: Literary Studies, Journalism*, vol. 23, no. 2, pp. 188–197.

Vezhlian, E. (2013), Assignment of history, *Novy mir: a magazine*, no. 11, electronic resource, [Online], available at: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2013/11/prisvoenie-istorii.html (Accessed 12 January 2022).

Vukolova, V.S. (2015), The intertextual way of depicting the historical epoch of 1953-1996 in L.E. Ulitskaya's novel "The Green Tent", *Bulletin of TSU*, issue 6 (146), pp. 218–224.

- Ganieva, A. (2017), Society is looking for patterns and models of existence and self-presentation, *Friendship of Peoples: a magazine*, no. 1, [Online], available at: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2017/1/obshhestvo-ishhet-obrazczy-i-modeli-sushhestvovaniya-i-samoreprezentaczii.html> (Accessed 12 January 2022).
- Golubkova, A. (2008), Slow study of nature: rec. on the book. Ilichevsky A. Matisse: Roman. M., 2007, *New Literary Review: a magazine*, no. 1, [Online], available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/1/medlennoe-izuchenie-natury.html> (Accessed 08 October 2021).
- Danilkin, L. (2010), Kludge, *Novy mir: a magazine*, no. 1, [Online], available at: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2010/1/kludzh.html (Accessed 20 December 2021).
- Gennet, G. (1998), Figures, *Works on poetics: in 2 volumes*, trans. from French, general ed. and the introductory article of Zenkin S.N., vol. 1, Publishing House named after him. Sabashnikov, Moscow, Russia.
- Zenkin, S.N. (2018), *Theory of literature: problems and results*, New Literary Review, Moscow, Russia.
- Ibadova, G.E. (2020), The Artistic Time of the Moscow text by Yuri Polyakov, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, Series: Literary Studies, Journalism*, vol. 25, no. 3, pp. 458–467.
- Korotkova, N.S. (2020), Features of modern plot-building on the example of L.E. Ulitskaya's novel "Jacob's Ladder", *Artistic text through the eyes of the young: Mat. IV International Scientific conference*, comp. M.G. Ponomareva, E.A. Fedorova, K.D. Ushinsky YAGPU, Yaroslavl, Russia, pp. 199–207.
- Latynina, A. (2010a), The Fate of the Prophet in the XXI century: about Alexander Ilichevsky's novel "The Persian", *Novy Mir: a Magazine*, no. 10, [Online], available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2010_10/Content/Publication6_161/Default.aspx (Accessed 5 October 2021).
- Latynina, A. (2010b), Manifestation of the imaginary, *Znamya: a Magazine*, no. 3, [Online], available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/3/manifestacziya-voobrazhaemogo.html> (Accessed 6 October 2021).
- Lobin, A.M. (2012), On the question of the characteristics of the historical discourse of Russian literature at the turn of the XX–XXI centuries, *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*, no. 3, pp. 83–89, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-vo-prosu-o-harakteristike-istoricheskogo-diskursa-russkoy-literatury-rubezha-xx-xxi-vekov> (Accessed 12 January 2022).
- Pustovaya, V.E. (2010), Grains of the firmament. Alexander Ilichevsky, *Questions of literature: a magazine*, no. 4, [Online], available at: <https://voplit.ru/article/krupitsy-tverdi-aleksandr-ilichevskij/> (Accessed 12 January 2022).
- Rymar, N.T. (2016), *Poetics of the border in literature: Aesthetic and poetological aspects of the problem of the border as a phenomenon of artistic language*, Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny, Siedlice, Polska.
- Frolova, G.A. (2016), On the question of the nature of the creative evolution of O.A. Slavnikova, *Text. Composition. Reader: materials of the IV International Conference*, Prague, Czech, pp. 38–42.

Submitted: 18.01.2022

Revised: 01.03.2022

Accepted: 21.03.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.4

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-50-56

Дата поступления: 10.12.2021
рецензирования: 17.01.2022
принятия: 31.01.2022

А.Д. Федченко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: fedchenko0911@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1158-2870>

Современные исследовательские практики формирования профессиональных компетенций

Аннотация: в статье анализируются теоретические представления современных исследователей относительно понятия «профессиональные компетенции». Проблема формирования и развития профессиональных компетенций работников актуальна в нынешних реалиях, так как конкуренция среди производственных организаций возрастает с каждым днем, и работодатели заинтересованы в высококвалифицированных рабочих кадрах, готовых посредством реализации теоретических знаний и практических навыков достигать эффективных производственных результатов и способствовать процветанию компаний в целом. Цель статьи – проанализировать процесс формирования профессиональных компетенций наемных работников. Отдельное внимание уделяется анализу наиболее важных компетенций и навыков работников, необходимых для полноценного функционирования трудовых отношений в производственном процессе. В данной работе рассмотрен и проанализирован компетентностный подход в реализации практико-ориентированного обучения в вузе для подготовки потенциальных работников, способных конкурировать и адаптироваться к появлению новейших современных технологий. Внедрение компетентностного подхода в систему высшего образования является новым шагом в подготовке высококвалифицированных кадров, не только обладающих совокупностью теоретических знаний, но и готовых реализовывать свои практические умения для решения различных производственных задач. Работник, получивший качественное высшее образование, теоретический набор знаний и практических умений, будет применять свои способности в трудовой деятельности, демонстрируя высокую результативность. В работе представлены практические рекомендации для работодателей и образовательных учреждений по формированию профессиональных компетенций работников.

Ключевые слова: профессиональные компетенции; модель компетенций; работодатель; работник; производство; образование; практический опыт; повышение квалификации.

Цитирование: Федченко А.Д. Современные исследовательские практики формирования профессиональных компетенций // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 1. С. 50–56. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-50-56>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Федченко А.Д., 2022 – аспирант кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.D. Fedchenko

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: fedchenko0911@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1158-2870>

Modern research practices of professional competence formation

Abstract: the article analyzes the modern researchers' theoretical ideas regarding the concept of "professional competencies". The problem of professional competencies' formation and development is essential under the current circumstances, as competition among production organizations increases every day. Moreover, employers are interested in highly qualified workers who are ready to achieve effective production results and contribute to the prosperity of companies via the implementation of theoretical knowledge and practical skills.

The purpose of the article is to analyze the process of formation of professional competencies among employees. In this article, special attention is paid to the analysis of the most important competencies and skills of employees necessary for the full functioning of labor relations in the production process. Also, in this article, the competence-based approach to the implementation of practice-oriented training at the university for the preparation of potential employees, who are able to compete and adapt to the emergence of the latest modern technologies, has been examined and analyzed. The introduction of a competence-based approach into the higher education system is a new step in the training of highly qualified personnel who has not only a set of theoretical knowledge, but is also ready to implement the practical skills to solve various production tasks. An employee, who has received a high-quality higher education, a rich theoretical set of knowledge and practical skills, will apply his / her abilities in his work, demonstrating high efficiency. The results are presented via practical recommendations for employers and educational organizations concerning the employees' formation of professional competencies.

Key words: professional competencies; competence model; employer; employee; production; education; practical experience; professional development.

Citation: Fedchenko, A.D. (2022), Modern research practices of professional competence formation, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 50–56, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-50-56>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Fedchenko A.D., 2022 – postgraduate student of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

В современных условиях сфера трудовых отношений претерпевает значительные изменения. Человеческий фактор стал одним из основных и самых значимых в организации производственных отношений. Управлению и развитию персонала уделяется особое внимание. Любое производство нуждается в профессионально развитых кадрах, готовых быстро адаптироваться к внедрению и изменению основополагающих технологий. Руководители в компаниях различных отраслей желают видеть в своих работниках настоящих профессионалов, готовых постоянно развивать свои теоретические знания и применять их в практической деятельности. Современный работник, желающий быть востребованным на рынке труда, должен на протяжении всей своей жизни развивать и улучшать свои профессиональные компетенции, чтобы быть готовым выдержать конкурентную борьбу среди многочисленных производственных кадров. Именно поэтому проблеме формирования профессиональных компетенций работников уделяется особое внимание в любой производственной организации. Руководители желают избежать проблемы текучести кадров, поэтому готовы нести затраты для обучения персонала, чтобы каждый работник высоким качеством своего труда участвовал в эффективности результатов компании в целом. Современные компании готовы рассматривать профессиональные кадры как важный ресурс, требующий многочисленных, долгосрочных вложений. Заинтересованность работодателей в развитии профессиональных компетенций работников снижает риск высокой текучести кадров на производстве.

Тема формирования профессиональных компетенций является одной из наиболее актуальных

в научном дискурсе. Подходы, существующие к определению понятия, можно разделить на следующие группы.

Одни авторы (Э.Ф. Зеер, Л.В. Львов, А.К. Маркова) под компетенциями понимают индивидуальные способности деятельности человека, представленные в совокупности способов реализации действий посредством использования теоретических современных знания, навыков, способов решения производственных задач. Именно высокий уровень профессиональных компетенций работников помогает компаниям эффективно достигать поставленных производственных задач и демонстрировать высокую результативность (Зеер 2000, 2007), (Львов 2013).

Другие (В.Н. Кудашов, Ю.Ф. Абрамов, Н.П. Пахомов) придерживаются точки зрения, что компетенции тесно связаны с процессом социализации личности, позволяющим работнику развиваться и быть осведомленным в различных вопросах за рамками производственной специализации, с легкостью адаптироваться к новейшим изменениям, реализовывать творческий потенциал и регулярно совершенствовать свои знания и умения. Специалисты, готовые осваивать, развивать и применять теоретические знания и практические навыки, легче адаптируются на новых рабочих местах, являются основными претендентами для различных видов поощрения со стороны руководства.

Профессиональные компетенции необходимо рассматривать в совокупности ключевых, базовых и специальных компетенций работников. К ключевым относятся ряд требований к любому сотруднику для осуществления эффективной трудовой деятельности. Базовые компетенции предполагают знания и умения в определенной

профессиональной среде. Специальные же компетенции предусматривают решение сотрудниками конкретных производственных задач (Гурина 2008).

В практической деятельности компаний можно встретить различные модели компетенций работников. Типы моделей профессиональных компетенций заметно отличаются по следующим основаниям: по способу структурирования, по глубине и по способу описания. Так, по способу структурирования модель компетенций подразделяется на поуровневую (каждая компетенция совмещает в себе различные направления теоретических знаний и умений в зависимости от занимаемой должности сотрудника) и поиндикаторную (отдельная компетенция представлена в ряде навыков, специальной шкале оценивания и требований к сотруднику).

По глубине модель профессиональных компетенций можно разделить на верхнеуровневую, представляющую краткое описание компетенций отдельных работников, и детальную, предполагающую подробное описание каждой компетенции и используемую для оценки глубинных знаний сотрудников со стороны руководства.

По способу описания модель компетенций подразделяется на знания, умения и навыки, поведение работников. Модель знаний включает в себе ряд теоретических терминов, необходимых для реализации профессиональной деятельности. Также данная модель используется для оценки теоретических знаний сотрудников с помощью тестирования, квалификационных экзаменов и метода интервью. Модель умений и навыков включает в себе необходимые для освоения практические направления деятельности. Данная модель компетенций важна для оценки практической деятельности работников с помощью различных экзаменов, деловых игр, специализированных кейсов и других способов оценивания. Модель поведения представлена в ряде поведенческих индикаторов специалистов. Подобный тип модели компетенций используется для оценки правильности принятых решений работниками относительно их профессиональной деятельности, например, с помощью чек-листа.

Различные компании отдельное внимание уделяют составлению модели профессиональных компетенций в организации. Данным вопросом занимаются работники по управлению персоналом, специалисты структурных подразделений организации, руководители различного уровня и приглашенные эксперты в узкоспециализированной направленности производственных процессов. Грамотно составленная модель компетенций способствует подбору профессиональных кадров, которые будут работать на эффективность результатов и способствовать процветанию компании.

Чтобы достичь высоких результатов на рынке, необходимо обеспечить организацию работниками, обладающими профессиональными компетенциями и развитыми личностными качествами.

А.С. Павловец в своей статье «Формирование и развитие профессиональных компетенций персонала на предприятии» предлагает при формировании модели профессиональных компетенций рассматривать следующие факторы (Павловец 2021):

- место организации среди конкурирующих компаний;
- уровень профессионального освоения знаний и навыков наемных работников;
- положение трудовой дисциплины в компании;
- деятельность производства по управлению персоналом;
- эффективные результаты и практический опыт конкурирующих организаций.

И.Б. Адова, М.В. Симонова в статье «Оценка компетентности как инструмент управления персоналом организации» рассматривают три основных блока компетенций, необходимых для включения в модель любой организации для организации плодотворных трудовых взаимоотношений (Адова, Симонова 2013):

- корпоративный блок включает ряд профессиональных компетенций, которыми должен владеть сотрудник любого должностного уровня. Составление данного блока ориентировано на освоение главных ценностей компании, элементов корпоративной культуры, нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность организации;
- управленческий блок совмещает в себе компетенции, необходимые для руководителей любого звена с целью реализации качественной управленческой политики в компании;
- профессиональный блок ориентирован на освоение ключевых компетенций, необходимых для деятельности работника на определенной должности. Данный блок сложнее всего разрабатывать, так как каждая должностная единица требует узкоспециализированных личностных и профессиональных качеств сотрудников, которые должны быть отображены в модели компетенций организации.

Использование оценки профессионального развития сотрудников с помощью моделей компетенций позволяет проанализировать, насколько работники соответствуют требованиям компании. Если уровень соответствия специалистов компетенциям, предъявляемым организацией, высок, то процесс выстраивания производственного процесса будет эффективен, будут достигаться стратегически важные цели компании, трудовая дисциплина выйдет на должный уровень. Работники

принесут прибыль организации, за что получают поощрения и положительную оценку со стороны руководителя. В случае низкого уровня соответствия специалистов требуемым компанией профессиональных компетенций, производственная организация сталкивается с рядом недоработок, таких как:

- отсутствие условий для саморазвития работников (предприятие не организует курсов повышения квалификации для персонала);
- отсутствие финансовых ресурсов для профессионального развития своих специалистов, осуществляющих трудовую деятельность;
- неэффективная работа кадрового блока на производстве.

Как следствие, перечисленные выше недоработки предприятий могут привести к отсутствию реализации плана развития компании, к потере деловых связей с прибыльными и перспективными партнерами, к усложнению взаимоотношений работодателя и работников, к снижению достигаемых результатов организации в целом.

Анализ профессиональных компетенций предполагает рассмотрение структуры профессионального развития рабочих кадров и компонентов, из которых она состоит. Первым компонентом структуры развития сотрудников является обучение работников, содержание которого предполагает получение теоретических знаний, умений, практических навыков от преподавателей, экспертов, разбирающихся в узкой специализации трудовой отрасли. В. Бартц и Х. Шайбл поясняют, что взгляды работодателей и работников на процесс обучения сильно разнятся. Так, работодатели в качестве основных целей обучения выделяют: приобретение навыков распознавать, разбираться и находить способы решения производственных проблем; эффективное функционирование управленческих кадров; подбор высококвалифицированных специалистов; адаптация к особенностям компании; освоение появляющихся современных технологий. Работники определяют основные цели обучения, как развитие профессиональной квалификации; освоение профессиональных знаний о клиентах и партнерах компании, которые участвуют в производственном процессе; развитие практических навыков в совершенствовании предприятия (Токарева, Гаспарович 2021).

Вторым компонентом структуры профессионального развития кадров является управление деловой карьерой и профессиональным продвижением. Е.О. Гаспарович рассматривает карьеру как результат реализации работником в трудовой деятельности должностных обязанностей, профессионального саморазвития и движения по карьерной лестнице. Карьера связана с представлениями сотрудников своего профессионального будущего, предполагающего получение удовлет-

ворения от своей трудовой деятельности и от собственного саморазвития (Гаспарович 2014, с. 132).

Третьим компонентом является служебно-профессиональное продвижение, которое может быть как горизонтальным, так и вертикальным, предполагающим прохождение сотрудником различных этапов профессиональной деятельности.

Работодатели желают видеть в своих наемных работниках высокий уровень образования, поэтому отдельное внимание необходимо уделить развитию профессиональных компетенций будущих специалистов еще во время обучения в высших учебных заведениях. Вузы должны выпускать потенциальные рабочие кадры по определенным специальностям, обладающие целым рядом необходимых для будущей трудовой деятельности компетенций. Этому служит компетентностный подход в рамках организации образовательного процесса в вузах. Данный подход предполагает качественное моделирование будущих выпускников, оценивание приобретенных ими профессиональных компетенций на различных уровнях обучения в рамках освоения конкретной специальности (Солодянкина 2015). Модель компетенций выпускника вуза является синтезом тесно связанных общекультурных и профессиональных компетенций, подробно описанных и предполагающих практический результат в будущем от их усвоения обучающимися после завершения образовательного процесса по конкретной специальности.

Так, А.А. Шехонин в своей модели демонстрирует новую роль при использовании компетентностно-ориентированного образования в вузах (Шехонин и др. 2018). Основной отличительной чертой компетентностного подхода является то, что результат обучения выпускников заключается не в совокупности полученных теоретических знаний, а в практических навыках обучающихся, которые они готовы реализовать в различных вопросах, например, при решении стратегических производственных задач. Данный подход имеет характерные черты: междисциплинарный образовательный процесс; акцент на развитии личности обучающегося, способного достигать эффективных производственных результатов в современных реалиях; трансформация всех направлений воспитательной деятельности; ориентация студентов на формирование профессиональных компетенций; использование модульного выстраивания обучения; расширение границ образовательной деятельности, привлечение специалистов и экспертов с производств и компаний для передачи практического опыта обучающимся. Внедрение компетентностного подхода в процесс обучения будущих работников в вузе является положительной тенденцией в установлении тесных взаимовыгодных связей представителей систем

высшего образования и потенциальных работодателей. В настоящее время наука уверенно выходит на новый уровень выстраивания тесного сотрудничества с предприятиями различных отраслей. Несмотря на значительную модернизацию образовательного процесса, его еще необходимо совершенствовать, чтобы вузы могли выпускать специалистов не только с набором теоретических знаний, но и ориентированных на практическую деятельность, способных удовлетворить ожидания потенциальных работодателей.

На основе современных исследовательских взглядов на процесс формирования профессиональных компетенций работников можно предложить ряд практических рекомендаций:

- при формировании профессиональных компетенций работников предприятиям не стоит использовать готовые образцы и опыт других организаций, так как в каждой компании главенствуют индивидуальные ценности, ориентиры и желаемые профессионально развитые способности специалистов для решения трудовых задач;

- для составления модели компетенций, помимо работников организации, необходимо привлекать сторонних экспертов, которые являются профессионалами в специфической трудовой деятельности. К сожалению, привлечение кадров компании к составлению модели компетенций может увеличить данный процесс во времени, так как работодатели не готовы выделять время персоналу для сторонней деятельности, не имеющей прямого отношения к достижению производственных результатов;

- для составления перечня требуемых профессиональных компетенций рабочих кадров организациям необходимо соблюдать следующие условия: разработка уникальных для каждого предприятия моделей профессиональных компетенций; регулярный анализ профессиональных навыков работников, обеспечение рабочих кадров возможностью прохождения курсов повышения квалификации и иных форм профессионального обучения, создание условий для обмена опытом со специалистами успешных компаний в трудовой отрасли, развитие политики по управлению персоналом внутри организации;

- учреждениям высшего образования необходимо менее формально внедрять компетентностный подход в обучении потенциальных работников, осуществлять взаимовыгодное сотрудничество с представителями предприятий, чтобы выпускать практико-ориентированных специалистов, готовых на высоком уровне выполнять производственные задачи и идти вверх по карьерной лестнице, выдерживая конкурентную борьбу в современных условиях и способных в кратчайшие сроки адаптироваться к внедрению новейших технологий.

Библиографический список

Bloom, B.S. (1956), *Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals Handbook I, cognitive domain*, Longman, New York, USA.

Puteh, F., Kaliannan, M. and Alam, N. (2015), Employee core competencies and organizational excellence: an interpretative analysis, *Australian Journal of Business and Economic Studies*, vol. 2, no 1, pp. 45–54, [Online], available at: <https://www.researchgate.net/publication/274890489> (Accessed 1 December 2021).

Reisz, D.R. (2011), *Wandel der Hochschulbildung in Deutschland und Professionalisierung*, Halle-Wittenberg: Hrsg. vom Institut für Hochschulforschung an der Martin-Luther-Universität, 45 p.

Smith, E. (2015), What makes a successful undergraduate? The relationship between student characteristics, degree subject and academic success at university, *Educational Research Journal*, vol. 41, August, pp. 686–708.

Адова И.Б., Симонова М.В. Оценка компетентности как инструмент управления персоналом организации // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 336. С. 119–124. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15510776> (дата обращения: 01.12.2021).

Белова Е.Н. Управленческая компетентность руководителя. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2013. 273 с.

Босенко Е.В. Компетентностный потенциал организаций: содержание, оценка, развитие // Дискуссия: журнал научных публикаций. 2016. № 5 (68). С. 14–19. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26039706> (дата обращения: 01.12.2021).

Гаспарович Е.О. Технологии управления развитием персонала: учебно-методическое пособие. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2014. 208 с.

Гурина Р.В. Как измерить профессиональную компетентность // Высшее образование в России. 2008. № 10. С. 82–89.

Закирова Д. Человеческий потенциал как фактор инновационного развития // Вестник университета «Туран»: научный журнал Алматы. 2019. № 2. С. 102–106. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39262568> (дата обращения: 01.12.2021).

Зеер Э.Ф. Идентификация универсальных компетенций выпускников работодателем // Высшее образование в России. 2007. № 11. С. 39–46. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9933109> (дата обращения: 01.12.2021).

Зеер Э. Ф. Ключевые квалификации и компетенции в личностно ориентированном профессиональном образовании // Образование и наука: Известия Уральского отделения Российской ака-

демии образования. 2000. № 3 (5). С. 90–102. URL: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/33952> (дата обращения: 01.12.2021).

Кудрявцева Е.И. Современные подходы к проблеме формирования и использования моделей компетенций // *Управленческое консультирование: научно-практический журнал*. 2012. № 1. С. 166–177. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17698991> (дата обращения: 01.12.2021).

Львов Л.В. Образовательно-профессиональная среда и пространство: теоретические основы проектирования // *Личность в профессионально-образовательном пространстве: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Екатеринбург. 2013. С. 77–80. URL: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/200> (дата обращения: 01.12.2021).

Павловец А.С. Формирование и развитие профессиональных компетенций персонала на предприятии // *Организатор производства*. 2021. Т. 29, № 1. С. 80–89. DOI: <http://doi.org/10.36622/VSTU.2021.50.56.007>.

Припорова Е.А., Войлокова Е.Е. Современные тенденции в процессе подбора персонала // *Симбирский научный вестник: научно-методический журнал*. 2018. № 1 (31). С. 51–57. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35558287> (дата обращения: 01.12.2021).

Смирнова А.М. Профессиональные компетенции работников крупных промышленных предприятий // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2010. № 124. С. 370–374. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15539172> (дата обращения: 01.12.2021).

Солодянкина О.В. Разработка документов по моделированию и определению путей формирования компетенций выпускника вуза (теоретические и методические аспекты): учебное пособие. Ижевск: Удмуртский университет, 2015. 70 с.

Токарева Ю.А., Гаспарович Е.О. Управление профессиональными компетенциями. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2021. 327 с.

Трегулова Н.Г. Особенности стратегического управления персоналом на промышленном предприятии // *Региональные проблемы преобразования экономики: ежемесячный научный журнал*. 2018. № 10. С. 204–210. DOI: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2018-10-204-210>.

Шабурова А.В., Середович С.В., Рязанцева И.В. Непрерывное образование – фактор стабильного развития современного общества // *Актуальные вопросы образования*. 2014. № 1. С. 23–28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23560531> (дата обращения: 01.12.2021).

Шехонин А.А., Тарлыков В.А., Елисеева О.В. Практико-ориентированное образование в условиях национальной системы квалификации // *Со-*

временное образование: содержание, технологии, качество. 2018. Т. 1. С. 19–22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34995697> (дата обращения: 01.12.2021).

References

Bloom, B.S. (1956), *Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals Handbook I, cognitive domain*, Longman, New York, USA.

Puteh, F., Kaliannan, M. and Alam, N. (2015), Employee core competencies and organizational excellence: an interpretative analysis, *Australian Journal of Business and Economic Studies*, vol. 2, no 1, pp. 45–54, [Online], available at: <https://www.researchgate.net/publication/274890489> (Accessed 1 December 2021).

Reisz, D.R. (2011), *Wandel der Hochschulbildung in Deutschland und Professionalisierung*, Halle-Wittenberg: Hrsg. vom Institut für Hochschulforschung an der Martin-Luther-Universität, 45 p.

Smith, E. (2015), What makes a successful undergraduate? The relationship between student characteristics, degree subject and academic success at university, *Educational Research Journal*, vol. 41, August, pp. 686–708.

Adova, I.B. and Simonova, M.V. (2013), Assessment of competence as a management tool of the organization's personnel, *Bulletin of Tomsk State University*, no. 336, pp. 119–124, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15510776> (Accessed 1 December 2021).

Belova, E.N. (2013), *Managerial competence of the head*, Krasnoyarsk State University, Krasnoyarsk, Russia.

Bosenko, E.V. (2016), Competency potential of organizations: content, assessment, development, *Discussion: Journal of scientific publications*, no. 5 (68), pp. 14–19, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26039706> (Accessed 1 December 2021).

Gasparovich, E.O. (2014), *Technologies of personnel development management: educational and methodical manual*, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Gurina, R.V. (2008), How to measure professional competence, *Higher education in Russia*, no. 10, pp. 82–89.

Zakirova, D. (2019), Human potential as a factor in innovative development, *Journal of the University «Turan»: scientific journal*, Almaty, no. 2, pp. 102–106, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39262568> (Accessed 1 December 2021).

Zeer, E.F. (2007), Identification of universal competencies of graduates by the employer, *Higher education in Russia*, no. 11, pp. 39–46, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9933109> (Accessed 1 December 2021).

Zeer, E.F. (2000), Key qualifications and competencies in personality-oriented professional education, *Education and Science: Proceedings of the Ural Branch of the Russian Academy of Education*, no. 3 (5), pp. 90–102, [Online], available at: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/33952> (Accessed 1 December 2021).

Kudryavtseva, E.I. (2012), Modern approaches to the problem of the formation and use of competence models, *Management consulting: scientific and practical journal*, no. 1, pp. 166–177, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17698991> (Accessed 1 December 2021).

Lvov, L.V. (2013), Educational and professional environment and space: theoretical foundations of design, *Personalities in the professional and educational space: materials of the XII All-Russian Scientific and practical conference with international participation*, Yekaterinburg, pp. 77–80, [Online], available at: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/200> (Accessed 1 December 2021).

Pavlovets, A.S. (2021), Formation and development of professional competencies of personnel at the enterprise, *Organizer of production*, vol. 29, no. 1, pp. 80–89, DOI: <http://doi.org/10.36622/VSTU.2021.50.56.007>.

Priporova, E.A. and Voilokova, E.E. (2018), Modern trends in the process of personnel selection, *Sibirsk Scientific Bulletin: Scientific and Methodological Journal*, no. 1 (31), pp. 51–57, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35558287> (Accessed 1 December 2021).

Smirnova, A.M. (2010), Professional competencies of employees of large industrial enterprises, *Pro-*

ceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, no. 124, pp. 370–374, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15539172> (Accessed 1 December 2021).

Solodyankina, O.V. (2015), *Development of documents on modeling and determining the ways of forming the competencies of a university graduate (theoretical and methodological aspects): study guide*, Udmurt University, Izhevsk, Russia.

Tokareva, Yu.A. and Gasparovich, E.O. (2021), *Management of professional competencies*, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Tregulova, N.G. (2018), Features of strategic personnel management at an industrial enterprise, *Regional problems of economic transformation: monthly scientific journal*, no. 10, pp. 204–210, DOI: <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2018-10-204-210>.

Shaburova, A.V., Sereдович, S.V. and Ryazantseva, I.V. (2014), Continuous education is a factor in the stable development of modern society, *Topical issues of education*, no. 1, pp. 23–28, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23560531> (Accessed 1 December 2021).

Shekhonin, A.A., Tarlykov, V.A. and Eliseeva, O.V. (2018), Practice-oriented education in the conditions of the national qualification system, *Modern education: content, technology, quality*, vol. 1, pp. 19–22, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34995697> (Accessed 1 December 2021).

Submitted: 10.12.2021

Revised: 17.01.2022

Accepted: 31.01.2022

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-57-69

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.33(34)

Дата поступления: 22.10.2021
рецензирования: 09.12.2021
принятия: 24.12.2021

Г.В. Еремичева
Социологический институт РАН,
филиал ФНИСЦ РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: eremag@mail.ru

Жилищная политика современного мегаполиса и локальные инициативы в новых жилых комплексах

Аннотация: жилищное строительство – одна из самых приоритетных и инвестиционно выгодных отраслей хозяйства страны. Она прочно вошла в рыночную экономику, но не обеспечила в полной мере комфортную среду проживания в новых жилищных комплексах жителям мегаполиса. Политика наращивания объема жилищного фонда без улучшения его качественного состояния и уровня благоустройства окружающей среды становится фактором снижения конкурентоспособности муниципальных образований, регионов и страны. Государство активно включается в жилищную политику, разрабатывая стратегию комплексного освоения территории районов массовой застройки пригородных зон. Но ее реализация сопровождается серьезными сбоями и конфликтами жителей комплексов с представителями городских властей и бизнеса, что провоцирует создание инициативных групп граждан по отстаиванию своего права на качественную среду. Процесс самоорганизации жителей и формирование группы активистов, действия которых вылились в коллективные инициативы, исследован на материалах экспресс-интервьюирования восприятия качества городского пространства жителями ЖК «Балтийская жемчужина» Санкт-Петербурга. Несоответствие уровня благоустройства и сферы услуг, предоставляемых девелоперами, ожиданиям жителей, а также неэффективное участие представителей бизнеса и администрации города в разрешении возникающих конфликтных ситуаций спровоцировало создание низовой организации активистов комплекса. Результатом ее деятельности стала коллективная петиция В.В. Путину. Инструментом, позволившим осуществить данную инициативу, стал современный уровень развития цифровых технологий и социальные сети жителей микрорайона.

Ключевые слова: жилищная политика; городское пространство; жилищный комплекс; локальный активизм; коллективная петиция; девелоперы.

Цитирование: Еремичева Г.В. Жилищная политика современного мегаполиса и локальные инициативы в новых жилых комплексах // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 1. С. 57–69. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-57-69>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Еремичева Г.В., 2022** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором социоурбанистики Социологического института РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, 198005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 7-ая Красноармейская, 25/14.

SCIENTIFIC ARTICLE

G.V. Eremicheva
Sociological Institute of FCTAS RAS,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: eremag@mail.ru

Housing policy of a modern metropolis and local initiatives in new residential complexes

Abstract: housing construction is considered to be one of the main top-priority and investment profitable sectors of the country's economy. It has become a stable integral part of the market-oriented economy, but has not fully provided a comfortable living environment for the new housing complexes belonging to the residents of the megapolis. The policy, oriented on the ramp-up of the housing stock without improving its quality and the environmental improvement level, becomes a deterioration of the competitiveness factor regarding municipal entities, regions and the country. The state is actively involved into the housing policy, developing

an integrated urban development strategy of the massive housing areas referring to suburban zones. But its implementation is accompanied by serious failures and conflicts between the residents of the complexes and representatives of city authorities as well as business. The above-mentioned conflict situation leads to the necessity of the citizens' initiative groups creation of so as to defend their rights in order to increase the average quality environment level. The process of the residents' self-organization oriented on the activists' groups formation, whose actions resulted in the corporate initiatives, has been studied as exemplified by the materials of express-interviewing regarding the urban space quality perception by the inhabitants of the "Baltic Pearl" residential complex of Saint Petersburg. The disconnection between the levels of urban land improvement, tertiary sector provided by developers and the expectations of residents, as well as the unsatisfactory participation of business representatives and the city administration in resolving emerging conflict situations, has led to the creation of activists' grassroots organization of the complex. The performance results have led to a collective petition by V.V. Putin. The tool that made it possible to implement this initiative has been the current level of digital technologies and social networks development of the residents of the neighborhood unit.

Key words: housing policy; urban space; housing complex; local activism; collective petition; developers.

Citation: Eremicheva, G.V. (2022), Housing policy of a modern metropolis and local initiatives in new residential complexes, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 57–69, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-57-69>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Eremicheva G.V., 2022** – Candidate of Philosophy, senior researcher, Head of the Socio-Urban Studies Sector, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg, 198005, Russian Federation.

Введение

Одним из наиболее выраженных трендов развития городского хозяйства, демонстрирующих приоритеты градостроительной политики и являющихся инвестиционно выгодным, стало жилищное строительство. Однако политика простого наращивания объема жилищного фонда без улучшения его качественного состояния и уровня благоустройства окружающей среды, обновления коммунальной инфраструктуры становится фактором снижения конкурентоспособности муниципальных образований, регионов и страны.

Введение в строй одновременно большого числа жилых зданий и высокая плотность заселения превращает отдельные пригородные территории в районы массовой застройки «с улучшенной планировкой», не достигающие при этом заявленных девелоперами европейских стандартов комфортного проживания. Низкие темпы строительства учреждений социального назначения (школы, детские сады, поликлиники, больницы и т.п.), неудовлетворенность жителей качеством и объемом получаемых услуг вызывают рост социального напряжения и провоцируют граждан на локальную самоорганизацию, протестные инициативы и создание активистских групп и движений, снижают рейтинг города по уровню комфортности проживания.

В процессе урбанистического перехода в развитии современных городов от индустриального гигантизма к усилению культурной и туристической составляющей градостроительной политики заметно повышается внимание к качеству городской среды, сглаживанию урбанистических перекосов в системе расселения и пережитков советской государственной политики, решавшей главным образом задачи индустриального развития страны. Но

проблемы создания комфортной среды проживания для большинства ее населения остаются злободневными.

За последние десятилетия жилищная отрасль прочно вошла в рыночную экономику, когда были сняты все ограничения на частную собственность в этой сфере, созданы системы государственной регистрации прав, оценки и страхования недвижимости. Появилась возможность использовать собственный и заемный капитал, в т.ч. ипотечные кредиты, на приобретение жилья. Все это ускорило темпы жилищного кредитования, рост объемов жилищного строительства и его доли в частной собственности.

В то же время, как указывают специалисты-разработчики жилищной политики (научные коллективы «Высшей школы экономики» (ВШЭ); Высшей школы урбанистики ВШЭ, Фонда «Института экономики города», Экспертного института ВШЭ и др.), действующая система градорегулирования и землепользования, являющаяся основой развития жилищного строительства, не обеспечивает в полной мере развития комфортной среды проживания и жизнедеятельности, прозрачной правовой системы для инвесторов и застройщиков. Рынок жилищного строительства остается сферой с низким уровнем конкуренции и высокой степенью зависимости от административных органов. Высокие административные барьеры, ориентация на устаревшие технологии и архитектурно-проектные решения, высокие риски, низкая прозрачность для кредитования и зависимость от прямых инвестиций граждан, на которых перекадываются все основные строительные риски, способствуют тому, что коммунальный сектор остается непривлекательным для частных инвестиций. Рынок

управления многоквартирными домами остается недостаточно конкурентным, а жилищный фонд, переданный в собственность граждан, не становится предметом их ответственности (Касорева, Полиди, Пузанов, Ясин 2015, с. 1–2).

В то же время государство активно включается в жилищную политику. Попыткой усилить ее результативность в сфере жилищного строительства стала стратегия комплексного освоения территории (КОТ), когда застройщик обязан обеспечить объект застройки инфраструктурой, дворами, парковками, дорогами, т.е., помимо проектирования и строительства жилых зданий, предполагается создание всей инженерной и социальной инфраструктуры. Все эти затраты повышают себестоимость строительства и конечную цену для покупателей. В современных экономических условиях и при актуальных правилах рынка количество компаний, которые могут осуществлять капитальные проекты КОТ, не так много, поэтому масштабные стройки ведутся несколькими крупными компаниями с государственным участием (Семченко 2015). Стратегия КОТ актуальна, в первую очередь, для такого типа строительства, как жилые или многофункциональные жилые комплексы (плюсы и минусы этого формата комплексного освоения территории будут рассмотрены далее).

Органам власти в градостроительном процессе принадлежит ключевая роль. Они обладают административно-правовыми и бюджетными ресурсами для включенности в мировое пространство, оценки развития туристического потенциала города, для создания условий взаимодействия различных групп интересов и установления консенсуса между всеми участниками создания благоустроенных общественных пространств и благоприятной городской среды (Вяткина 2012). Регулирование условий, которые оказывают значительное влияние на уровень и качество жизнедеятельности горожан, разрывов в обеспечении равновесного сочетания экономических преимуществ с высокими социальными стандартами и негативными последствиями урбанизации является прерогативой органов исполнительной власти (Ильина 2015).

Уровень благоустроенности и комфортности жилой среды определяет социальный климат, усиливая или ослабляя существующие социальные и экономические противоречия в доступности и качестве общественных благ, во многом обуславливает отношение населения к государственным и муниципальным институтам, является прямой проекцией на качество городского управления (Котов 2020). В осуществлении регулирующей функции в жилищной политике городским властям необходимо проявлять гибкость и динамичность, чтобы быстро реагировать на постоянно меняющуюся ситуацию в рыночных отношениях с учетом локальных изменений рынка жилья.

Состояние жилищной отрасли в Санкт-Петербурге

Основным драйвером роста жилищного строительства в Санкт-Петербурге, как и других мегаполисах и крупных городах страны, стало освобождение городских территорий внутри городского пространства за счет реновации территории промышленных зон, разрушающегося жилого фонда и общественных объектов, освоения пригородных территорий.

Постоянное сокращение и удорожание земельных участков в границах города стимулирует динамику роста жилищного строительства, которое активно лоббируется в процессе принятия решений администрацией города и бизнесом, нередко без учета мнения горожан по вопросам сохранения уникального историко-культурного наследия Санкт-Петербурга и облика города в целом.

Начинаясь в Центральных районах города, преимущественно с освоения промышленных зон (этот процесс начался с 2000-х с центральных районов города (Московского, Петроградского, Адмиралтейского) со строительства высококлассного жилья на территориях промзон Лиговская, Новоизмайловская, Леонтьевский мыс – Карповка, У Кантемировского моста), первые проекты редевелопмента представляли собой жилье «бизнес»- и «элит»-класса и отличались небольшими размерами до 100 тыс. кв.м. Настоящий бум отмечался в 2012–2013 гг., когда строительная отрасль восстанавливалась после кризиса 2008 года. И объемы ввода в эксплуатацию жилья держались на стабильно высоком уровне и почти постоянно росли.

Многokратно увеличивающиеся объемы жилья, вводимого на пригородных территориях, способствовали росту потребности в более масштабных жилых комплексах массовой застройки с более стандартизированным жильем, хотя и с улучшенной планировкой как зданий, так и архитектурно-ландшафтного дизайна и более благоустроенной прилегающей территорией. С 2010 г. рынок активно пополняется жилыми комплексами категории комфорт-класса, все более удаляющимися от центра города, и в настоящее время большая часть проектов представляет собой массовый сегмент.

В период с 2014–2018 гг. динамика освоения освобождающихся территорий города снижается, что объясняется экономическими и политическими изменениями на рынке жилья и в стране в целом. По данным девелоперов, по итогам 2019 г. было введено более 4700 тыс. кв. м жилья. При этом на рынок вышло в 2 раза меньше проектов, чем в предыдущем, и всего три проекта комфорт-класса, 1 проект комфорт+ и три бизнес-класса на площади в 22 га, но в активной реализации находился еще 51 строительный проект ЖК (Редевелопмент 2020). Лидерство освоения территорий исторического центра города переходит к более удаленным

районам бывших промышленных (например, к Калининскому и Невскому районам, в которых в 2018 г. было введено 975,8 тыс. кв. м жилья и порядка 200 тыс. кв. м жилья соответственно. За последние годы в городе было сдано 23 объекта социального значения, т.е. менее 4 % от всех построенных. А из запущенных в 2018 году 29 проектов таковых буквально 1–2) и пригородных зон, ранее сельскохозяйственных и лесных угодий. В сравнении со строительством объектов социально значимого назначения жилищное сохраняется как приоритетное. По мнению девелоперов, активное освоение городских территорий будет идти и дальше с доминирующей застройкой под жилье до 70–80 % (Зарецкий 2020).

Поддержка городской администрацией коммерческого жилищного строительства объясняется, в первую очередь, тем, что привлечение крупных инвесторов позволяет решать сложные внутренние проблемы города. Однако для крупного бизнеса первостепенным остается получение максимальной прибыли, а не забота о перспективном развитии города. Это приводит к тому, что многоэтажное строительство жилых комплексов с высокой долей общественных функций (МФК), а также новая деловая застройка с обязательной долей жилых функций приобретает грандиозные масштабы. Такой приоритет, безусловно, влияет на все другие тренды реновации, например, возведение деловых и торгово-развлекательных центров, отелей, ресторанов и т.д., сокращение зон с общественными функциями: зеленые зоны отдыха горожан, музейные площади.

Новые категории застройки современного мегаполиса

Наиболее распространенным типом жилищного строительства в Санкт-Петербурге, как и в других крупных городах и мегаполисах, в условиях рыночной экономики стали масштабные жилищные комплексы (ЖК), как правило, на осваиваемых пригородных территориях. Понятие «жилищный комплекс» широко вошло в обиход на рынке недвижимости в 2000-е. Оно ненормативное и не определено в Градостроительном или Жилищном кодексе, используется как коммерческое наименование объекта либо как архитектурно-планировочное решение застройки. ЖК – это несколько жилых строений (корпусов, многоквартирных домов), расположенных на ограниченной, связанной с ними и благоустроенной территории, объединенных единой архитектурной концепцией (исполненных в едином стиле) и дополненных объектами инфраструктуры. В настоящее время таких строений может объединяться более нескольких десятков.

Застройщики нередко используют категорию ЖК как коммерческую и рекламную для привлечения покупателей, украшая звучным названием

дом с квартирами и несколькими магазинами в первых этажах, независимо от масштабов проекта и без учета основных характеристик строения данной категории. Инфраструктура в виде магазинов, паркингов и стоянок, ДОУ, сервисов и общепита может располагаться в первых этажах жилых корпусов, на придомовом участке, в общем стилобате. Но при отсутствии привязанной к дому на Генплане благоустроенной территории, расположенных на ней объектов торговли, сервиса или учреждений социального назначения, это будет жилой многоквартирный дом в составе микрорайона, квартала, участка комплексной или точечной застройки.

Для того чтобы присвоить проекту коммерческое название ЖК, участок земли под домом должен быть внесен в Генплан и находиться в собственности или аренде у застройщика. Строения, включенные в ЖК, объединяются одинаковыми элементами отделки, созданными в рамках единой концепции, представляющие единое целое с участком и объектами инфраструктуры. Уже на стадии проектирования в проект такого комплекса заложены элементы благоустройства – пешеходные дорожки, детские и спортивные площадки, места отдыха, МАФы (МАФ – малые архитектурные формы – это сооружения, предназначенные для архитектурно-планировочной организации объектов ландшафтной архитектуры, создания комфортного отдыха посетителей, ландшафтно-эстетического обогащения территории в целом. К ним относятся элементы благоустройства: декоративные – скульптура, фонтаны, вазы, декоративные водоемы, декоративные стенки, трельяжи и решетки, альпийские горки или рокарии и др.; утилитарного характера – торговые киоски, скамейки, ограды и ограждения, указатели, знаки и др.) и озеленение. Проектом предусматривается единое управление ЖК одной Управляющей компанией (УК). Важным признаком является не только наличие, но и функциональная связанность объектов инфраструктуры и территории. Это означает, что участок и нежилые объекты на нем рассчитаны на использование в первую очередь жильцами этого ЖК.

Для жителей комплекса особую значимость имеет и то, что девелопер проекта или застройщик создают инфраструктурные объекты, используя собственные средства, а не привязывают ЖК к уже существующим учреждениям. Поскольку большинство многоквартирных домов строится по типовым проектам, то качество их примерно одинаково, а на стоимость квартиры будут влиять затраты застройщика на инфраструктуру. Чем больше объектов, тем выше расходы. При этом декларируется повышенный уровень комфортности проживания в доме.

Категория ЖК определяется по единой классификации многоквартирных домов, в которой рассматривается строение, корпус или дом с

элементами благоустройства и оснащенности. Отнести дом к категории комфорт-класс или «бизнес» без дополнений или благоустройства участка девелоперу невозможно. Поэтому большинство объектов на рынке новостроек они стараются всеми возможными способами вывести в ранг жилых комплексов (Новостройкер 2019).

Популярным типом жилищной застройки в современном городе является и многофункциональный жилой комплекс (МФК 2020). Его можно рассматривать как «город внутри города», имеющий собственную развитую инфраструктуру для обеспечения максимального комфорта проживающим в нем людям. Этот тип жилья заимствован из Европы и США, где он крайне популярен. Если в состав обычного ЖК может входить детский сад и несколько магазинов на нижних этажах, то в МФК под коммерческую недвижимость отводится гораздо больше пространства, например, детские сады, магазины, кафе, бары и рестораны; торговые центры; выставочные галереи; кинотеатры; детские развлекательные центры; спортивные залы. Это далеко не все, что может там быть, но вполне понятно, что стратегия заключается в том, чтобы предложить жильцам наиболее полный набор развлечений. Такие комплексы возводятся в обжитых районах в центре или поблизости главных транспортных развязок, в максимально безопасных с точки зрения экологии местах.

Эта категория застройки очень выгодна для застройщика, поскольку первые этажи, часто используемые как технические помещения, имеют большую коммерческую ценность и приносят большую прибыль. Факт того, что основную долю электроэнергии и отопления в микрорайоне потребляют коммерческие компании, позволяет устанавливать более низкие тарифы на коммунальные услуги и снижать тарифы для рядовых жильцов.

Наличие развитой торгово-развлекательной зоны внутри МФЖ позволяет жильцам практически не покидать границы комплекса. Имея все общественные удобства в шаговой доступности, жильцы могут проводить досуг и удовлетворять основные потребности без выезда в город, экономя тем самым время на дорогу, пробки и т. д. Но и близость центра и транспортной развязки также способствует привлекательности комплекса.

В целом ценовой уровень проживания в МФК достаточно высокий, поскольку цены на квартиры и коммерческие помещения внутри выше, чем за его пределами. Но заявленные привилегии и удобства проживания в современных МФК не выполняются в полной мере. Так, преобладание на придомовой территории коммерческой недвижимости не позволяет осуществить создание парка или большой детской площадки, а реальная территория внутри не отличается от типичного городского пейзажа.

Нередко нарушение планировочных нормативов по удаленности квартир от развлекательных заведений, их обилие и создаваемый шум доставляют неудобства жителям, которые подают жалобы в органы городской администрации.

Рассмотренные плюсы и минусы новых типов застройки современных городов показывают, что программы комплексного освоения территории и действующая жилищная политика не обеспечивают всецело формирования комфортной среды проживания и жизнедеятельности населения. Декларируемый во всех стратегических и плановых документах градостроительной политики комплексный подход к решению территориальных проблем страны не реализуется полностью.

Восприятие жителями качества городского пространства в новых жилищных комплексах Санкт-Петербурга

Несмотря на популярность современной застройки, внедрение КОТ и рекламируемую привлекательность жилищных комплексов, нередко жители отмечают несоответствие реального состояния территории и заявленного при продаже уровня благоустроенности и комфортности проживания. По этим показателям территории ЖК объективно не отвечают как рекламируемым стандартам в отношении архитектурно-ландшафтной организации малых городских пространств (дворов, сквериков, пешеходных и общественных зон и т. д.), так и уровню социализации пространственной среды города, т. е. насыщению городских пространств элементами благоустройства, озеленения, обслуживания и дизайна. Сильное влияние на качество восприятия жизненного пространства оказывает размещение и дизайн малых архитектурных форм: остановок общественного транспорта, автозаправочных станций, мини-рынков, наружной рекламы, городской мебели, элементов озеленения и благоустройства и т. д. (Вяткина 2012).

Благоустроенность и комфортность являются оценочными категориями, определяемыми не только объективными, но и субъективными характеристиками отношения человека к объективному и/или субъективному эталону имеющихся у него потребностей и представлений об уровне жизни и качестве городской среды. Оценка комфортности и благоустроенности территории для индивида идет через поиск наиболее успешных способов обустройства жизненного пространства и эффективных адаптационных стратегий в общем городском социально-экономическом пространстве. Если субъективные оценки качества жизни и качества городской среды свидетельствуют о степени комфортности проживания человека в данном социуме, то объективные оценки выступают результатом эффективности деятельности органов власти в сфере социально-экономического управ-

ления (Кузьмин, Юсин 2011; Максимчук, Першина 2014).

В этом контексте новое смысловое значение приобретают мягкие показатели, отражающие субъективные оценки восприятия горожанами конкретного места проживания и степень удовлетворенности качеством жизненных благ, предоставляемых городом своим гражданам. Изучение отношений горожан к конфликтным городским ситуациям, влияющим на повседневную жизнь, позволяют выявить конкретные проблематичные точки, требующие внимания управленцев (Борьба за 2020).

Значительной частью градостроительной политики любого города является освоение депрессивных территорий, на которых возводятся новые жилищные комплексы, включая учреждения городской инфраструктуры со всеми коммуникациями, транспортными развязками, жилой застройкой, культурно-развлекательными и креативными зонами. В соответствии с рекламными сайтами эти территории обустроиваются по европейским стандартам и предоставляют жителям «все условия для комфортного проживания европейского среднего класса» с целью развития в городе благоустроенных территорий, повышающих индекс его привлекательности и высокие места в рейтингах по уровню комфортности проживания в них.

Однако, как показывают исследования, по состоянию среды проживания эти районы не в полной мере отвечают заявленным стандартам как в отношении благоустройства придомовой территории, так по уровню озеленения, обслуживания и дизайна. Степень соответствия предлагаемых девелоперами условий проживания в ЖК против ожидаемого жителями уровня благоустройства и предоставляемых услуг, меру участия городской администрации в разрешении конфликтных ситуаций между жителями и застройщиками, процесс самоорганизации и возникновения групп низовой активности мы рассмотрели на эмпирических материалах обследования конкретного жилого комплекса комфорт-класса «Балтийская жемчужина».

Включение в дискуссию о концептуальных подходах в исследовании самоорганизации и низовой локальной активности горожан

Свое представление о самоорганизации и стратегиях формирования групп активистов на отдельных территориях мы, в первую очередь, связываем с работами классиков социологии города А. Лефевром, Д. Харви, Д. Митчеллом (Lefebvre 1996; Харви 2008; Mitchell 2003). В них они развили идею возможности горожан реализовать «свое право на город», т.е. активно участвовать в городской политике благоустройства и управлении. В исследовании городского гражданства эти изыскания были продолжены М. Гарсией (Garcia 2006),

Т. Блокландом и другими (Blokland, Hentschel, Holm, Lebuhn, Margalit 2015), в которых они показали, что активистская деятельность горожан напрямую обусловлена их социальной позицией и уровнем городского управления. Значимыми для анализа российского активизма в жилищной сфере оказываются исследования участия горожан в решении вопросов организации комфортной среды жизнеобитания (Rosol 2010; Anjaria 2009); сбалансированного функционирования социальных групп и общественных пространств (Smith, Williams 2007; Lees, Ferreri 2016); жилищной политики и режимов городской собственности (Weinstein, Ren 2009; Shin 2013).

Осмысление концепций отстаивания «права на город» и использование этих знаний инструментально в российском контексте также предпринимались многими отечественными исследователями (Антонова, Абрамова, Полякова 2020).

В логике «неолиберального урбанизма» капитализации городских пространств коллективная деятельность, как участие горожан в управлении городской средой и их инициативное противостояние интересам стейкхолдеров, интенсивно изучается многими российскими урбанистами (Желниной 2019; Тыкановой и Хохловой 2014, 2018; Чернышевой 2019; Ермишиной и Клименко 2020 и др.). Их позиции мы рассмотрим более подробно далее и дополним результатами анализа собственных эмпирических данных.

Необходимым условием современного уровня коллективной деятельности городских сообществ является широкомасштабное внедрение цифровых технологий и социальных сетей в повседневную жизнь горожан. Оно оказалось инструментом для осуществления гражданской солидарности в конфликтных ситуациях (Miller, Costa, Haynes, McDonald, Nicolescu, Sinanan 2016). Российские исследователи низовой инициативной деятельности горожан также отмечают значимость создания соседских повседневных коммуникаций в локальных социальных сетях (Чернышева, Гизатуллина 2021).

Эвристический потенциал рассмотренных концепций изучения самоорганизации и низовой локальной активности горожан, а также возможность их применения в разных социальных контекстах позволил нам представить способы мобилизации российских групп активистов и выработку ими различных стратегий сплоченности в решении вопросов комфортности своего проживания.

Результаты эмпирического исследования

ЖК «Балтийская жемчужина» расположен в Южно-Приморской части СПб, микрорайон занимает площадь в 205 га. ЖК входит в число проектов КОТ с объемами строительства от 100 тыс. кв. м до 1 млн кв. м жилья. В пригородной зоне

Санкт-Петербурга есть проекты более масштабные. В освоении «Балтийской жемчужины», как комплекса миллионника, участвует несколько застройщиков – «Северная долина» и «Юнтолово» от компании «Главстрой-СПб».

По заявлениям рекламного сайта, «микрорайон развивается в лучших европейских традициях качественной жилой среды: здесь невысокая плотность населения, прекрасная транспортная доступность, развитая социальная инфраструктура и одни из лучших в городе экологические показатели. «Балтийская жемчужина» – на сегодняшний день самый передовой пример комплексного развития территории комфорт-класса в Петербурге» (Сайт «БЖ» 2020).

Строительство комплекса началось 13 лет назад, как амбициозный инвестиционный проект Китая в России, который предлагал не только строительство домов высокого класса, но и создание уникального пространства для комфортной жизни на берегу Финского залива. По ценовым показателям стоимость квартир в этой локации сравнима с новостройками Приморского и Московского районов (в ней встречаются предложения от 3,3 до 14,6 млн рублей за квартиру с ценами за квадратный метр от 105 до 143 тыс. рублей. При этом она оказалась самым дорогим кварталом на Юго-Западе. Цена за квадратный метр на проспекте Героев, к примеру, начинается от 87 тыс. рублей, а в районе улиц Тамбасова и Чекистов – от 64 тысяч).

Так как это проект КОТ, возведение объектов инфраструктуры, благоустройство дворов и укрепление набережных, строительство дорог и мостов являлось неотъемлемой частью этого грандиозного проекта и обязанностью застройщиков. Освоение данной территории должно повысить престиж некогда депрессивного Красносельского района в несколько раз (Россия 2020).

В результате уличного экспресс-интервьюирования жителей микрорайона были сделаны следующие наблюдения (эмпирические данные собраны в рамках проекта «Факторы формирования и развития новых жилых кварталов», выполненного под руководством Е.В. Тыкановой, на базе Лаборатории социологии науки и образования НИУ «ВШЭ» в СПб) и подкреплены анализом информации с сайта ЖК), которые позволили оценить удовлетворенность жителей микрорайона степенью комфортности окружающей среды и уровнем предоставляемых услуг, их отношение к администрации района и города.

Одной из наиболее привлекательных характеристик для жителей является географическое расположение микрорайона, который развивается как приморская территория и включает три канала: Безымянный, Матисов и Дудергофский. Планировалось берега каналов благоустроить набережными и пляжами, променадом до залива (по

информации в соцсети, «застройщик отказался строить набережную променада, хотя имел подряд от городских властей» (М. 35 л.)). Район удобен для автомобильного транспорта, т.к. находится в получасе езды до исторического центра города, в четверти часа до въездов на КАД, ЗСД, Таллинское и Пулковское шоссе. Рядом с комплексом открыт новый мост, обеспечивающий кратчайший выезд на Ленинский проспект.

Все это, безусловно, повышает степень привлекательности микрорайона. И было вполне ожидаемо, что многие жители в целом положительно оценивают степень благоустроенности окружающей территории. При этом большинство опрошенных воспринимает свой район как «спальный», поскольку в своей оценке комфортности социальной среды они обращаются к советскому времени, когда сфера услуг таких районов долгое время оставалась неудовлетворительной. Но надеются, что эти трудности временные.

«Ну, мне не нравится то, что детский сад пока один только, поликлиники рядом нету. Я понимаю, что район новый, развивается, наверное, в будущем это всё будет» (Ж. 25 л.).

«В основной массе все есть, ну, начнем с детских садов и школ, нереально попасть, а так в остальном все есть, транспорт разовьют, дороги откроют» (М. 40 л.).

«Все хорошо, все есть, удобно, транспорт близко. Да, только строится пока, сложно сказать, что все адекватно, всего хватает» (М. 30 л.).

Следует отметить, что удовлетворенные жители чаще отвечают однозначно и коротко. Нередко ссылаются на то, что это им «несильно важно», поскольку основное время они проводят в городе на работе, а сюда возвращаются только вечером. Если люди настроены критически, то это целый комплекс претензий, часто достаточно эмоционально окрашенный. Как правило, это люди, которые много времени проводят дома, имеют детей, лучше знают злободневные проблемы района. Вполне традиционно для нашего города, что в качестве самого сильного негатива в развитии инфраструктуры микрорайона оказались трудности с получением мест в детском саду или школе. Сюда же включается и недовольство по поводу нехватки медицинских учреждений, недостаточного количества специалистов.

Как заявлено на сайте строительной компании, в районе две школы и четыре детских сада, детская и взрослая больницы и две поликлиники. Несколько коммерческих медицинских центров и два частных детских сада. Этого явно недостаточно.

«В принципе для нового района (инфраструктура) развита неплохо. Но вот проблема детских садиков стоит остро в районе...они есть, но попасть в них очень тяжело, очень тяжело, почти нереально» (М. 40 л.).

«Лучше социальную инфраструктуру улучшить. Тут два садика, в которые попасть нереально. Там очереди километровые. Школа уже переполнена, еще бы школу, конечно, сюда. Больницы, опять же, поликлиник. Своего будем отдавать либо в частный детский сад, либо возить, но не в этом районе, а куда-то дальше» (М. 35 л.).

«Я думаю, что надо срочно решать с учреждениями, тех же детей, ту же прививку сделать, а так приходится все в платную идти. Обещали, конечно, много тут и по устройству, но до сих пор я, конечно, не знаю, встанет ли вопрос уже с детскими садами, а с медицинскими так это вообще кошмар. Больниц вообще нет, вот детская принимает еще, а остальным по каким-то деревням дают талоны по Всеволожскому району. Непонятный статус района, вроде бы и Питер, вон он, 100 метров, а так непонятно, обещали тут и метро, а все пока лапшу вешают» (Ж. 55 л.).

«Определенно не хватает больницы и большого супермаркета. Надоело таскаться в «АШАН» и стоять там в больших очередях. А с больницей отдельная история: чтобы пройти ребенку медосмотр врачей, надо ехать во Всеволожск! Представляете, как это далеко? Поэтому больница нужна точно» (Ж. 35 л.).

«Не устраивает, потому что школ нет. Люди сутками стоят, чтобы записаться в одну школу, это вообще беспорядок. Столько построили домов, а детям приходится ехать куда-то на метро в школу. Жалко их и родителей» (Ж. 50 л.).

К обычным неудобствам окраинных территорий жители относят и нехватку учреждений сферы бытовых услуг. Требуется еще филиал Сбербанка с банкоматом, отделение почты и несколько отделов полиции. Безопасность и криминальная ситуация в районе часто обсуждается в соцсетях, ее состояние оценивается так же неудовлетворительно.

«Устраивает. Все нужное есть. Не хватает, как я говорила, почты и банка» (Ж. 25 л.).

«...инфраструктура района развита очень слабо, дороги плохие, магазинов нет и мест для проведения досуга тоже очень мало, о чем уж тут говорить, у нас даже банкомата поблизости нет» (М. 43 г.).

Во всех микрорайонах новостроек, как и города в целом, самая насущная проблема – это дороги, пробки и парковки. В микрорайоне есть платные паркинги, но жители оставляют машины около дома. С альтернативным транспортом в районе неважно. Общественного и коммерческого транспорта не хватает. Большие надежды на улучшение общественного транспорта связывают с открытием станций метро (пуск Красносельско-Калининской линии был запланирован сначала к 2018 г., затем к 2027 г. Сейчас есть сообщения, что это может продлиться и до 2032 г.).

«Школ и детских садов. Торгового центра с кинотеатром. Мало социального транспорта. А так все есть. Зелени мало. Пекарни в каждом доме. Хочется как можно больше деревьев. Дорог тоже мало. На данный момент лишь один выезд из района» (М. 25 л.).

«Транспорта явно не хватает из-за «Ласточкиного гнезда» (Соседний ЖК), считается район убогим из-за нехватки магазинов и недостроенного детского сада. Автобусы ходят плохо. Также проблемой считаются узкие дороги и их плохое качество» (Ж. 60 л.).

«Инфраструктура здесь уже развивается, но мало детских садов, школ, здесь уже плохо сейчас с парковкой. В принципе, проблемы с дорогами – пробки возникают очень сильные, и утром не выехать» (Ж. 27 л.).

«Автобусам места мало. У «Прогресса» вообще на дороге высаживают» (М. 25 л.).

«Инфраструктура удовлетворительная, но не хорошо, что один перекресток на выезде из ЖК» (М. 40 л.).

«С дорогами здесь беда. Ну, говорят, что в следующем году все сделают» (М. 25 л.).

«...инфраструктуру считаю недостаточно развитой, не хватает гипермаркетов типа «Ленты», кинотеатра, больницы, почты, детского сада, который обещали построить, но все никак. Не устраивает транспортная доступность и качество дорог. На мосту по дороге к ЖК часто оставляют машины, что затрудняет проезд» (Ж. 50 л.).

«Нет детского садика, и это большой минус. А ещё скамеек мало, но нам их обещали. Магазинов сейчас достаточно, но полгода назад была только «Пятёрочка». Такси здесь дешёвое ещё. Ну и с машинами проблема – их тут куча во дворе стоит, а всё потому, что паркинг платный» (Ж. 30 л.).

Достаточно острой проблемой является ограниченность мест проведения досуга, нехватка услуг дополнительного образования для детей и, прежде всего, муниципальных. Об этом говорят люди всех поколений.

«В районе нечего делать для развлечений молодым людям, и здесь в большинстве своём какие-то торговые супермаркеты, комплексы» (Ж. 25 л.).

«На территории района нет ни кинотеатров, ни торговых комплексов, ни бассейнов, ни спортивных клубов. Помимо развлечений, в районе не хватает школ. Надеемся, что инфраструктура в скором времени улучшится» (Ж. 55 л.).

«Нет, конечно, инфраструктура меня не устраивает, нужно бы, конечно, спортивных площадок и залов побольше для молодежи, ну и, конечно, для людей постарше хотелось бы место, куда сходить можно, торговый центр какой-нибудь. Тут даже тротуаров-то нет, ходить сильно некуда, детям особенно, одни машины кругом» (Ж. 60 л.).

Несмотря на то, что район рекламируется как озелененный и благоустроенный, много нареканий вызывает недостаток деревьев и зелени, мало удобных и красивых детских площадок, спортивных сооружений, скамеек, узкие тротуары. Высокая загруженность автотранспортом снижает ощущение комфортности и ухоженности дворов.

«Ну, так, ремонта тут не хватает (смеется). Мне, как маме, конечно, не хватает дорожек нормальных, тротуаров, потому что с колясками неудобно ездить, особенно вечером, когда машинами все заставляют. Думаю, еще для детей, особенно малышей, не хватает площадок, хотя тут и построили с покрытием поле футбольное хорошее, но это для ребят побольше» (Ж. 30 л.).

«Да устраивает все, в принципе. Насчет транспорта не знаю, маршрутками и автобусами здесь я почти не пользуюсь, сразу в метро прыгаю чаще всего. Единственное, что зелени не хватает и облагороженных территорий, но, я думаю, лет за 5 это все появится, все потихоньку делается. Ну и парковок маловато, во дворах всё в машинах, было бы здорово, если бы пару бесплатных парковок сделали за пределами ЖК» (Ж. 29 л.).

«Здесь есть много супермаркетов, кафе, пекарен, парикмахерских. Но вот не хватает кинотеатра, полноценного торгового центра с магазинами одежды, нормального продуктового гипермаркета, например, «Ленты», в шаговой доступности. А самое главное – не хватает детских садов и школ, чем дурно славится наш район» (Ж. 25 л.).

«В плане развлечений здесь, конечно, не все устраивает. Их тут минимум. Есть какие-то пиццы, кафе, но активного досуга не хватает, и спортивного комплекса тоже нет. В школе что-то есть, но я против, чтобы взрослые туда ходили» (М. 40 л.).

«В принципе да. Всё есть, но очень скромное. Больше озеленения хочется, парковок» (Ж. 60 л.).

Отсутствие привлекательных мест отдыха и досуга вынуждает жителей микрорайона ездить в выходные дни в Центр города. Это еще раз свидетельствует об отношении горожан к месту проживания как «спальному» району.

«Не сильно устраивает инфраструктура во круг, и ... с семьёй предпочитаем куда-либо выезжать на выходные. ... стройка еще не закончена, поэтому это место нельзя назвать пригодным для развлечений» (Ж. 30 л.).

«С друзьями где-нибудь в кафе, кино, барах. В основном проводим время в центре. Ну, или в гости ходим. Или друзья к нам» (Ж. 35 л.).

«Да, мне всего хватает, тут даже “Буше” открыли, прям, сразу частью города стали. Тут открылись локальные пивнушки и бары, но я туда не хожу. Там слишком много знакомых, а приятнее в центре гулять в образе весёлого анонима и заходить в любые бары» (Ж. 25 л.).

Самой развитой остается сфера торговли. А самым распространенным ее плюсом – количество продуктовых магазинов в пешей доступности.

«Инфраструктура хорошая, магазинов достаточно, пешая доступность – большой плюс» (Ж. 30 л.).

«Инфраструктура вполне устраивает: магазины есть, все в пешей доступности» (М. 65 л.).

«Инфраструктура вполне устраивает, есть «ощущение города»: магазины есть, все в пешей доступности» (Ж. 60 л.).

Однако и в этой сфере замечаются определенные перекосы – больше всего продуктовых магазинов, пекарен. Явно не хватает специализированных магазинов строительных товаров, одежды, косметики. Более практичными остаются сетевые супермаркеты («Ашан», «Лента», «Мега»). В них ездят специально на машинах «закупаться».

Торговый центр становится основной точкой притяжения. Его многофункциональность позволяет удовлетворять потребности не только в покупках, но и в досуге. Зная уровень развлекательных программ ТЦ по другим исследованиям, можно судить о достаточно скромных притязаниях жителей микрорайона. Интересно, что никто не упомянул про наличие книжных магазинов, библиотек, газетных киосков. (Как замечают некоторые урбанисты, развитие городских территорий происходит в большей степени за счет инвестиций в коммерческую (ритейл, офисные центры, складские комплексы) и жилую недвижимость. Значительные территории заняты офисами и крупными торговыми центрами. Характерная для них стеклянная и ангарная архитектура выглядит современной и функциональной, но обедняет окружающую среду. Предоставляемый выбор товаров оставляет для креативной деятельности (коммуникации и самовыражения человека) практически единственную форму – потребление. Отданное на откуп бизнесу, развитие территорий привело к сокращению публичных пространств – мест, организованных под проявления индивидуальности, обмен идеями, любую свободную коммуникацию людей, кроме «шопинга» (Сиротина 2012).)

«Здесь вообще одно из лучших мест для проведения досуга с детьми. Здесь есть МЕГА, это решает много вопросов, куда пойти там в плохую погоду или когда не хочется ничего сильно организовывать» (Ж. 34 г.).

«Хотелось бы побольше всего, тут в основном продуктовые и все. В «Меге» все есть, довольно часто приходится ездить» (Ж. 27 л.).

«В принципе да. Всё есть, но очень скромное. Больше озеленения хочется, (организованных) парковок» (Ж. 60 л.).

Несмотря на то, что ЖК «Балтийская жемчужина» относится к кварталам комфорт-класса и один из самых дорогих на Юго-Западе, за тринадцать

лет своего существования он так и не стал современным благоустроенным и отвечающим европейским стандартам микрорайоном. Растущее социальное напряжение и солидаризация жителей спровоцировали объединение действий активистов и коллективное обращение к В.В. Путину, в котором граждане потребовали срочного решения их злободневных нужд, жаловались на то, что не могут построить диалог ни с компанией застройщика, ни с администрацией города (Обращение к Президенту РФ Владимиру Путину, размещенное на электронном ресурсе [Baltic.today](https://nsp.ru/6876-iz-zemcuziny-putinu). URL: <https://nsp.ru/6876-iz-zemcuziny-putinu>).

В процессе подготовки коллективной петиции группой активистов была сформулирована не только локальная инициатива жителей микрорайона, объединившая соседей по дому, двору и жилому комплексу для участия в управлении сферой услуг, но и определен запрос по отстаиванию права горожан на ожидаемые условия жизни на территории проживания (Желнина, Тыканова 2019, с. 164).

Еще одним символом времени стало и то, что самоорганизация по улучшению жилой среды оказалась практически возможной на базе социальных медиа в ЖК и высокой онлайн-активности жителей. Сайт ЖК был организован активными жителями для обсуждения актуальных проблем микрорайона и информирования о его событиях. Он формирует общество местных активистов, не только обновляющих информацию, но занимающихся правовой просветительской деятельностью и осуществляющих различную поддержку в решении бытовых трудностей. Даже пассивно дискутируя о проблемах микрорайона, жители косвенно участвуют в его управлении, они проявляют признаки самоорганизации и коллективного взаимодействия (Чернышева 2019). Благодаря деятельности активистов в ЖК «Балтийская жемчужина» недовольство жителей качеством общественных благ завершилось созданием обращения к Президенту. Единственно наглядным результатом этого обращения стало открытие в микрорайоне отдела полиции, но, как сожалеют горожане, и то только одного.

Особую озабоченность жителей «Балтийской жемчужины» вызывает и то, что, несмотря на инфраструктурные изъяны, продолжается интенсивное строительство таких же масштабных комплексов, которые постоянно вводят в строй новые жилые корпуса (масштабы социального напряжения усиливаются тем, что на данной территории возводятся еще несколько ЖК – «Жемчужная премьера», «Жемчужная симфония», Duderhof Club, «Жемчужный фрегат», More и «Линкор», в которых заселено 12 790 квартир. В стадии строительства ЖК «Жемчужный берег» и «Legenda Героев», в которых планируется заселение еще 1524

квартир). Это, несомненно, усиливает нагрузку на сферу услуг и степень социального напряжения не только в настоящее время, но и в будущем.

Как показывают тематически близкие исследования, проблемы жителей данного микрорайона не уникальны и демонстрируют просчеты застройщиков в реализации градостроительных программ и плановых нормативах городов и страны. Они еще более критичны в эконом-районах с массовыми новостройками в пригородах, таких как Шустары, Кудрово, Мурино, и относящихся по числу жителей, как и «Балтийская жемчужина», к миллионникам Бугры, Сертолово, Янино и др., которые императивно рассматриваются девелоперами и администрацией города как перспективные для реализации проектов КОТ и дальнейшего освоения.

Заключение

В заключении следует констатировать, что градостроительная индустрия по всем показателям является приоритетной отраслью. А территории комплексного освоения составляют 28 % жилого фонда страны. Несмотря на то, что потребности жителей современных городов соответствуют европейским стандартам, в жилищном строительстве сохраняются нормативы и стандарты советского времени лишь с незначительными изменениями и по сей день воспроизводится советский типовой микрорайон (Индекс 2020).

Как и в советский период, окраинные новостройки воспринимаются жителями как «спальные» районы, а жилые кварталы, хоть и считаются кварталами с улучшенной планировкой, все равно представляют собой массовое жилье со всеми вытекающими последствиями.

Совокупность инфраструктурных проблем, таких как доступ к социальным сервисам и общественному транспорту, техническое обслуживание домов, обеспечение социального и физического порядка, благоустройство территорий и пр., с которыми приходится справляться самостоятельно жителям масштабных ЖК, вызывает высокую степень социального напряжения, провоцируют к самоорганизации жителей микрорайона и созданию локальной организации местных активистов. Как показывает пример обследованного ЖК и многих других, энергичные люди способны на локальном уровне объединить соседей для принятия коллективных решений, а в ряде случаев и действий (Тыканова, Тенишева 2020). Проблемы жилищной обеспеченности большинства жителей мегаполисов, уровня комфортности и благоустройства проживания остаются крайне актуальными.

Однотипный набор требований жителей жилищных комплексов в разных частях города, отражающий неудовлетворенность качеством получаемых услуг в сравнении с тем, что декларируется при покупке жилья, позволяет утверждать, что

целостный подход в градостроительной политике не реализуется в полном объеме. А слабость консенсуса при принятии градостроительных решений между администрацией города, представителями бизнеса и горожанами не достигает того уровня, на котором институтами гражданского общества решаются эти проблемы.

Библиографический список

- Anjaria, J.S. (2009), *Guardians of the Bourgeois City: Citizenship, Public Space, and Middle-Class Activism in Mumbai*, *City & Community*, no. 8(4), pp. 391–406.
- Blokland, T., Hentschel, C., Holm, A., Lebuhn, H., Margalit, T. (2015), *Urban citizenship and right to the city: the fragmentation of claims*, *International Journal of Urban and Regional Research*, no. 39(4), pp. 655–665.
- Blokland, T. (2017), *Community as urban practice*, Polity Press, Oxford, UK.
- Garcia, M. (2006), *Citizenship practices and urban governance in European cities*, *Urban Studies*, no. 43(4), pp. 745–765.
- Lefebvre, H. (1996), *Writings on cities*, Blackwell, M.A., Cambridge, UK.
- Lees, L. and Ferreri, M. (2016), *Resisting gentrification on its final frontiers: Learning from the Heygate Estate in London (1974–2013)*, *Cities*, no. 57, pp. 14–24.
- Miller, D., Costa, E., Haynes, N., McDonald, T., Nicolescu, R., Sinanan, J., Wang, X. (2016), *How the world changed social media*, vol. 1, UCL press, London, UK.
- Mitchell, D. (2003), *The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space*, London: The Guilford Press, New York, USA.
- Rosol, M. (2010), *Public participation in post-Fordist urban green space governance: The case of community gardens in Berlin*, *International Journal of Urban and Regional Research*, no. 34(3), pp. 548–563.
- Shin, H.B. (2013), *The right to the city and critical reflections on China's property rights activism*, *Antipode*, no. 45(5), pp. 1167–1189.
- Weinstein, L. and Ren, X. (2009), *The changing right to the city: Urban renewal and housing rights in globalizing Shanghai and Mumbai*, *City & Community*, no. 8(4), pp. 407–432.
- Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Полякова В.В. *Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3(157). С. 443–461.
- Борьба за горожанина: Человеческий потенциал и городская среда. 2020. URL: <https://mosurbanforum.ru/upload/iblock/4bd/4bd93c8685d59b151587cec777f6e23f.pdf> (дата обращения: 12.10.2021).
- Вяткина Б.М. *Целевая реабилитация как средство управления городской средой // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. 2012. № 1. С. 86–95.
- Ермишина А.В., Клименко Л.В. *В поисках эффективных собственников в многоквартирном доме // Экономическая социология*. 2010. № 11(4). С. 105–135.
- Желнина А.А., Тыканова Е.В. *Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. №22(1). С. 162–192. DOI: <http://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>.
- Зарецкий Ю. *Исследование рынка редевелопмента промышленных территорий в Санкт-Петербурге* Выступление на XI Конференции профессионалов рынка недвижимости. 2020. URL: spb.ru/analitika/redevelopment_v_peterburge_kak (дата обращения: 12.10.2021).
- Ильина И.Н. *Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований // Имущественные отношения в РФ*. 2015. № 5. С. 1–14.
- Индекс городов 2020. URL: <https://xn--d1achkmla.xn--d1aqf.xn--plai/about> (дата обращения: 12.10.2021).
- Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Пузанов А.С., Ясин Е.Г. *Новая жилищная стратегия*. 2015. URL: <http://docplayer.ru/27603388-Novaya-zhilishchnaya-strategiya-n-b-kosareva-t-d-polidi-a-s-puzanov-e-g-yasin.html> (дата обращения: 12.10.2021).
- Котов А.И. *Качество городской среды как экономическая категория инновационной экономики // Экономика и управление*. 2020. № 1. С. 4–8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22781123> (дата обращения: 12.10.2021).
- Кузьмин А.В., Юсин Г.С. *Качество жизни и качество пространственной среды. Социальные стандарты и нормативы в градостроительстве, архитектуре, строительстве // Градостроительство*. 2011. № 4. С. 16–19.
- Максимчук О.В., Першина Т. А. *Оценка уровня и качества жизни горожан с позиций комфортности проживания в современном городе (на примере крупных городов ЮФО) // Социология города*. 2014. № 2. С. 33–55.
- МАФ. *Что это такое?* URL: <https://reklam.ru/news/maf-cto-eto-takoe>. 2019. 10 июля. (дата обращения: 12.10.2021).
- МФК. *Что такое многофункциональный комплекс (2020)*. URL: <https://flatco.ru/publikaczii/cto-takoe-mnogofunkczionalnyj-zhiloj-kompleks.html> (дата обращения: 12.10.2021).
- Новостройкер (2019).02.05. URL: <https://novostroyker.ru/blog/podborki/cto-takoe-zhiloj-kompleks> (дата обращения: 12.10.2021).
- Обращение к Президенту РФ Владимиру Путину,

размещенное на электронном ресурсе Baltic. today 2 марта. (2018). URL: <https://nsp.ru/6876-iz-zemcuziny-putinu> (дата обращения: 12.10.2021).

Редевелопмент серого пояса – итоги 2019. Отчет компании M2 Маркетинг. 18 марта 2020. URL: <https://pronovostroy.ru/news/11712745-redevelopment-serogo-poiasa-sankt-peterburga-itogi-2019-goda/> (дата обращения: 12.10.2021).

Россия входит в зону турбулентности. URL: <http://baltic.today/2018/01/27/zhiteli-baltijskoj-zhemchuzhiny-sostavili-kollektivnoe-pismo-prezidentu-putinu-s-opisaniem-problem-mikrorajona/> (дата обращения: 12.10.2021).

Сайт «Балтийская жемчужина». URL: <https://clck.ru/S2N4D> (дата обращения: 08.12.2020).

Семченко Е. Проекты КОТ: плюсы и минусы // BN газета. Недвижимость Санкт-Петербурга. 30.04.2015. URL: <https://www.bn.ru/gazeta/articles/217667> (дата обращения: 12.10.2021).

Сиротина И.Л. Пространства современного города. Город и время // Интернациональный научный альманах «Life sciences». Самарский государственный медицинский университет. Российско-немецкое объединение культурологов «Stadt-Land-Globalia», 2021. Т. II. С. 107–114.

Тыканова Е.В., Тенишева К.А. В плену «эффекта соседства»: социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 7–35. DOI: <http://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.1>.

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Глава 5. Социальные конфигурации городских локальных сообществ / Еремичева Г.В. (ред.). Социальное пространство большого города. Санкт Петербург: СИ РАН – ФНИСЦ РАН, 2018. С. 90–109.

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случаев сноса гаражей в Санкт-Петербурге) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 17(5). С. 109–125.

Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3. С. 80–94.

Чернышева Л.А. Российские гетто: воображаемая маргинальность новых жилых районов // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 2. С. 37–58.

Чернышева Л.А. Онлайн и офлайн конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 2. № 23. С. 36–66.

Чернышева Л., Гизатуллина Э. Русские сезоны: «тротуарный балет» на новых городских улицах в эпоху цифровых медиа. Сети города: Люди. Технологии. Власти / под ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. Москва: Новое литературное обозрение. 2021. С. 257–284.

References

Anjaria, J.S. (2009), Guardians of the Bourgeois City: Citizenship, Public Space, and Middle-Class Activism in Mumbai, *City & Community*, no. 8(4), pp. 391–406.

Blokland, T., Hentschel, C., Holm, A., Lebuhn, H., Margalit, T. (2015), Urban citizenship and right to the city: the fragmentation of claims, *International Journal of Urban and Regional Research*, no. 39(4), pp. 655–665.

Blokland, T. (2017), Community as urban practice, Polity Press, Oxford, UK.

Garcia, M. (2006), Citizenship practices and urban governance in European cities, *Urban Studies*, no. 43(4), pp. 745–765.

Lefebvre, H. (1996), *Writings on cities*, Blackwell, M.A., Cambridge, UK.

Lees, L. and Ferreri, M. (2016), Resisting gentrification on its final frontiers: Learning from the Heygate Estate in London (1974–2013), *Cities*, no. 57, pp. 14–24.

Miller, D., Costa, E., Haynes, N., McDonald, T., Nicolescu, R., Sinanan, J., Wang, X. (2016), *How the world changed social media*, vol. 1, UCL press, London, UK.

Mitchell, D. (2003), *The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space*, The Guilford Press, New York, London.

Rosol, M. (2010), Public participation in post-Fordist urban green space governance: The case of community gardens in Berlin, *International Journal of Urban and Regional Research*, no. 34 (3), pp. 548–563.

Shin, H.B. (2013), The right to the city and critical reflections on China's property rights activism, *Anti-pode*, no. 45(5), pp. 1167–1189.

Weinstein, L. and Ren, X. (2009), The changing right to the city: Urban renewal and housing rights in globalizing Shanghai and Mumbai, *City & Community*, no. 8 (4), pp. 407–432.

Antonova, N.L., Abramova, S.B. and Polyakova, V.V. (2020), Pravo na gorod: povsednevnyye praktiki molodezhi i partisipatsiya v proizvodstve gorodskogo prostranstva, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, no. 3(157), pp. 443–461.

Bor'ba za gorozhanina: Chelovecheskiy potentsial i gorodskaya sreda (2020), [Online], available at: <https://mosurbanforum.ru/upload/iblock/4bd/4bd-93c8685d59b151587cec777f6e23f.pdf> (Accessed 12 October 2021).

Chernysheva, L.A. (2019), Rossiyskiye getto: voobrazhayemaya marginal'nost' novykh zhilykh rayonov, *Gorodskiyе issledovaniya i praktiki*, vol.4, no. 2, pp. 37–58.

Chernysheva, L.A. (2020), Onlayn i oflayn konflikty vokrug gorodskoy sovместности: zabota o

gorodskom prostranstve na territorii bol'shogo zhilogo kompleksa, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 2, no. 23, pp. 36–66.

Chernysheva, L. and Gizatullina, E. (2021), Russkiye sezony: «trotuarnyy balet» na novykh gorodskikh ulitsakh v epokhu tsifrovyykh media, *Seti goroda: Lyudi, Tekhnologii. Vlasti*, Ye. Lapinoy-Kratasyuk, O. Zaporozhets, A. Voz'yanova (ed.), *Novoye literaturnoye obozreniy*, Moscow, pp. 257–284

Harvi, D. (2008), Pravo na gorod, *Logos*, no. 3, pp. 80–94.

Il'ina, I.N. (2015), Kachestvo gorodskoy sredy kak faktor ustoychivogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy, *Imushchestvennyye otnosheniya v RF*, no. 5, pp. 1–14.

Indeks gorodov (2020), [Online], available at: <https://xn--d1achkmla.xn--d1aqf.xn--plai/about>, (Accessed 12 October 2021).

Yermishina, A.V. and Klimenko, L.V. (2010), V poiskakh effektivnykh sobstvennikov v mnogokvartirnom dome, *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, no. 11(4), pp. 105–135.

Kosareva, T.D. Polidi, A.S. Puzanov, Yasin, Ye.G. (2015), *Novaya zhilishchnaya strategiya*, [Online], available at: <http://docplayer.ru/27603388-Novaya-zhilishchnaya-strategiya-n-b-kosareva-t-d-polidi-a-s-puzanov-e-g-yasin.html> (Accessed 12 October 2021).

Kotov, A.I. (2020), Kachestvo gorodskoy sredy kak ekonomicheskaya kategoriya innovatsionnoy ekonomiki, *Ekonomika i upravleniye*, no. 1, pp. 4–8, [Online], available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22781123> (Accessed 12 October 2021).

Kuz'min, A.V. and Yusin, G.S. (2011), Kachestvo zhizni i kachestvo prostranstvennoy sredy sotsial'nyye standarty i normativy v gradostroitel'stve, arkhitekture, stroitel'stve, *Gradostroitel'stvo*, no. 4, pp. 16–19.

MAF, Chto eto takoye? (2019), [Online], available at: <https://reklam.ru/news/maf-chto-eto-takoe>. 2019 10 iyulya (Accessed 12 October 2021).

Maksimchuk, O.V. and Pershina, T.A. (2014), Otsenka urovnya i kachestva zhizni gorozhan s pozitivnyy komfortnosti prozhivaniya v sovremennom gorode (na primere krupnykh gorodov YUFO), *Sotsiologiya goroda*, no. 2, pp. 33–55.

MFK, Chto takoye mnogofunktsional'nyy kompleks (2020), [Online], available at: <https://flatco.ru/publikaczii/chto-takoe-mnogofunktsionalnyj-zhiloj-kompleks.html> (Accessed 12 October 2021).

Novostroyker (2019).02.05, [Online], available at: <https://novostroyker.ru/blog/podborki/chto-takoe-zhiloj-kompleks> (Accessed 12 October 2021).

Obrashcheniye k Prezidentu RF Vladimiru Putinu, razmeshchennaya na elektronnom resurse Baltic.today 2 matra (2018), [Online], available at: <https://nsp.ru/6876-iz-zemcziny-putinu> (Accessed 12 October 2021).

Redevelopment serogo poyasa-itogi 2019. Otchet kompanii M2 Marketing.18 marta 2020,

[Online], available at: <https://pronovostroy.ru/news/11712745-redevelopment-serogo-poiasa-sankt-peterburga-itogi-2019-goda/> (Accessed 12 October 2021).

Rossiya vkhodit v zonu turbulentnosti, [Online], available at: <http://baltic.today/2018/01/27/zhiteli-baltiyskoj-zhemchuzhiny-sostavili-kollektivnoe-pismo-prezidentu-putinu-s-opisaniem-problem-mikrorajona> (Accessed 12 October 2021).

Sayt «Baltiyskaya zemchuzhina», [Online], available at: <https://clck.ru/S2N4D> (Accessed 08 December 2020).

Semchenko, Ye. (2015), Projekty KOT: plyusy i minusy, *BN gazeta. Nedvizhimost' Sankt-Peterburga*, 30.04.2015, [Online], available at: <https://www.bn.ru/gazeta/articles/217667> (Accessed 12 October 2021).

Sirotnina, I.L. (2012), Prostranstva sovremennogo goroda, Gorod i vremya, *Internatsional'nyy nauchnyy al'manakh «Life sciences» Samarskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet Rossiysko-nemetskoye ob'yedineniye kul'turologov «Stadt-Land-Globalia»*, vol. II, pp. 107–114.

Tykanova, Ye.V. and Khokhlova, A.M. (2014), Konflikt prav sobstvennosti v postsovet'skom gorode (na primere sluchayev snosa garazhey v S ankt-Peterburge), *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, no. 17(5), pp. 109–125.

Tykanova, Ye.V. and Khokhlova, A.M. (2018), Glava 5. Sotsial'nyye konfiguratsii gorodskikh lokal'nykh soobshchestv, Yermicheva G.V. (ed.), *Sotsial'noye prostranstvo bol'shogo goroda*, SPb: SI RAN – FNISTS RAN, pp. 90–109.

Tykanova, Ye.V. and Tenisheva, K.A. (2020), V plenu «effekta sosedstva»: sotsial'nyy kapital i aktivizm v novykh anklavnykh zhilishchnykh kompleksakh, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol.23, no. 2, pp. 7–35, DOI: <http://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.1>.

Vyatkina, B.M. (2012), Tselevaya rehabilitatsiya kak sredstvo upravleniya gorodskoy sredoy, *Izvestiya vuzov, Investitsii.Stroitel'stvo.Nedvizhimost'*, no. 1, pp. 86–95.

Zaretskiy, Y.U. (2020), Issledovaniye rynka redevelopment promyshlennykh territoriy v Sankt-Peterburge, *Vystupleniye na XI Konferentsii professionalov rynka nedvizhimosti*, [Online], available at: spb.ru/analitika/redevelopment_v_peterburge_kak (Accessed 12 October 2021).

Zhel'nina, A.A. and Tykanova, Ye.V.(2019), Formal'nyye i neformal'nyye grazhdanskiye infrastruktury: sovremennyye issledovaniya gorodskogo lokal'nogo aktivizma v Rossii, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, no. 22(1), pp.162–192, DOI: <http://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>.

Submitted: 22.10.2021

Revised: 09.12.2021

Accepted: 24.12.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 308

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-70-81

Дата поступления: 11.12.2021
рецензирования: 28.01.2022
принятия: 14.02.2022

Г.З. Файнбург

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
г. Пермь, Российская Федерация
E-mail: faynburg@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8004-1969>

Теория становления коллективистского общества (к 100-летию со дня рождения Захара Ильича Файнбурга)

Аннотация: 24 января 2022 года исполнилось 100 лет со дня рождения известного философа, социолога, культуролога, политэконома, доктора философских наук и кандидата экономических наук, профессора Захара Ильича Файнбурга (24.01.1922 – 10.09.1990). Годы его жизни хронологически почти совпали со временем советского социализма, а научное творчество со студенческой скамьи до самой смерти было посвящено одной теме – социально-экономическим механизмам общественного развития при переходе обществ индивидуалистского типа к коллективистскому обществу, охватывающим всю совокупность процессов развития общества от изменения характера труда на производстве до преодоления религиозоподобного общественного сознания. Приводимые в статье результаты научного поиска З.И. Файнбурга системны, ибо содержат в своем единстве различные аспекты структуры и функционирования современного общества, и актуальны, ибо дают в руки современного исследователя эвристически ценные методологию и инструменты социального познания. Рассматриваются специфика системного подхода З.И. Файнбурга к анализу характера труда и становления его нового исторического типа; к культуре и ценностным ориентациям личности, а также концепция развития личности в постэкономическом обществе; перспективы становления коллективистского общества как новой социальной реальности. Серьезное внимание уделено проблемам семиотического характера, связанным с использованием методов «мысленного эксперимента» в социально-философской научной фантастике и с построением понятий нового социального знания.

Ключевые слова: Файнбург; Пермская школа социологии; коллективизм; социология будущего; историческое место социализма; творческий характер труда; развитие личности; изменение понятий.

Цитирование: Файнбург Г.З. Теория становления коллективистского общества (к 100-летию со дня рождения Захара Ильича Файнбурга) // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 1. С. 70–81. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-70-81>.

Благодарности: автор выражает благодарность В.Ю. Бочарову за поддержку при написании работы и выборе направленности исследования.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Файнбург Г.З., 2022** – доктор технических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, директор Института безопасности труда, производства и человека, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29.

SCIENTIFIC ARTICLE

G.Z. Fainburg

Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russian Federation
E-mail: faynburg@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8004-1969>

Theory of collectivist society formation (on the 100th anniversary of the birth of Zakhar Ilyich Fainburg)

Abstract: The 24th of January 2022 marked the 100th anniversary of the birth of the famous philosopher, sociologist, culturologist, political economist, Doctor of Philosophy and Candidate of Economic Sciences, Professor Zakhar Ilyich Fainburg (24.01.1922 – 10.09.1990). The years of his life chronologically almost

coincided with the time of Soviet socialism. His scientific work from the student times until his death was devoted to one topic – the socio-economic mechanisms of social development during the transition or shift from individualistic societies to a collectivist-type society. These mechanisms covered the entirety of society development processes from changing the nature of labor at work to overcoming religious-like social consciousness. The results of the scientific search of Z.I. Fainburg are system-based, because they contain various aspects of the structure and functioning of modern society in their unity / solidarity, and, moreover, they are characterized as essential, because they provide the modern researcher with heuristically valuable methodology and social knowledge instrumentarium. There has been analyzed the characteristic features of Z.I. Fainburg's systemic approach concerning the scientist's examination of the nature of labor and the formation of its new historical type; the culture and core values of the individual, as well as the personality development concept in a post-economic society and the prospects for the collectivist society formation as a new social reality. Serious attention is paid to semiotic problems related to the use of "thought experiment" methods in socio-philosophical science fiction and the construction of concepts of new social knowledge.

Key words: Fainburg; Perm School of Sociology; collectivism; sociology of the future; the historical place of socialism; the creative nature of work; person's development; term changing.

Citation: Fainburg, G.Z. (2022), Theory of collectivist society formation (on the 100th anniversary of the birth of Zakhar Ilyich Fainburg), *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 70–81, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-70-81>.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to V.Yu. Bocharov for support regarding writing this work and choosing the focus of the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Fainburg G.Z., 2022** – Doctor of Technical Sciences, Professor, Honored Vocational Education Worker of the Russian Federation, Director of the Institute of Safety and Health, Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomolsky Ave., Perm, 614990, Russian Federation.

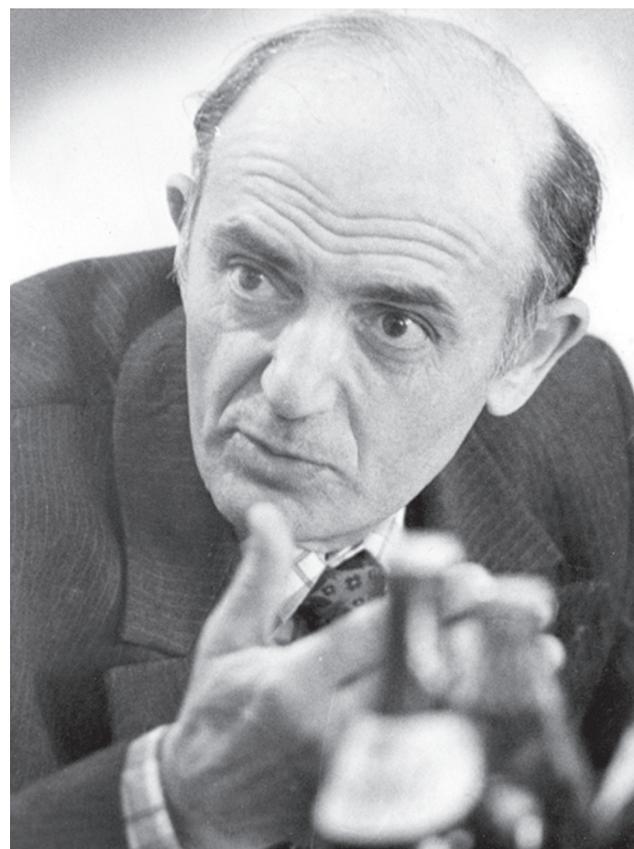
«У нас потребность слушать Вас,
ученого, борца, солдата,
И в будний день, и в день такой,
как эта памятная дата».

*Из поздравления к 65-летию
Захара Ильича Файнбурга¹*

Введение

Имя Захара Ильича Файнбурга (Файнбург 2019) хорошо известно многим обществоведам, особенно старшего поколения, ибо его целостный междисциплинарный подход к развитию общества затрагивает «вечные» вопросы диалектической логики, социальной философии, культурологии, семиотики, футурологии, литературоведения, музееведения, политической экономии, конкретной экономики, экономической, исторической и промышленной социологий, социологии труда, образования, семьи, спорта, будущего...

В его опубликованных (порядка 300 изданий) и многочисленных неопубликованных (исключительно по идеологическим причинам) работах, опирающихся на сочетание абстрактного теоретического анализа и конкретных эмпирических исследований, всесторонне изучено «историческое место социализма», объективные механизмы и субъективные «флуктуации» развития совре-

Файнбург Захар Ильич

¹ Склонный к литературному творчеству З.И. Файнбург очень любил эпитафии и тщательно их подбирал. Поэтому мы сочли возможным предпослать настоящей статье точный и емкий эпитаграф, характеризующий его личность и творчество.

менного общества на путях перехода от последовательности индивидуалистических обществ к коллективистскому обществу постэкономической эпохи существования человеческой цивилизации. Полный перечень всех опубликованных при жизни З.И. Файнбурга работ содержится в биобиблиографическом указателе (Научный тандем 2004).

Эти работы, а также различные материалы к ним были сохранены женой, другом, единомышленником и постоянным соавтором – Галиной Петровной Козловой (Козлова 2019) – равноправным партнером известного «научного тандема» Файнбург–Козлова и ныне находятся в Пермском государственном архиве социально-политической истории.

Масштабность и синкретизм всеобъемлющей проблематики научного творчества Захара Ильича, его беспрецедентный научный подвиг создания в условиях «культы личности», «оттепели» и застоя «развитого социализма» цельного научного знания, избавленного от идеологизма, догматизма и схоластики, определили его жизненную судьбу, неразрывно связанную с историей советского общества.

Развивая методологию исследования **развивающегося общества**, Захар Ильич исходил из положений о том, что каждое состояние общества обладает своим конкретно-историческим «основным противоречием», а каждое последующее состояние общества «вызревает» в рамках существования предыдущего (Файнбург, Козлова 1990).

Это положение делает методологию, теоретический анализ, методы конкретных эмпирических исследований и полученные результаты научного поиска Захара Ильича необычайно актуальными для современности и «грозящего нам» будущего.

Все «глобальные потрясения» сегодняшнего дня однозначно показывают, что человеческая цивилизация находится на стадии «великого перелома», меняющего господство индивидуализма на доминирование коллективизма, столь необходимого сегодня обществу не столько из-за внутренних потребностей глобально обобществленной экономики, сколько из-за экологических и военных угроз самому существованию человеческой цивилизации. Наступает конец экономической эпохи «разобщенного мира».

Хорошо это понимал и сам Захар Ильич, но время, в которое он жил и творил, не позволяло говорить об этом прямо и адекватно. Его работы отвергались и не публиковались, но это не могло запретить ему думать и писать. Недаром на одном из листочков записей его мыслей для себя сохранились слова: «О чем думал Карл Генрих Маркс, когда писал свои работы?».

Эти слова выражают постоянное стремление Захара Ильича очистить логику записанных и опубликованных теоретических концепций от «неод-

значности» применяемых терминов, характерных традиционных терминологических клише как самого автора, так и многочисленных редакторов, совершить содержательный «прорыв» в понимании исторических процессов развития современного общества, как бы оно ни называлось и ни воспринималось.

Поражают творческая активность и интенсивность научной мысли автора. Даже в условиях обычного отказа в публикации по идеологическим причинам ему удавалось публиковать по пять-шесть серьезных статей в год (в среднем), а в отдельные годы – гораздо больше. А сколько непринятых рукописей осталось лежать на полках личного архива!

Работая над основной рукописью, Захар Ильич не забывал записывать возникающие мысли по другим вопросам на отдельных листках, помечая их символами, например: ИМС – историческое место социализма, ПЭ – политэкономия, СП – социальное планирование, ТТ – теория труда, КМ – Карл Маркс, КЛ – культ личности и т.п.

В его заметках для себя бьется «гольная мысль», они наполнены сути и ждут своих «первооткрывателей», способных подарить им вторую, теперь уже публичную жизнь.

Именно эти заметки легли в основу настоящей статьи, в которой даже подзаголовки выполнены в привычном стиле Захара Ильича, любившего яркость и изящество красоты слов русского языка.

Основные этапы становления личности

Захар Ильич Файнбург родился 24 января 1922 года в г. Орше в семье ответственных советских работников Белоруссии, посланных затем партией на Дальний Восток.

Арест и гибель репрессированных в марте 1938 года родителей – отца – Ильи Львовича Файнбурга, организатора и первого председателя Хабаровского областного суда и матери – Раисы Захаровны Альперович, заведующей промышленно-транспортным отделом Хабаровского обкома ВКП(б), были огромным психологическим ударом для 16-летнего Захара Файнбурга, отличника и книголюбца, любимого и любящего сына.

Это трагическое событие определило и судьбу З.И. Файнбурга, и направленность его научного творчества, ибо обусловило, по собственным словам Захара Ильича, интерес к исследованию процессов развития того общества, в котором он жил, к поиску ответа на вопрос: Почему в советском обществе через 20 лет после Октября активных участников революционных процессов репрессировали как «врагов народа»?

Юному Захару Файнбургу повезло, он попал не в специальный детский дом – своеобразную тюрьму для детей «врагов народа», а в обычный нормальный детский дом Подмосковья. Окончив с от-

личием среднюю школу, Захар Ильич в 1940 году поступает на экономический факультет (кафедра политэкономии) самого выдающегося учебного заведения гуманитарного профиля того времени – в Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ или чаще ИФЛИ). Там он попадает в атмосферу идейности и творчества.

Война прерывает его учебу, и окончивший первый курс Захар Файнбург в июле 1941 года уходит добровольцем на фронт, участвует в боях на территории Украины, Белоруссии, Польши, Восточной Пруссии. На фронте активного комсомольца Захара Файнбурга принимают в партию на льготных условиях, как участника боев. Судьба хранила его – весной 1945 года, когда командира орудия старшину Захара Файнбурга направили в офицерскую школу, он был единственным человеком в их батальоне, воевавшим с 1941 года на фронте.

После демобилизации осенью 1945 года младший лейтенант З.И. Файнбург возвращается на учебу в МГУ, куда влился МИФЛИ. Там в 1946 году он встречает Галину Петровну Козлову, учившуюся также на кафедре политэкономии, но курсом младше, – свою будущую жену, мать детей, друга, соратника, советника, постоянного соавтора, критика и редактора, секретаря и хранителя личного архива.

В те годы (до идеологических чисток 1949 г.) на экономическом факультете МГУ преподавали самые известные ученые того времени. Они привили Захару Файнбургу любовь и умение работать с первоисточниками, пытливо искать там внутренний смысл сказанного, перенимать концепцию автора, а не «жонглировать» выхваченными из контекста цитатами (Файнбург, Козлова 1989). Кроме того, за годы учебы «научный тандем» Файнбург–Козлова овладел методами статистического анализа, которыми их научили создатели этих методов.

Главным своим учителем – и в теории, и в методике преподавания – Захар Ильич и Галина Петровна считали скромного доцента Александра Андреевича Пальцева, который не только очень глубоко знал экономическую теорию, но и в каждой своей лекции, в каждом своем семинарском занятии погружался в ее глубины вместе со своими студентами, передавая им диалектическую логику Марксова анализа экономических явлений и формаций. Именно эта логика стала основным исходным моментом теоретического анализа в творчестве З.И. Файнбурга, была развита им применительно к проблемам современности (Файнбург, Козлова 1982).

Учеба давалась Захару Файнбургу легко. Учился он на отлично, получал именные стипендии. За склонность к философии, теории политэкономии, глубину и оригинальность мыслей Захар Файнбург получил в студенческой среде своеобразную

кличку – «Карл Маркс», которую из опасений политического характера произносили как «Карел Маркес».

Глубина мысли и умение работать с материалом теоретического и статистического характера отчетливо видны по написанной в 1948–1949 учебном году дипломной работе Захара Ильича «К вопросу о создании экономических основ высшей фазы коммунизма в СССР» и по содержанию целой пачки конспектов при ее подготовке. Дипломник проштудировал множество источников, выявил выдающиеся работы, законспектировал их, исписав шесть тетрадей. Интересно отметить, что уже там детально законспектирована статья Н. Власова (до сих пор неизвестно, кто скрылся под этим псевдонимом, но наиболее вероятно, что это был известный экономист и государственный деятель Н.А. Вознесенский, необоснованно расстрелянный по «ленинградскому делу» в 1950 г.) «К вопросу о движущем противоречии социалистического общества», опубликованная в журнале «Под знаменем марксизма» за март (№ 3–4) 1940 г., на которую З.И. Файнбург затем ссылался, занимаясь вопросами противоречий при социализме, всю свою жизнь.

Научным руководителем дипломной работы она оценивалась, как близкая по уровню к кандидатским диссертациям. Рецензент работы, наоборот, бездоказательно развязала идеологическую травлю работы и её автора и в результате добила того, что круглому отличнику, стипендиату именных стипендий, лучшему студенту курса ГЭК была вынуждена поставить оценку «хорошо», что не давало ему права поступать в аспирантуру и остаться в МГУ для занятия наукой. В итоге Захар Ильич был вынужден уехать из Москвы.

Сначала – с 1 сентября 1949 года он работал в Поволжском лесотехническом институте им. А.М. Горького (г. Йошкар-Ола Марийской АССР), а затем – с 1 сентября 1960 года и до самой смерти (10 сентября 1990 года) – в Пермском политехническом институте, пройдя путь от старшего преподавателя кафедры политэкономии до профессора, заведующего кафедрой основ научного коммунизма (ныне социологии и политологии) и научного руководителя двух лабораторий социологии (образования и промышленности), создателем которых являлся.

Жизнь, переплетенная с творчеством

В конце 50-х годов XX века развитие нашей страны, строительство материально-технической базы «коммунизма», соревнование СССР с США потребовали резкого повышения производительности труда и технического перевооружения производства, что было немислимо без комплексной механизации и автоматизации труда на рабочих местах, повышения квалификации работающих

на них трудящихся, реального развития личности и социальных отношений от рабочего коллектива до всего советского общества в целом.

Получив открывшуюся в связи с реабилитацией родителей возможность полноценно заниматься наукой, З.И. Файнбург вместе с Г.П. Козловой в 1958 году образует своеобразный «научный тандем» и одним из первых в СССР начинает проводить конкретные экономические, а затем и социологические исследования уровня механизации и характера труда на промышленных предприятиях.

Логика научного поиска и то обстоятельство, что социологические методы давали возможность отойти от господствующего тогда цитатничества и заняться изучением социальной реальности, привели его в стан тех выдающихся ученых, кто с самого начала 60-х годов активно участвовал в возрождении социологии в СССР, сделали его их единомышленником и соратником, а зачастую и другом.

Заметим, что среди ведущих социологов того времени Захар Ильич был, возможно, единственным, кто окончил университет по специальности политэкономика, одно время заведовал кафедрой экономики промышленности, вел дипломное проектирование на инженерно-экономическом факультете, защитил кандидатскую диссертацию по экономике промышленности, имел к середине 60-х гг. многолетний успешный опыт хозяйственной работы с предприятиями промышленности по исследованию уровня механизации труда.

Всесоюзная известность приходит к научному тандему Файнбурга–Козловой в 1963 году (Козлова, Ошуркова 1994), а официальное признание научной общественностью высокого уровня их теоретических и эмпирических исследований манифестируется в 1968 году утверждением кандидатуры З.И. Файнбурга (в соответствии с решением Президиума АН СССР) членом редколлегии Информационного бюллетеня Института конкретных социальных исследований АН СССР (фактически – социологического журнала всесоюзного уровня). В редколлегию входили также И.В. Бестужев-Лада, Т.И. Заславская, И.С. Кон, В.А. Ядов. При этом З.И. Файнбург был единственным из них кандидатом наук и провинциалом, что говорит о многом.

З.И. Файнбург входил в Научный совет АН СССР по конкретным социальным исследованиям, одним из первых стал членом Советской социологической ассоциации, был избран в ее Правление, создал Пермское отделение ССА, преобразованное затем в Пермский филиал Уральского отделения.

В 1963 году произошло событие, кардинально изменившее жизнь Захара Ильича к лучшему. Приказом Минвуза СССР в практику подготовки специалистов с высшим образованием было

введено преподавание нового, никому ранее неведомого курса «Основы научного коммунизма». Выполняя этот приказ, ректор Пермского политехнического института М.Н. Дедюкин, преодолев сопротивление Пермского обкома КПСС и в чем-то самого Захара Ильича, настоял на том, чтобы организация преподавания учебного курса и вновь создаваемой кафедры основ научного коммунизма была поручена З.И. Файнбургу, который практически единственный в вузе из обществоведов того времени мог поставить принципиально новый курс общественных наук, способный заинтересовать студентов технического вуза.

Обдумывая содержание нового учебного курса, Захар Ильич пришел к заключению, что преподавать научный коммунизм без социологии невозможно. По его мысли, научный коммунизм, как учебная дисциплина, должен был содержать анализ развития общества, основные представления о будущем, говорить о механизмах социального развития и проблемах современного общества как целостного «организма».

Такой подход оказался очень содержательным, и Захара Ильича стали лично приглашать прочитать различные спецкурсы во многих городах нашей страны и Польши – в Варшаве, в Кракове, в Ростове-на-Дону, Свердловске, Риге, Уфе и др.

В 1967 г. при поддержке руководства Пермского политехнического института З.И. Файнбург получил разрешение Минвуза СССР открыть в институте бюджетную лабораторию социологии высшего образования, что позволило создать еще одну – хозяйственную – лабораторию социологии промышленности с тремя секторами: социологии труда, социологии культуры, социального планирования. Названия секторов отражали основные научные интересы З.И. Файнбурга и его глубокое убеждение в том, что в основе исследований современного общества должны лежать проблемы труда, культуры и социальной организации в широком смысле слова.

Создание Захаром Ильичом в Перми отделения Советской социологической ассоциации и двух лабораторий социологии явилось важнейшим этапом становления неформальной Пермской школы социологии, школы Файнбурга. Ее отличительным моментом стало сочетание глубоких теоретических построений и широких эмпирических исследований, а также целенаправленное внедрение полученных результатов в практику. Необходимо подчеркнуть, что исследования, ведущиеся сегодня на кафедре социологии и политологии и в лаборатории социологии Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ), следуют методологии этой школы.

Огромную роль в распространении идей и методов Пермской школы сыграли общегородской

семинар социологов, специальные курсы в вечернем университете марксизма-ленинизма, созданная в Перми и увенчанная наградами ВДНХ «Методика социального планирования коллектива предприятия», внедрявшаяся практически по всей территории СССР, спецкурсы по историческому месту социализма, читавшиеся З.И. Файнбургом специалистам в крупных вузах различных городов, его активное участие в десятках конференций и семинаров, в диссертационных советах Перми и Свердловска, рецензирование работ, многочисленные «личного характера» «поддержки» «умного человека» идей тех или иных диссертантов и/или авторов...

С формальной точки зрения Захар Ильич подготовил 8 докторов и 22 кандидата наук, огромную (несколько сотен) «армию» заводских социологов, способствовал созданию и развитию социологических центров во всех ведущих вузах Перми и на ряде крупнейших заводов страны, например, на Пермском телефонном заводе и на Норильском горно-металлургическом комбинате. С неформальной точки зрения его работы породили много разных исследований и последователей, число которых сложно оценить. Поиск Google дает 2150 ссылок на «З.И. Файнбург», 1540 ссылок на «Файнбург З.И.», 431 ссылку на «Файнбург Захар Ильич» и 266 ссылок на «Захар Ильич Файнбург».

Смерть Захара Ильича в 1990 году и кардинальная смена социально-экономического строя в России не изменили методологию Пермской школы социологии, которая в сложном современном мире продолжает развиваться, получает гранты, проводит исследования, готовит профессиональных социологов, проводит (начиная с 1992 года) Всероссийские конференции «Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований», посвященные памяти Захара Ильича (Файнбургские чтения). В этом году они будут проводиться 21-й раз и посвящены 100-летию со дня его рождения.

Растет молодая смена, которой нужна полноценная, адекватная действительности теория и надежные методы для эффективного управления социальными процессами нашего непростого времени.

Методология и логика исследований

Однажды Захар Ильич написал, что «...жизнь подлинного ученого не слишком богата «внешними» событиями: конференции, публикации, командировки... Вся подлинная жизнь – все, что есть в ней необыкновенного, уникального – внутри: в том, как меняется видение этого мира, как ступень за ступенью погружаешься в его смыслы, как «скручиваешь» это видение мира в стройную, последовательную, даже изящную систему строгих научных понятий и категорий...» (из личного архива З.И. Файнбурга).

Поскольку Захар Ильич был, прежде всего, ученым, нацеленным на поиск истины, он прекрасно понимал все превратности творческого процесса познания, связанного с личностью исследователя (малости и конечности его жизни), ограниченностью физических и интеллектуальных возможностей индивида, бесконечностью процесса познания, особенно непрерывно развивающегося общества, огромностью, взаимосвязанностью и «скрытостью» многих социальных процессов.

И хотя он был человеком страстным и пассионарным, но истину искал максимально бесстрастно, объективно и доказательно.

Вычленение объективного в субъективном он считал начальным критическим пунктом любого социального познания.

Он хорошо понимал, что поставленные жизнью глобальные задачи развития цивилизации, связанные со становлением коллективистского общества, требуют «самопознания» обществом самого себя, для описания чего он использовал образ барона Мюнхаузена, который, дергая себя за косичку парика, вытаскивает из болота и себя, и своего коня.

Более того, Захар Ильич взял на себя смелость сделать то, что принципиально не могли сделать в свое время классики марксизма – детально и на историческом опыте (пусть очень ограниченном) исследовать социальные механизмы формационного перехода от формаций индивидуалистского типа к формации коллективистского типа.

Он был глубоко уверен в том, что наука существует в первую очередь для практики и что наилучшим инструментом практического изменения общества является хорошая теория. Эта теория неразрывно была связана с методологией, и они обе во многом определялись сущностью рассматриваемого социального объекта.

Рассмотрение развития общества требовало в том числе анализа исторического развития, как многовековой практики. Такой анализ мог быть адекватно осуществлен только при условии сохранения преемственности полученного знания, его развития. Такой конкретно-исторический подход к рассмотрению любого социального явления был «встроен» в методологию З.И. Файнбурга настолько прочно, что часто даже не упоминался, как само собой разумеющееся.

Заметим, что знаменитые слова, приписываемые Ньютоном, – «я стоял на плечах гигантов», вполне применимы и к Захару Ильичу. «Гигантами» для него были К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин – классики марксизма, а также другие ученые, развивавшие научную теорию марксизма, например, А. Грамши.

Захар Ильич много читал, постоянно ездил в Москву поработать в спецхране Ленинской библиотеки, детально конспектировал (вместе со своими комментариями) работы самых разных

ученых, а не только выдающихся и известных. Он любил искать «мысли», а потому читал работы, изданные в провинции, ибо там уровень идеологического контроля был «ниже», а уровень научного поиска и «научной смелости» мышления тех, кто рискнул написать о запретном, был «выше». Он любил читать старые книги и статьи, в которых искал и находил редкие и интересные «ракурсы» изложения тех или иных оригинальных и глубоких идей, принципиально не входящих в «мейнстрим» официозных столичных публикаций того времени.

Строгость формальной логики исследования и гибкость диалектической логики процесса саморазвития, кажущиеся «внешнему» наблюдателю «развитием», всегда сопровождали и направляли ход его мыслей. Поскольку исследование «развития» как самодвижения требовало «расчленения» любого социального объекта или процесса на взаимодействия противоположностей, то всё, к чему прикасалась мысль Захара Ильича, оказывалось разделенным на структурные элементы, находящиеся в единстве и борьбе противоположностей, требовало исследования дифференциации взаимодействующих и взаимосвязанных, но неидентичных отдельных «элементов» единого общества. Но именно это отвергалось догматиками «псевдомарксизма», настаивающими на «однородности» советского общества.

Захару Ильичу было одинаково доступно и логическое, и образное мышление. А потому, дойдя до границ «научной ойкумены» и исчерпав резерв всех доступных научных фактов, он легко вышел за ее пределы в многочисленные миры будущего социально-философской фантастики, использовал её возможности как своеобразный «мысленный эксперимент» синкретического познания возможных «моделей» будущего.

Его влекло туда не простое любопытство, что будет за пределами его личной земной жизни, а железная необходимость иметь «точку опоры» для ретроспективного анализа современности, необходимость которого диктовалась диалектической логикой развития. Нужно было рассмотреть состояния предельной развитости противоречий, и даже их «снятости» процессом развития. Только тогда можно было «увидеть» их в скрытом, начальном, неразвитом состоянии в атмосфере «сегодняшнего дня», предсказать динамику развития.

Нужно подчеркнуть, что все эти методологические подходы были неразделимы от создаваемой им теории коллективистского общества, их невозможно было «убрать» из текста статей при редактировании, а поскольку они противоречили официальному мнению об «однородности», «непоколебимом единстве» и т.п., проще было «выкинуть» всю статью вместе с содержащейся в ней «ересью».

«Ваша статья написана умно и творчески, но именно потому она и порождает некоторые сомнения и возражения», – писал дружески настроенный к Захару Ильичу редактор. Насильственное и научно необоснованное ограничение публикационной активности Захара Ильича по идеологическим причинам составляло драму его оригинальных и плодотворных научных идей и во многом личную трагедию ученого.

Трансформация терминов, отражающих развитие понятий

Вербальное качественное описание сущности и цифровое количественное описание основных показателей конкретного проявления сущности – вот два основных инструмента научного поиска З.И. Файнбурга.

Однако в отличие от «неизменных» количественных показателей, фиксирующих состояние, вербальные понятия меняются по мере развития общества и углубления знаний о нем.

Захар Ильич считал, что социальные объекты реально существуют лишь в развитии. Статичное их состояние является лишь «знаком», «идентификатором», «меткой», «именем», «названием» явления, но не его содержательной сущностью. Поскольку при переходе от индивидуалистического общества к коллективистскому «отрицание» доминирует над «преемственностью», то изменение сущности понятия (категории) происходит при сохранении формально прежнего названия – термина.

Вот и Захар Ильич для исследования развития общества нуждался в «измененных» понятиях и новых терминах, более точно и адекватно отражающих новые социальные структуры и их взаимосвязи, новое состояние общества. Сделать это в эпоху «догматических» и «идеологических» ограничений было чрезвычайно сложно.

Тем не менее, почти в каждой статье З.И. Файнбург обстоятельно пояснял новое значение используемого им известного термина, т.е. фактически вводил новое понятие, отражающее новое знание. Поскольку многие терминологические клише использовались либо «бездумно» на уровне быденного дискурса, либо просто неверно, то Захар Ильич повсеместно проводил «социологизацию» известных слов и устаревших в понятийном смысле терминов, вводя в научный дискурс необходимые для адекватного описания современной или будущей реальности новые понятия. Чаще всего они маскировались под личиной известных терминов, но появлялись и новые термины.

Решив написать эссе о социологических проблемах будущего общества, он по инерции в рамках господствующей терминологии к слову «социология» дописал «коммунизма». Термин этот – социология коммунизма – ему не понравился ни

содержанием, ни идеологически-политическим нюансом звучания. Так родились термин и понятие «социология будущего».

Ретроспективный анализ общества с позиции его развитого, будущего состояния для понимания путей и механизмов развития общества требуют адекватного наименования объекта этого анализа, который и был назван Захаром Ильичом «историческим местом социализма». Оно было созвучно «историческому месту империализма» В.И. Ленина и вызывало ощущение временного, преходящего, а потому яро отвергалось редакциями и рецензентами.

Термин «социализм» Захар Ильич фактически использовал для описания двух понятий – абстрактного научного понятия – социализма вообще, как первой стадии коммунистического общества, и реального советского социализма, реализованного в странах социалистического содружества. Термин «развитой социализм» он не любил, не видя за ним никакого реального смысла для создаваемой им социологической теории. Ему был созвучнее термин «развивающийся социализм», но это словосочетание лежало «на грани фола».

Основной методологией научного поиска Захара Ильича был «научный марксизм», который приходилось именовать просто «марксизмом», а вот клише «марксизм-ленинизм» практически не употреблялось. Захар Ильич последовательно различал научный марксизм и политическое течение того же наименования, выделяя в реальной обществоведческой мысли «предмарксизм» и «псевдомарксизм» (такое разделение понятий было отражено в статье, не принятой редакцией журнала «Вопросы философии», но вошедшей в очерк №3 книги «Не сотвори себе кумира...»), «вульгарный марксизм» (термин и понятие, предложенные известным теоретиком марксизма Д. Лукачем, с которым в 40-х годах Захар Ильич жил в одном общежитии МГУ) и «марксизм учебников» (термин и понятие, предложенные Р. Косолаповым), которые постоянно критиковал. Вырваться из этой терминологии ему помогало использование таких словесных клише, как «методология Маркса», «Марков метод» и т.п.

При этом Захар Ильич постоянно проводил мысль о доминировании концепции над отдельным понятием, о необходимости целостного системного восприятия реальности, а потому «цитата» скорее иллюстрировала его мысль либо служила источником (фактом) для его научной концепции (Файнбург, Козлова 1989).

В этой связи характерно постепенное осторожное освобождение текстов Захара Ильича от терминов «коммунизм» и «социализм» и переход к использованию терминов «коллективистское общество» и «социалистическое общество». При этом использованию термина «коллективистское

общество» способствовало то обстоятельство, что, определив «основное противоречие социализма» (Файнбург 1966), Захар Ильич нащупал и обосновал основное противоречие постэкономической коммунистической формации – противоречие между коллективистским характером существования общества и индивидуальностью характера существования (и потребления) его членов, основанном на «автономии» организма и уникальности личности человека.

Среди по-своему определяемых значений понятий в работах З.И. Файнбурга можно найти понятия и отражающие их термины разных уровней структурности общества и методологии его познания: культура, утопия, утопическое сознание, религиозоподобное сознание, научное сознание, культурно-технический уровень трудящихся, характер труда, творческий характер труда, исторически новый тип труда, генетический вектор и др.

Будущее как проблема социологии и его образное моделирование

Захар Ильич всегда рассматривал будущее как проблему социологии. А поскольку он исповедовал деятельное управление обществом для достижения им «светлого» будущего, то непрерывно искал механизмы управления этим процессом. Он разделял (из личного архива З.И. Файнбурга) место и роль осознания будущего в настоящей жизни на уровнях отдельной личности, поколения, общества в целом. Он постоянно подчеркивал, что «ускорение темпа жизни привело к тому, что будущее из проблемы *следующего* поколения стало проблемой *нашего* поколения. Последнее изменило само отношение к проблеме будущего и ее значение для *личности*». Сегодня мы в полной мере понимаем и принимаем эти мысли.

Общая структура исследования будущего виделась Захаром Ильичом, как (1) анализ сущности коллективистской формации; (2) рассмотрение основного фактора (механизма) развития в его конкретно-исторических формах; (2) анализ результатов развития.

Но все имеющиеся в то время научные факты носили конкретно-исторический характер и в рамках господствующей идеологии не могли быть экстраполированы с учетом диалектики единства и борьбы противоположностей на будущее. Нужно было что-то делать.

И вот в ходе своих фундаментальных исследований Захар Ильич, возможно, первым из ученых-обществоведов обратился к жанру социально-философской фантастики как средству образного целостного моделирования (аналогично мысленному эксперименту в теоретической квантовой физике) основных противоречий будущего в условиях принципиального отсутствия научных фактов.

Способствовало этому и его еще довоенное знакомство с творчеством Герберта Уэллса (Захар Ильич особо выделял «Машину времени» Г. Уэллса), и послевоенное чтение всех утопических романов, относимых к «источникам марксизма». Даже в условиях начала 50-х годов он читал утопии и антиутопии, например, повесть Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», опубликованную на русском языке в журнале в 1954 году. Появившийся в 1957 году «гимн» светлому будущему в лице «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова, прочитанной еще в газетных выпусках, Захар Ильич не только «приветствовал», но и активно защищал от нападок (сохранились его рукописные, написанные перьевой ручкой фиолетовыми чернилами заметки – письмо в редакцию в защиту И. Ефремова от 1958 года).

В одном из сохранившихся набросков своих мыслей З.И. Файнбург писал: «Фантастика поставила (пока в достаточно смутном виде) назревающие вопросы (проблемы), которые наука еще не может поставить достаточно строго», и среди них на первом месте вопрос: Чем (и зачем) жить «сытому»?». Другими словами: Что станет двигать человеком, когда неумолимо стоящая веками перед ним проблема сытости (благополучия) будет **полностью** удовлетворена (что должно быть сделано коммунизмом, но уже практически достигнуто в ходе современной научно-технической революции (что прекрасно понимал и о чем неоднократно писал Захар Ильич))?

Остроумный, начитанный, оригинально мыслящий, Захар Ильич быстро становится известным в среде советских фантастов, неоднократно выступает на секции научной фантастики Союза советских писателей, делает там три фундаментальных доклада: «Массовый читатель и научная фантастика (социологическое исследование)» (1967), «Современная утопия и современная научная фантастика» (1968), «Основные идеи «Суммы технологии» Ст. Лема» (1970). С ним дружили, ценили его мнение, такие всемирно известные писатели, как Станислав Лем и братья Стругацкие.

Библиотека по фантастике, собранная Захаром Ильичом, была, наверное, самой полной для того времени. Он прочитывал все, но откликался и писал рецензии только на лучшие (с позиции моделирования будущего или ретроспективного анализа настоящего) произведения. Так случилось, что удалось опубликовать лишь рецензии на творчество Ст. Лема (их публиковал в «Новом мире» сам Твардовский), а вот ни одну рецензию на творчество братьев Стругацких, несмотря на неоднократные попытки, до публикации в то время так и не допустили.

Самая ранняя законченная и большая (объем – 68 с. машинописи) [но так и не опубликованная] рукопись Захара Ильича с названием «Социология

будущего и социальная фантастика» относится к лету 1964 г. Она имела два характерных эпиграфа: первый – «...Будущие события уже бросают тень на настоящее...» (А. Богданов) и второй – «...Наука – это фантазия, доказавшая свои возможности» (И.А. Ефремов).

В 1966 году появляется другая объемная рукопись монографии «Предвидения или пророчества? (Современная социальная утопия и современная научная фантастика)», а в 1967 году в журнале «Вопросы философии» удается опубликовать знаковую статью «Современное общество и научная фантастика» (Файнбург 1967), не потерявшую актуальность и уникальность до сих пор.

В 1972 году З.И. Файнбург предложил Политиздату рукопись «Предвидение против пророчеств (Современная утопия в облике современной научной фантастики)». Рукопись под названием «Миражи современной утопии (Утопия в облике научной фантастики)» вошла в план Политиздата на 1974 г., позиция № 21. Объем 10 п.л. Тираж 50 тыс. экз. Но издание по идеологическим причинам не состоялось. «Какие еще утопии, когда советский народ строит ясное и реальное будущее – коммунизм», – решили высшие инстанции. И много позже смерти автора и распада СССР книга под первоначальным названием (Файнбург 2007) была опубликована нами, но тиражом, увы, в 1000 раз меньшем!

Труд и научно-технический прогресс как источники развития общества

Еще в 50-е годы Захар Ильич сформулировал положение (записные книжки З.И. Файнбурга 1957–1958 гг.) о том, что с исчезновением капитализма и его экономических противоречий развитие последующей формации будет определяться социальными противоречиями будущего постэкономического общества. Такая концепция позволяла найти «историческое место социализма», являющееся переходной стадией между формациями с доминированием экономических факторов, сменяемыми формацией с доминированием социального. Но такое развитие невозможно без построения соответствующей материальной базы, позволяющей снять экономические противоречия.

Исходным пунктом всего этого процесса является труд, анализом уровня механизации которого в 1958 году занялся Захар Ильич, что позволило выяснить влияние научно-технического прогресса на изменение характера труда (Козлова, Файнбург 1963).

С тех пор анализ характера труда всегда являлся для З.И. Файнбурга исходным пунктом изучения самых разных сторон жизни общества, поскольку человек, помимо работы, погружен в различные структуры и процессы социума. Тем самым развитие характера труда определяло (требовало)

развитие личности, что, в свою очередь, приводило к развитию общества (Файнбург 1969, 1971). Тем самым был найден механизм развития современного общества: научно-техническая революция закономерно ведет к изменению характера труда, вызывающего развитие личности, что, в свою очередь, преобразует общественное производство, общественные отношения, общество в целом.

Этот механизм стал «стержнем», на который можно было бы логически «надеть» все свойства социализма как организованного целого, ибо условия развития личности охватывают не только характер труда, но и образование, культуру, образ жизни, ценности, семью, спорт как общественное отношение, иные сферы самореализации личности и т. д.

Особое внимание в своем творчестве Захар Ильич уделял культуре как технологии существования общества (Файнбург 1976, 1978), как организующего начала общественного и индивидуального существования. На основе теории деятельности Захар Ильич развил функциональный подход к пониманию культуры в единстве трех аспектов: преобразующего воздействия на природу, взаимодействия субъектов деятельности и отражения этого процесса в общественном сознании.

В центре общественного развития общества З.И. Файнбург всегда видел развитие личности, и все его работы проникнуты гуманизмом высочайшей пробы. Он считал, что только коллективистское общество способно сделать главной своей ценностью развитие личности человека.

Теория коллективистского общества и конкретно-исторический анализ советского социализма

Последние годы своей жизни З.И. Файнбург посвятил проблеме коллективности и ее становления в современном обществе, в котором на смену стихийности все чаще приходит планомерность, ибо избежать загрязнения окружающей среды, решить проблему нехватки энергии, проблемы голода, бедности и т.п. можно лишь совместными целенаправленными усилиями всей человеческой цивилизации в масштабах всей планеты.

Коллективность рассматривалась Захаром Ильичом как неизбежная и закономерная доминанта будущего общества, а тенденции развития современного общества – как движение от индивидуалистического общества к коллективистскому, основным противоречием которого выступает противоречие между общественным характером производства и индивидуальным способом присвоения материальных благ. Эта идея была четко сформулирована им еще в середине 60-х гг.

Захар Ильич считал, что исследование вопросов становления коллективности имеет большое

практическое значение. «Дело не только в том, что различные интерпретации социализма используются различными силами в борьбе мировоззрений. Дело еще и в том, что каждая из этих позиций усваивается теми или иными людьми в их жизни. В соответствии со своим пониманием этого кардинального (фактически центрального) вопроса эпохи они строят свою деятельность, считают себя счастливыми или несчастными. В понимание существа социализма и его исторического места упираются сейчас извечные проблемы свободы личности, гуманизма, творческой инициативы людей», – писал Захар Ильич в одном из своих предисловий к задуманной книге о теории социализма (Файнбург, Козлова 2013, с. 44–45) и продолжил: «Я считал бы свою задачу выполненной, если бы моя книга помогла читателю преодолеть идеализированное, восходящее в конечном счете к утопическому отождествлению идеала и реальности, представление о социализме. ... Я считал бы свою задачу выполненной, если бы моя книга помогла преодолеть скептицизм повседневности: неумение за текущей обыденностью, за повседневными частностями, за личными удачами и неудачами увидеть историческую перспективу социализма как исторической эпохи, как ступени социального прогресса».

Начавшаяся в 1985 году перестройка заставила Захара Ильича несколько скорректировать свою деятельность, серьезно увеличить число публичных лекций и спецкурсов для специалистов, еще теснее связать свой общетеоретический анализ перехода от индивидуалистических обществ к коллективистскому обществу с историей нашей страны, с развитием советского социализма.

Выдающимся событием в жизни Захара Ильича стал цикл трех его лекций о культе личности и судьбах советского социализма, прочитанных в апреле – мае 1987 года (в ноябре 1987 года этот курс был повторен) (одна лекция в неделю) в ответ на просьбу студентов разъяснить им смысл фильма Т. Абуладзе «Покаяние». Это было время, когда разрешения на обнародование правды еще не было, затрагиваемые вопросы были своеобразным «табу», и Захар Ильич многим рисковал. Поскольку актов зал не мог вместить всех желающих (вход был свободным), то одновременно с записью велась радиотрансляция лекции по коридорам института.

По стенограммам лекции было решено подготовить книгу, названную затем «Не сотвори себе кумира...». Первый вариант рукописи был написан во второй половине 1987 г., но рукопись никто не хотел публиковать, все хотели написать и опубликовать свое, с удовольствием выхватывая из полученной рукописи (и аудиозаписей лекций) идеи и мысли, впервые сформулированные и высказанные Захаром Ильичом. Сегодня они стали

общеизвестными и в известной степени тривиальными.

И только спустя два года, в июне 1989 г., книга была включена в план редакционной подготовки 1990 года. Её нужно было серьезно доработать, и Захар Ильич решил кардинально переделать первоначальную рукопись, сократить относительно общеизвестный исторический материал, резко усилить социологический и социально-философский аспекты, сосредоточив внимание на теоретическом рассмотрении исторического места социализма в развитии современного общества.

В новом варианте книги «Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности» (Очерки теории)» (Файнбург 1991) Захар Ильич на примере советского социализма фактически подвел итоги своего выдающегося научного поиска и изложил созданную им целостную концепцию развития современного общества и перехода обществ индивидуалистического типа к обществам коллективистского типа.

Будущее создается тобой, но не для тебя (Слова А. и Б. Стругацких, которые часто любил говорить Захар Ильич)

В целом, начиная с середины 50-х годов XX века в записных книжках и многочисленных рукописях, оставшихся неизданными, Захар Ильич предвосхитил постановку и ряд направлений возможного решения актуальных проблем развития современного общества, связанных с тотальной информатизацией всех сторон жизни личности и общества, с усилением социального регулирования и контроля, с неуклонным вытеснением трудовой деятельности человека из непосредственного процесса производства в сочетании с достаточностью и/или чрезмерностью ресурсов общества для создания обеспеченной жизни «неработающих» и т.п.

Он писал о том, что суть развития предшествующей (и хорошо видимой) цивилизации была заключена в преобразовании внешнего для человека мира, природы и человеческого общества. А тогда вполне логично представить себе цивилизацию, когда изменения развития будут сосредоточены внутри человека и как организма, и как личности. И сегодня это предвидение все ближе становится к реальности.

Захар Ильич отчетливо понимал значимость «национального вопроса» и однажды под значком М [мысли] записал: «Наша эпоха подняла на невиданную высоту вопрос о нациях. Этого не мог избежать ни один человек нашего поколения. Думаю, что большинство поддались этой главной чуме XX века...» (из личного архива З.И. Файнбурга).

О плодотворности и эвристической ценности научного подхода З.И. Файнбурга говорит и то, что он предвидел крах советского общества (при определенных условиях) и связанную с этим

«социальную катастрофу», призывал всячески бороться за оставшиеся шансы развития советского общества, активно влиять на ход исторических событий, вносил всюду свои предложения, но его не слушали и не печатали... «Маятник качнулся вправо!» – говорил об этом, сознавая тщетность своих усилий, Захар Ильич. Но при этом тут же писал: «Подлинно человеческое в формуле: «Я сделал все, что мог!».

Захар Ильич понимал непреходящую ценность своего творчества. Работая над рецензией на произведение А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне» (Файнбург 2008), он написал фактически о своей роли в науке и своей жизни следующие слова:

«Знать, что самое для тебя дорогое и выстраданное, – твоя идея, твое понимание, открытая тобой истина – не найдут еще очень долго себе применения и воплощения, только потому, что время понять тебя для окружающих еще не пришло (а когда оно придет, то никто даже не сможет вспомнить, что всё это кто-то когда-то давно знал) – это тот воистину тихий и молчаливый подвиг, который многие века совершали и продолжают совершать люди, которым общественное разделение труда предопределило быть носителями разума своей эпохи».

Библиографический список

- Козлова Галина Петровна // Социология России в лицах: история и современность. Москва: Изд. «Весь МИР», 2019. С. 176.
- Козлова Г.П., Ошуркова Р.А. Захар Ильич Файнбург // История и методология науки. Вып 1. Пермь, 1994. С. 181–214.
- Козлова Г.П., Файнбург З.И. Изменение характера труда и всестороннее развитие человека // Вопросы философии. 1963. № 3. С.55–62.
- Научный тандем: Файнбург Захар Ильич – Козлова Галина Петровна / Библиографический указатель. Пермь: Изд. ПГТУ. 2004.
- Файнбург Захар Ильич // Социология России в лицах: история и современность. Москва: Изд. «Весь МИР». 2019. С. 250–251.
- Файнбург З.И. К вопросу об основном противоречии социализма // Экономические науки. 1966. № 6. С.14–24.
- Файнбург З.И. Современное общество и научная фантастика // Вопросы философии. 1967. № 6. С. 32–43.
- Файнбург З.И. Перспективы научно-технической революции и развитие личности // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 32–42.
- Файнбург З.И. Современный этап научно-технической революции и социальное планирование // Вопросы философии. 1971. № 10. С. 28–38.
- Файнбург З.И. К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития

(некоторые проблемы методологии) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1976. № 3 (15). С. 30–39.

Файнбург З.И. Смена исторического типа культуры в условиях современности (некоторые вопросы методологии проблемы) // Изв. Северо-Кавказ. науч. центра высшей школы. Общественные науки. 1978. № 1 (21). С. 28–35.

Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира...: Социализм и «культ личности»: Очерки теории. Москва: Политиздат, 1991.

Файнбург З.И. Предвидение против пророчеств: Современная утопия в облике научной фантастики. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2007.

Файнбург З.И. Философская художественная фантастика и некоторые социальные реалии современности (размышления по поводу философской фантастической повести А.Н. и Б.Н. Стругацких «Улитка на склоне») // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Пермь: 2008. Том. II. С. 208–234.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Диалектическая логика политической экономии социализма. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Концепция против цитаты // Экономические науки. 1989. № 1. С. 77–86.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Формационный подход К. Маркса и развитие социализма // Экономические науки. 1990. № 6. С. 24–37.

Файнбург З.И., Козлова Г.П. Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013.

References

Kozlova, G.P. (2019), *In Sociology of Russia in persons: history and modernity*, Publishing house «VES MIR», Moscow, Russia.

Kozlova, G.P. and Oshurkova, R.A. (1994), Zakhar Ilyich Fainburg, *History and Methodology of Science*, issue 1, Perm, pp. 181–214.

Kozlova, G.P. and Fainburg, Z.I. (1963), Changing the nature of work and comprehensive human development, *Questions of philosophy*, no. 3, pp. 55–62.

Scientific tandem: Zakhar Ilyich Fainburg – Galina Petrovna Kozlova (2004), *Biobibliographic index*, Publishing house of PSTU, Perm, Russia.

Fainburg, Z.I. (2019), *Sociology of Russia in persons: history and modernity*, Publishing house «Ves MIR», Moscow, Russia.

Fainburg, Z.I. (1966), On the question of the basic contradiction of socialism, *Economic sciences*, no. 6, pp. 14–24.

Fainburg, Z.I. (1967), Modern society and science fiction, *Questions of philosophy*, no. 6, pp. 32–43.

Fainburg, Z.I. (1969), Prospects of the scientific and technical revolution and the development of personality, *Questions of Philosophy*, no. 2, pp. 32–42.

Fainburg, Z.I. (1971), The modern stage of the scientific and technical revolution and social planning, *Questions of Philosophy*, no. 10, pp. 28–38.

Fainburg, Z.I. (1976), On the question of the concept of culture and the periodization of its historical development (some problems of methodology), *Izvestia of the North Caucasian Scientific Center of Higher School, Social sciences*, no. 3 (15), pp. 30–39.

Fainburg, Z.I. (1978), The change of the historical type of culture in the conditions of modernity (some questions of the methodology of the problem), *Izv. North Caucasus. the scientific center of the higher school, Social sciences*, no. 1 (21), pp. 28–35.

Fainburg, Z.I. (1991), *Don't create an idol for yourself...: Socialism and the «cult of personality»: Essays on Theory*, Politizdat, Moscow, Russia.

Fainburg, Z.I. (2007), *Foresight against Prophecies: A Modern Utopia in the Guise of Science Fiction*, Publishing House of Perm State Technical University, Perm, Russia.

Fainburg, Z.I. (2008), Philosophical fiction and some social realities of modernity (reflections on the philosophical fantasy novel by A.N. and B.N. Strugatsky «Snail on the slope»), *Modern Society: questions of theory, meth-odology, methods of social research*, Perm, vol. II, pp. 208–234.

Fainburg, Z.I. and Kozlova, G.P. (1982), *Dialectical logic of the political economy of socialism*, Saratov Univer. Publishing House, Saratov, Russia.

Fainburg, Z.I. and Kozlova, G.P. (1989), Conception versus quote, *Economic sciences*, no. 1, pp. 77–86.

Fainburg, Z.I. and Kozlova, G.P. (1990), K. Marx's formational approach and the development of socialism, *Economic sciences*, no. 6, pp. 24–37.

Fainburg, Z.I. and Kozlova, G.P. (2013), *Collectivist society. Ideal. Theory. Reality*, Publishing house of Perm. nat. research. polytech. un-ta, Perm, Russia.

Submitted: 11.12.2021

Revised: 28.01.2022

Accepted: 14.02.2022

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.32

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-82-96

Дата поступления: 28.12.2021
рецензирования: 14.02.2022
принятия: 01.03.2022

Э.С. Золотов

Спецбюро № 1/39, Калининградская область,
г. Советск, Российская Федерация
E-mail: edgar1237@mail.ru

Логико-когнитивный анализ визуальных и невизуальных объектов (Часть I)

Аннотация: статья является продолжением исследования, связанного с применением системной модели аргументации к объектам предметной области. Анализируются аллегорические изображения ценностей в работах мастеров различных школ живописи, гравюрах и скульптурных изображениях. Рассматриваются пословицы и поговорки как пресуппозиции, которые являются суждениями (аргументами различных уровней) с особым статусом. Принципы и убеждения, афоризмы и максимы рассматриваются как пресуппозиции в системной модели аргументации. Отдельно рассматриваются суждения деонтической логики, которые могут быть как аргументами, так и тезисом и пресуппозицией, анализируются деонтические системы и логики Малли, Локхорста, фон Вригта, Караваева. Исследуются причинно-следственные связи аллегорий и фактов, статус аналитических и синтетических суждений как пресуппозиции.

Ключевые слова: системная модель аргументации; аллегории; аллегорические изображения; пресуппозиции; тезис; аргументы; пословицы; поговорки; принципы; убеждения; максимы; афоризмы; деонтические суждения; интеррогативы; факты; аналитические и синтетические суждения.

Цитирование: Золотов Э.С. Логико-когнитивный анализ визуальных и невизуальных объектов (Часть I) // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2022. Т. 2, № 1. С. 82–96. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-82-96>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Золотов Э.С., 2022 – кандидат философских наук, специалист, Спецбюро № 1/39, 238750, Российская Федерация, г. Советск, ул. Янтарный переулок, д. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.S. Zolotov

Specialbureau № 1/39, Kaliningrad region,
Sovetsk, Russian Federation
E-mail: edgar1237@mail.ru

Logical and cognitive analysis of visual and non-visual objects (Part I)

Abstract: the article continues the research connected with the use of the systematic model of argumentation with regard to the domain-specific object. Allegorical representations of values in the works of masters of various artistic schools, engravings and sculptural images are analyzed. Proverbs and sayings being judgments (arguments of different levels) with special status are considered as presuppositions. Principles and convictions, aphorisms and maxims considered as presupposition are analyzed in systematic model of argumentation. Judgments of deontic logic, which can be both arguments and a thesis and presupposition, are dealt with separately. Deontic systems and logics of E. Mally, G.-J. Lokhorst, G.H. von Wright, E.F. Karavaev are analyzed. Causal relationships of allegories and facts, the status of analytical and synthetic judgments as presupposition have been researched.

Key words: systematic model of argumentation; allegory; allegorical representations; presuppositions; thesis; arguments; proverbs; sayings; principles; convictions; maxims; aphorisms; deontic judgments; interrogatives; facts; analytical and synthetic judgments.

Citation: Zolotov, E.S. (2022), Logical and cognitive analysis of visual and non visual objects (Part I), *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 82–96, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-82-96>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Zolotov E.S., 2022 – PhD in Philosophy, specialist, Specialbureau № 1/39, 1, Yantarny pereulok, Sovetsk, Kaliningrad region, 443086, Russian Federation.

Введение

Статья является продолжением исследования, связанного с системным анализом текста и объектов нетекстуального типа (в т.ч. использование системной модели аргументации (СМА) как основного инструмента и метода). Изначально СМА предлагалась для анализа текста и извлечения знаний из текста предметной области, а также для различных междисциплинарных исследований, носящих синтетический характер (Брюшинкин 1994, Брюшинкин 2002, Брюшинкин 2000, Брюшинкин 2004, Золотов 2003, Золотов 2005, Золотов 2002, Золотов 1998, Золотов 2002, Золотов 2004, Сологубов 2006, Сологубов 2004а, Сологубов 2004б). Однако со временем выяснилось, что СМА возможно применить и к нетекстовым объектам, например, для выявления неявно обозначенных объектов при визуальном семиотическом анализе (Золотов 2020, с. 16–19). Применение СМА в данном ключе позволит нам выявить как неявно обозначенные объекты, так и их свойства, а также отношения между различными объектами, которые только подразумеваются. В данном случае нас будет в основном интересовать *семиотический* аспект: анализу подвергнутся аллегорические изображения ценностей у различных мастеров фламандской и других школ живописи. Попытка такого рода уже была произведена нами ранее (Золотов 2020, с. 16–19). Аллегорические изображения рассматриваются нами как ценности (абстрактные понятия), которые не обозначены явно, а лишь могут быть угаданы, т.е. являются объектами неявно обозначенными. Ценности могут быть описаны пресуппозициями (в дальнейшем – *PP*), которые являются суждениями, описывающими *Мм* (модель мира) или *U Мм* (универсальную модель мира) (Золотов 2021, с. 100–105). *PP* являются посылками в различного вида умозаключениях или же просто описывают объекты, содержащиеся в *U Мм* (данная модель содержит все объекты, в т.ч. ценности). В данном исследовании нас прежде всего будет интересовать именно значение аллегорических изображений. При этом также будут исследоваться поговорки, пословицы, максимы, сентенции и др. как *PP*. *PP*, описывающие аллегорические изображения, могут относиться к различным логикам, но лучше всего для этого подходит деонтическая (многозначная) логика, поскольку именно она является логикой норм, т.е. диктует действия. В целом, исследование ставит ряд вопросов, которые не могут быть решены в рамках данной статьи, но требуют ответа. Так, становится ясным, что при использовании таблиц необходимо применение какой-либо СУБД, в рамках которой мы сможем найти отношения между объектами, отсутствующими при визуальном осмотре картин мастеров фламандской школы живописи. Данный анализ аллегорических изображений *не является текстуальным анализом* аллегорий, которые встречаются в различного рода текстах, и это следует помнить: анализ данного вида аллегорий содержится в наших работах, опубликованных ранее (Золотов 2001; Золотов 1998, с. 139–160). Из этого следует, что мы различаем следующие виды аллегорий: аллегии, изображенные визуально (картины и др.), и аллегии, изображенные не визуально (аллегии, которые встречаются в различных видах текста). Настоящая статья является, прежде всего, *семиотическим анализом* аллегорий (аллегорических изображений), представленных визуально. При этом дается тщательный анализ различных видов *PP*, так или иначе описывающих ценности, т.е. анализируются и объекты *U Мм*. Добавим, что в данной работе мы придерживаемся теории трехплоскостной семантики Г. Фреге (знак, значение, смысл). Именно с учетом данной семантической модели и произведен анализ аллегорических изображений мастеров фламандской и других школ живописи.

ческих изображений *не является текстуальным анализом* аллегорий, которые встречаются в различного рода текстах, и это следует помнить: анализ данного вида аллегорий содержится в наших работах, опубликованных ранее (Золотов 2001; Золотов 1998, с. 139–160). Из этого следует, что мы различаем следующие виды аллегорий: аллегии, изображенные визуально (картины и др.), и аллегии, изображенные не визуально (аллегии, которые встречаются в различных видах текста). Настоящая статья является, прежде всего, *семиотическим анализом* аллегорий (аллегорических изображений), представленных визуально. При этом дается тщательный анализ различных видов *PP*, так или иначе описывающих ценности, т.е. анализируются и объекты *U Мм*. Добавим, что в данной работе мы придерживаемся теории трехплоскостной семантики Г. Фреге (знак, значение, смысл). Именно с учетом данной семантической модели и произведен анализ аллегорических изображений мастеров фламандской и других школ живописи.

Методы, предмет, объект, цели и задачи исследования

Основными методами исследования будут, прежде всего, методы анализа произведений искусства, поскольку нами исследуются как представители фламандской школы живописи (Босх, Питер Брейгель Старший, Робер Кампен, Ганс Мемлинг, Ян Вермеер), так и другие мастера: Александр Евстафиевич Коцебу, Жан-Жак Авриль Старший, Стефано Торелли. В рамках работы рассматривается и творение скульптора Пьетро Баратта. В статье используется такой метод, как искусствоведческий анализ произведений искусства, при котором мы стремимся выяснить содержание и идею произведения, в т.ч. какими художественными средствами автор их раскрывает. В данном случае нас, прежде всего, интересует аллегорическое изображение ценностей (абстрактных понятий) у названных выше мастеров. Это значит, что мы анализируем те объекты (объекты реального мира: люди, предметы, животные, мифические существа и т.д.) в картинах мастеров, которые, прежде всего, обозначают ценности. Кроме того, нами, разумеется, применяется наиболее распространенный метод – метод визуального наблюдения, т.к. картины мастеров мы наблюдаем непосредственно, делая свои выводы (заклучения). Так, при анализе картины Ганса Мемлинга нами именно визуально установлены особенности объектов, фигурирующих в картине «Аллегория невинности». При этом указываются геральдические особенности (признаки) фигур и предметов, изображенных в картине. Т.о., мы используем и геральдический анализ объектов указанной картины.

Логико-когнитивный анализ как метод исследования применяется в рамках СМА, а именно, проводится логико-когнитивный анализ понятий и суждений: анализ именно абстрактных понятий (ценностей) производится для выявления отношений понятий между собой по объему (отношение совместимости и несовместимости), показано, как строится иерархия ценностей и сверхценностей. Анализ суждений как *PP* показывает, что *PP*, т.е. суждения, которые описывают *U Mm*, могут быть как *T*, так и *A* в графе вывода (СМА). Именно *PP* описывают те ценности, которые аллегорически обозначены указанными мастерами. Ценности могут быть как *S* (субъектом), так и *P* (предикатом) *PP*. При этом указывается, что отличительным признаком *PP* в СМА является такая логическая характеристика, как истинностное значение *t* (истина).

Иконологический метод применяется нами при непосредственном анализе аллегорических изображений. Нами выделяется сюжетная линия аллегорических изображений, устанавливается непосредственная связь ценностей и самих аллегорий, анализируется сам сюжет, содержание, изображение и значение данного символа. Аллегории рассматриваются как символ, знак, как ценностное понятие (в СМА), анализируются виды аллегорических изображений (наиболее заметно это при анализе картин мастеров фламандской и других школ живописи). Указывается, что аллегорические изображения ценностей имеют прежде всего символическое значение.

Элементы интерпретационного анализа применяются при объяснении различных аллегорических изображений (значений), их связи с действительностью данного отрезка времени и места. При этом подчеркивается, что одна и та же ценность может быть представлена в различных вариантах, т.е. одна и та же ценность представляется различными аллегорическими изображениями.

Предмет исследования: аллегорические изображения как ценности, факты, выраженные пресуппозициями (*PP*); пресуппозиции (*PP*), описывающие объекты в модели мира (*Mm*) и в универсальной модели мира (*U Mm*).

Объект исследования: произведения искусства (полотна) фламандских и итальянских мастеров (Босх, Питер Брейгель Старший, Робер Кампен, Ганс Мемлинг, Ян Вермеер, Стефано Торелли), иных живописцев (Александр Евстафиевич Кощебу, Жан-Жак Авриль Старший), а также скульптурная композиция Пьетро Баррата.

Цели исследования: выявить онтологическую сущность аллегорического изображения ценностей как логико-когнитивной категории, репрезентирующей *U Mm* в произведениях изобразительного искусства; провести наиболее полный анализ *PP* как особенных объектов, которые связаны с *U Mm* и фактами.

Задачи исследования: определить статус ценностей как понятий, которые являются значениями аллегорических изображений; рассмотреть ценности как субъект (*S*) и предикат (*P*) в *PP*, описывающие *U Mm*; исследовать отношения между ценностями, а также между различными видами *PP* и *U Mm*.

Босх: фокусник или то, что как бы не соответствует действительности

Рассмотрим полотно «Фокусник» (предположительно 1475–1502, холст, масло, 53×65 см). Это необычная и странная картина (копия, оригинал не сохранился), полная символов. Никто до Босха во Фландрии никогда не писал чего-либо подобного. Все пропитано обманом или, в лучшем случае, подменой понятий: сюжет, казалось бы, простой: фокусник (человек среднего возраста, ничем внешне не примечательный, кроме высокой шляпы) находится в сговоре с вором-карманником и отвлекает обывателей. Карманник в очках (фальшивка). Он не тот, за кого себя выдает: очки сдвинуты дальше, чем надо. Это бросается в глаза, но для обывателя он выглядит как бакалавр или магистр (в то время считали, что зрение портится от чтения книг и очки – почти неперемный атрибут образованного человека). Все продумано: фокусник отвлекает внимание, карманник ворует – схема старая и классическая. Но в то же время содержится прямое указание – предупреждение, что признаки (символы) чего-то отрицательного присутствуют изначально: на столе находится жаба – олицетворение зла. Жаба (или лягушка) видна и в рту одного из участников сцены. Это соответствует фламандской поговорке *проглотить лягушку* – быть глуповатым, внушаемым, обманутым. На поясе жертвы мошенников (вора и фокусника) висит красивый, превосходно выполненный дорогой ключ. Данный фрагмент связан с тем, что начиная с 12 века в Европе стали изготавливать сложные ключи и замки с плоскими бронзовыми ажурными и витиеватыми ключами, на первый план вышла эстетика. Такие замки и ключи служили, скорее, украшением и опять-таки подчёркивали престиж и статус их хозяина. Т.о., ключ, висящий на поясе обманутого человека, показывает, что это – богатый, обеспеченный субъект, на что указывает и значительных размеров кошелек, который вор собирает похитить.

Сова в корзине фокусника – это символ зла. Надежду внушает аист – это символ очищения, тот, кто уничтожает жаб и лягушек. Предположительно, Босх рассматривает аиста как знак возмездия – того, что данная кража будет раскрыта и вор с сообщником понесут наказание. Мы не склонны утверждать, что данная картина имеет политическую (антиклерикальную) окраску. То, что сам фокусник одет в одежду, которую некоторые ис-

следователи отождествляют с красной мантией католических кардиналов (хотя такие таро, как Марсельское или Фламандское таро Ванденборре показывают, что красный цвет всегда присутствует в одежде Мага), не более чем совпадение или, в крайнем случае, намек. Одежда карманника, которая похожа на ту, что носят и поныне члены доминиканского ордена, могла быть просто украдена или куплена (согласно сюжету полотна), вероятно, даже в целях маскировки. Стол мы также не будем отождествлять с алтарем. Это было бы слишком смело, даже цинично. Тогда картина носила бы полностью антиклерикальный характер, что относилось бы ее к разряду еретических. Стол, который служит как бы сценой и находится в центре

Магов на уровне пояса. Общее в изображении Магов различных таро – это цвета его одежды, в которых обязательно присутствует красный цвет. Все Маги в необычных головных уборах, на столах у них различные предметы, смысл и значение которых в настоящее время мало понятны. Им дается неоднозначное толкование. Очевидно, что это предметы, непосредственно связанные с деятельностью Мага: прежде всего аксессуары, которыми пользуется аптекарь (сумка аптекаря для трав, ножи, чашки для смесей, кувшинчик). Можно предположить, что эти предметы каким-то образом связаны и с алхимией. Количество предметов на столе Мага в различных колодах таро иногда совпадает (табл. 1).

Количество предметов на столе Мага различных колод таро

Таблица 1

The number of items on the Mage's table of various Tarot decks

Table 1

№	Название колоды таро	Количество предметов и их назначение
1	Марсельское	Два наперстка, два ножа, семь шариков, раскрытая сумка
2	Tarot Classic	Два наперстка, два ножа, семь шариков, раскрытая сумка

полотна, ничем сам по себе не примечателен, а вот предметы на нем представляют интерес. Всего на столе находится семь предметов: три небольших шара (точно не известен материал, из которого они изготовлены). Одна палочка небольших размеров, две емкости, похожие на наперстки или небольшие стаканы из светлого металла (возможно, серебра), и одна емкость конической формы, усеченная сверху. В правой руке фокусника один шар, в левой – какой-то предмет белого цвета, смысл и назначение которого неизвестны. Возможно, предметы на столе как-то связаны с картой таро Фокусник. Если рассматривать данный сюжет как карту таро, анализ необходимо вести, руководствуясь изображениями мага (фокусника) от таро Висконти-Сфорца – собирательное название дорогих подарочных карт (приблизительно 1450–51 гг.). Данная колода считается самой старой, дошедшей до нас, как и Марсельское таро, которые содержат изображения Мага (Фокусника). Фламандское таро Ванденборре считается более поздним, но фигура Мага в общем повторяет фигуру Мага на ранних таро. Маг в общераспространенном таро более позднего времени (Tarot Classic) располагает теми же предметами, что и в Марсельском таро. Очень интересно, что Маг в Tarot Classic и Марсельском таро, как и Фокусник у Босха, держит в правой руке какой-то круглый предмет (шарик), такой же, как и на столе. Разница заключается лишь в том, что у Босха Фокусник поднимает правую руку с шариком на уровень лица, а в Tarot Classic и Марсельском таро правая рука с шариком находится у

Мало кто из исследователей в данной картине обратил внимание на собаку в странном головном уборе, имеющем форму стилизованного колпака, наподобие того, какие носили шуты, которая расположилась у ног фокусника. Она символизирует розыгрыш и обман. Т.е. одна из сторон выступает в роли одураченного. Странное одеяние собаки дополняет черный кожаный пояс, украшенный инкрустациями. В данном случае толковать связь фокусника и собаки возможно двояко: собака – это слуга сил зла, она привязана к фокуснику и охраняет его, она предана ему и наблюдает за обстановкой. Кроме того, черная собака (черный пес) обозначал в указанный период времени неверие, угрозу, колдовство, связь с темными силами, хотя данная собака не чисто черного окраса, но темно-го. Центральная фигура – Фокусник, заслуживает того, чтобы его рассмотрели отдельно:

1. Головной убор Фокусника (странная высокая шляпа) не типична для простых горожан или крестьян. Скорее всего, она является отличительным знаком, показателем того, что данный человек – особенный (в колоде таро фокусник всегда изображен в причудливом головном уборе).
2. На поясе у фокусника небольшая плетеная корзина, в которой сидит сова – символ зла, который часто встречается у Босха.
3. У ног фокусника изображена собака в странном колпаке и поясе, которая охраняет его и наблюдает за окружающими.
4. Фокусник (человек средних лет, среднего роста, без особых примет (так же как и в колоде

таро), внешность которого идеально подходит для мошенника.

5. Из всех присутствующих Фокусник – наиболее сообразительный и хитрый, он отвлекает внимание присутствующих манипуляциями, которые некоторым кажутся удивительными. Именно Фокусник знает, что его номера – это простое мошенничество, итог которых – оставить без денег доверчивого человека. Т.о., он один как бы контролирует всю ситуацию, несмотря на его помощника (вора).

6. Изображение Фокусника у Босха соответствует смыслу одноименной карты в колоде таро (Mag, Фокусник), в которой он производит изменения, чтобы вызвать появление желаемых результатов.

У Босха рассмотренные признаки Фокусника характеризуют его как центрального отрицательного персонажа, прообразом которого является изображение Мага из карт таро, хотя по своему оккультному содержанию карта Маг является фигурой двойкой: с одной стороны, он, конечно же, иллюзионист, чем-то похожий на плутоватого рыночного торговца, тот, кто способен удивить публику некими таинственными действиями; с другой стороны, Маг – умный и сообразительный индиви-

дуум, обладает знаниями, действует и добивается, держит ситуацию под контролем. Карта классического таро содержит ценности, нумерацию и названия. Изначальные карты колод Висконти Сфорца, дошедшие до наших дней и хранящиеся в частных коллекциях и музеях, не содержали ни нумерации, ни каких бы то ни было словесных описаний и названий. В Классическом же таро (более позднее, современное издание, основанное на Марсельском и Tarot Classic) присутствуют как номера, так и словесные описания и, что особенно интересно, явно обозначенные ценности, которые напечатаны по краям и характеризуют Мага: VOLONTA (итал.) – желание; WILL (англ.) – воля; VOLONTE (франц.) – воля, желание, стремление; WILLE (нем.) – воля, желание (табл. 2).

Ценности содержатся в суждениях алетического типа и описывают U Mm: □р (необходимо, что р, в которых они могут являться как предикатами (P), так и субъектами (S)). Ценности, которые подразумеваются в полотне «Фокусник», представим следующим образом в табл. 3.

Данные PP, описывающие U Mm, будут исключительно ценностного типа. Кроме того, смысл данной сцены (полотна) возможно описать следую-

Виды колод, ценности и ценностные суждения

Таблица 2

Types of decks, values and value judgments

Table 2

№	Виды колод	Ценности	Ценностные суждения
1	Висконти–Сфорца	Не обозначены	Не подразумеваются
2	Марсельское	Не обозначены	Не подразумеваются
3	Tarot Classic	Не обозначены	Не подразумеваются
4	Классическое	Обозначены явно: VOLONTA (итал.) – желание; WILL (англ.) – воля; VOLONTE (франц.) – воля, желание, стремление; WILLE (нем.) – воля, желание.	Алетического типа: □р

Символы, ценности и алетические суждения, содержащие ценности

Таблица 3

Symbols, values and alethic judgments containing values

Table 3

№	Символ	Ценность	Подразумеваемое ценностное суждение (алетическое)
1	Жаба (лягушка)	Зло	□р (необходимо здесь присутствует зло)
2	Аист	Добро, возмездие	□р (необходимо зло будет наказано)
3	Собака в странном колпаке и поясе	Верность злу	□р (необходимо здесь присутствует зло)
4	Сова	Зло	□р (необходимо здесь присутствует зло)

щим сложным суждением ценностного типа: *тот, кто позволяет себя одурачить фокусами, теряет свои деньги и становится посмешищем для детей*. Данное сложное суждение является смыслом полотна и *PP* и описывает *U Mm*. Вообще, количество *PP*, которые описывают объекты *U Mm*, может быть значительным даже при небольшом количестве объектов. В нашем случае это все объекты полотна Фокусник. Смысл картины вполне возможно представить как *T*, а остальные *PP* как A_n уровня.

Вам и не снилось: сад земных наслаждений у Босха и проблемы, связанные с описанием несуществующих объектов

И. Босх в триптихе «Сад земных наслаждений» (триптих, 1500–1510, дерево, масло, 389×220 см) создал нереальную ситуацию: все пропитано колдовством и магией, различные фантастические объекты удивляют как формой, так и содержанием. *PP*, описывающие данное произведение, не могут иметь какую-либо логическую характеристику. Все они вымышлены и не имеют никакого отношения к действительности. Никто и никогда до Босха и после не создавал ничего подобного. В данной работе искусствоведческий анализ триптиха производиться не будет, поскольку это требует отдельного, значительного по объему исследования, смысл произведения угадывается туманно, символы вряд ли могут быть до конца объяснены, многое утрачено со временем (Золотов 2001, 2002, с. 16–19).

Проблема в том, что мы не можем описать объекты. *PP* будут не истинными (а скорее, ложными). Вся ситуация нереальна. В отличие от более позднего мастера Франса Снейдерса (1579–1657 – ученика Питера Брейгеля Младшего и Хендрика ван Балена), который иногда просто писал то, что он видел и с чем сталкивался ежедневно, то, что, представало перед его глазами (рыбную лавку, рыбный рынок, овощную и фруктовую лавки, лавку с дичью и т. д.). У Снейдерса все объекты описываются *PP* без особых проблем. Но вот как

описать вымышленный мир? Онтологически реалистичных объектов на данном полотне не существует (они не существуют в принципе) и не могут существовать вообще. *PP*, описывающие различные объекты *Mm* или *U Mm*, должны иметь только одно истинностное значение *t*, поскольку вывод *T* осуществляется из *PP*, которые должны также иметь истинностное значение *t*: из $A_n(t) \vdash T(t)$, где $A_n(t)$ – аргументы первого и последующих уровней (*A* первого уровня являются также и *PP*), а *T* не может быть *PP*, поскольку выводится из A_n уровней. Данная проблема, связанная с *PP*, истинностное значение которых изначально *f*, не является новой. Она рассмотрена нами в (Золотов 2021, с. 100–105). Данные объекты у Босха (в виде понятий) находятся в ложной *Mm* (*F Mm*), а *PP*, которые их описывают, не будут иметь истинностного значения *t*. Все *PP* имеют только одно истинностное значение *f*. *F Mm* содержит объекты, которые не существуют как таковые (они не могут существовать вообще). В рамках *СМА* корректный вывод в таком случае невозможен, поскольку предполагается, что все *PP* имеют значение *t* изначально. Поскольку *PP* в *F Mm* имеют истинностное значение *f*, мы сталкиваемся с парадоксом материальной импликации, когда из *f* следует все что угодно. Построение вывода будет идти от *PP*, истинностное значение которых изначально *f*. В этом случае отношение логического следования может как иметь место, так и не иметь. В любом случае такой вывод должен строиться отдельно. В данном случае вывод будет выглядеть следующим образом: $A_n(f) \vdash T(?)$, где $A_n(f)$ – аргументы первого и последующих уровней. Из *f* следует все что угодно.

При *Df* и анализе объектов в *Mm* или *U Mm* прежде всего принимается во внимание экзистенциальный аспект: устанавливается, существует объект на самом деле или нет. При этом отметим, что анализ существования объектов может происходить как осознанно, так и интуитивно. Это можно показать следующим образом (рис. 1).

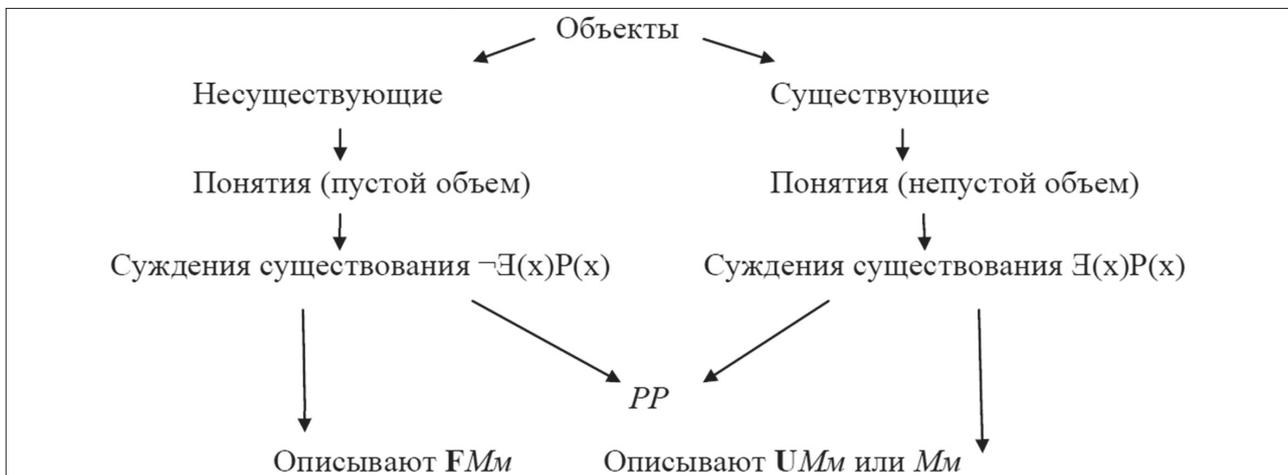

Рис. 1
 Pic. 1

Карты таро, название произведения, смысл, вид суждения

Таблица 4

Tarot cards, title of the work, meaning, type of judgment

Table 4

№	Карта таро	Название работы Босха	Смысл работы, выраженный в пословице	Вид суждения
1	Фокусник	Фокусник	Тот, кто позволяет себя одурачить фокусами, теряет свои деньги и становится посмешищем для детей	суждения алетического типа ◇р, □р, Δр
2	Любовники	Сад земных наслаждений	Счастье и стекло недолговечны	Суждения алетического и деонтического типа ◇р, □р, Δр, O(d), F(d), P(d)

Таблица 5

Название карт таро и неявно выраженные ценности у Босха

Table 5

Name of tarot cards and implicit values in Bosch

№	Название карт таро	Ценности у Босха (неявно выраженные)
1	Фокусник	зло, добро, возмездие, обман, мошенничество
2	Любовники	любовь, сладострастие, выбор, грех, добро, зло

Смысл творения Босха «Сад земных наслаждений» (кстати, данное метафоричное название дано позже, а истинное название триптиха неизвестно) возможно интерпретировать, используя такую карту таро, как *Любовники*. Эта карта при всей ее кажущейся простоте является сложной для анализа. Карта *Любовники* поднимает такую метафизическую проблему, как детерминизм и свобода воли. Проблему, которая никогда не будет разрешена. В западной философской традиции считалось, что человек осознанно и ответственно осуществляет выбор, в восточной – наоборот; наш вариант – западный. Поскольку эта карта называется *Любовники*, ценность, которая ясно и четко обозначена, – *любовь* (табл. 4).

Ценности, подразумеваемые в произведениях Босха «*Фокусник*» и «*Сад земных наслаждений*», следующие (табл. 5).

Попытка рассмотреть влияние мотивов карт таро на некоторые работы Босха ждет своего исследователя. Возможно, именно этим мы и займемся в дальнейшем. По крайней мере, такой подход представляется нам оригинальным и может принести неожиданные результаты. Мы ещё раз подчеркиваем, что анализ данного произведения Босха (искусствоведческий или логико-когнитивный) потребует отдельной, очень значительной по объему работы. И это тот случай, когда мы, к сожалению, не сможем этого сделать в рамках данного исследования.

Аллегорическое изображение пословиц как ценностей у Питера Брейгеля Старшего

Аллегорическое изображение пословиц у Питера Брейгеля Старшего (фламандские пословицы

1559), наряду с изображением семи смертных грехов у Босха (семь смертных грехов и четыре последние вещи (1475 – 1480), ставит перед нами неожиданную проблему следующего плана: в какой мере мы можем считать аллегорическое изображение пословиц (с их текстовой интерпретацией) *PP*? *PP* в *СМА* (Золотов 2003, с. 172–174; Золотов 2021, с. 100–105) имеют следующие признаки:

1. Являются основанием графа вывода **T** (тезиса) из A_n (аргументов *n* уровней).
2. Описывают *Mm* (модель мира) или *U Mm* (универсальную модель мира) и ценности непосредственно.
3. Могут быть суждениями различного типа (двухзначной и многозначной логики).
4. Могут быть простыми категорическими суждениями типа **A E I O**.
5. Могут быть посылками различного вида умозаключений (дедуктивных, индуктивных, по аналогии).
6. Имеют истинностное значение **t** (истина).
7. Могут описывать несуществующие объекты или объекты, имеющие статус метафизических (вымышленных) сущностей.

PP – т.е. это единичные суждения типа *P(a)* или реляционные типа *R(a,b)*, *R(a,b,c)*. Основания считать *PP* общими суждениями дает нам следующее соображение: и те, и другие суждения высказываются обо всем объеме субъекта.

Аллегорическое изображение фламандских пословиц Питером Брейгелем Старшим (ориентировочно 1525–1569) – картина, в которой художник проиллюстрировал свыше ста пословиц. Если некоторые из пословиц понимаются сразу (например, *смотреть сквозь пальцы*), то другие без

знания фламандского фольклора 16 века понять невозможно. При этом будем отличать пословицы от поговорок.

Df.1. Под пословицей будем понимать общеупотребительное изречение (суждение) с поучительным (назидательным) смыслом, имеющее ценностную структуру. Это всегда ценностное суждение деонтического типа, предписывающее какое-либо действие.

Df.2. Под поговоркой будем понимать часть суждения (фрагмент) или суждение или в некоторых случаях сжатое умозаключение (по аналогии свойств или отношений), которое не всегда содержит поучительный смысл, но имеет буквальное значение.

Можно сказать, что, помимо поговорок, в естественном языке имеется множество предложений такой же грамматической структуры, которые принципиально не могут иметь четкой и однозначной интерпретации. Некоторые исследователи предлагают назвать их «квазивысказываниями» (Микиртумов 2014, с. 18). Согласно **Df.2**, поговорки имеют буквальное значение. Поговорка, в отличие от пословицы, не содержит обобщающий поучительный смысл и может не иметь форму повествовательного предложения, т.е. суждения. Пословица может быть изображена аллегорически, а поговорка – нет, хотя и может изначально содержать ценности. В связи с этим трудности, связанные с аллегорическим изображением поговорок, пока не преодолены.

Согласно **Df.1**, пословица имеет форму повествовательного предложения и т.о. является суждением с такими логическими характеристиками, как логическая форма и истинностное значение (**t** (истина) или **f** (ложь)). Это значит, что пословицы имеют статус *PP*, которые описывают **U Mm** или какую-либо *Mm* в **СМА**.

Поговорка может иметь различные структуры: например, быть метафоричной (т.е. иметь форму свернутого умозаключения по аналогии свойств или отношений), иметь форму сравнения, что также является свернутым умозаключением по аналогии. В таком случае они также являются суждениями, описываемыми *Mm*. Трудность заключается в том, что поговорка может быть суждением, а может им не являться. Согласно **Df.2**, поговорки не всегда есть *PP* в **СМА**. Они могут не являться суждениями, которые описывают *Mm* или **U Mm**. Для поговорки всегда важен контекст использования, какая-либо ситуация, так же как и для пословицы, хотя это и не всегда обязательно. Интерпретация некоторых поговорок как суждений показывает, что пословицы в этом случае ничем не отличаются от поговорок по своей логической форме. Поговорки могут быть суждениями двух типов: ценностными или когнитивно обоснованными. Поговорки могут быть тавтологиями, а

пословицы нет. Например, поговорка *жизнь есть жизнь* является тавтологией, но подобных пословиц нет.

Таким образом, и пословицы, и некоторые поговорки возможно интерпретировать как суждения, имеющие такие логические характеристики, как логическую форму и истинностные значения (**t** – истина или **f** – ложь).

Пословицы, в отличие от поговорок, имеют форму повествовательных предложений, т.е. являются как сложными, так и простыми суждениями, которые описывают *Mm* или ценности. Ранее для удобства нами была предложена универсальная *Mm* (**U Mm**), содержащая все объекты, в т.ч. и ценности (Золотов 2021, с. 100–105). Отличие *PP* от аксиом в том, что *PP* описывают *Mm* или ценности или **U Mm** непосредственно и не могут быть взяты и выражены произвольно, как аксиомы. Т.е. *PP* могут быть выражены как явно, так и неявно. Общее у *PP* и тавтологий – это то, что *PP* так же как и тавтологии, изначально принимаются за суждения с логическим значением **t** (истинностное значение, истина).

Под тавтологическими суждениями будем понимать суждения типа **S** есть **S** (вариант простых атрибутивных суждений) или $p \rightarrow p$ на языке логики суждений (**ЯЛС**), или $P(a) \rightarrow P(a)$, $R(a,b) \rightarrow R(a,b)$ на языке предикатов первого порядка – (**ППП**) и т.д. Тавтологии сами по себе всегда имеют истинностное значение **t** (истина). Отличие *PP* от тавтологических суждений заключается в том, что *PP* являются основанием (**A_n** уровня), т.е. суждениями факта (когнитивно обоснованными) или ценностными. *PP* могут быть тавтологиями, однако это ничего не дает нам в плане информативности, ничего нового о мире (*m*) мы не узнаем. Умозаключения тавтологического типа в тексте в отличие от других видов умозаключений встречаются редко. Ценностные и фактуальные (когнитивные) суждения могут быть *PP* – тавтологиями. Это можно показать на следующей схеме (рис. 2).

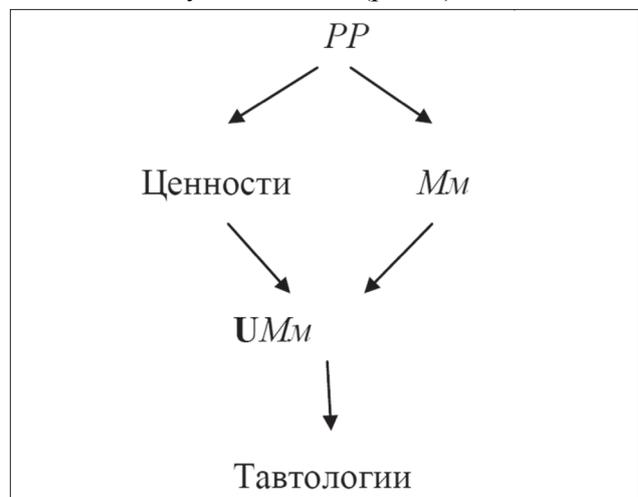

Рис. 2
 Pic. 2

Аллегорическое изображение пословиц Питером Брейгелем Старшим позволяет выделить нам пословицы как *PP*, которые в данном случае изображаются аллегорически в связи с местом и временем, т.е. серединой 16 в. Аллегорические изображения сами по себе не являются *PP* – это символ, который понятен носителям естественного мышления. Текст, закрепленный за аллегорическими изображениями – это неявно обозначенный объект (Золотов 2005; Золотов 2020, с. 16–19), имеющий субъектно-предикатную структуру (фор-

ма простого категорического суждения: **А, Е, I, O**) и логическую форму как простого, так и сложного суждения. Вопрос в том, что является *PP*: текст поговорки или ее смысл? Какие ценности явно или неявно обозначены? Являются ли поговорки (*PP*) суждениями по своей сути смешанными, т.е. описывающими какую-либо *Мм*, а на самом деле подразумеваемыми ценности?

Рассмотрим несколько фламандских поговорок, аллегорически изображенных Питером Брейгелем Старшим (табл. 6).

Таблица 6

Аллегорические изображения, текст пословицы (интерпретация пословиц), смысл пословиц и ценности

Table 6

Allegorical images, text of proverbs (interpretation of proverbs), meaning of proverbs and values

№	Аллегорические изображения (явные объекты)	Текстовая интерпретация пословиц (неявные объекты)	Смысл пословицы (неявные объекты)	Ценности (неявные объекты)
1	Мужчина смотрит на растопыренные пальцы правой руки, поднося их близко к лицу	Смотреть сквозь пальцы	Быть снисходительным к чему-либо	Снисхождение
2	Женщина в красном платье накидывает на мужчину голубой плащ (красный считался цветом греха, а голубой часто означал обман или глупость)	Одевать (на мужа) синий плащ	Жена изменяет (обманывает) мужа	Измена, обман
3	Хорошо одетый мужчина стоит на ступеньках у воды и кидает монеты в воду	Бросать деньги в реку	Быть расточительным, тратить деньги зря	Расточительство, мотовство
4	Две собаки – черная и белая грызут одну кость	Две собаки на одну кость не согласятся	Находиться в конфликтной ситуации, отсутствие согласия между людьми, наличие спорной ситуации, конкуренция	Конфликт, несогласие, вражда, конкуренция
5	Женщина в одной руке несет ведро, в другой – дымящуюся головню	В одной руке огонь, в другой – вода	Быть непостоянным, двуличным, противоречивым	Двуличие, противоречие, непостоянство
6	Большие ножницы вывешены на штыре	Вывешивать ножницы (там вывешены ножницы). Этот дом имеет вывеску ножницы	Обман в каком-либо месте или в делах	Обман, плутовство
7	В арке дома мужчина сидит между двух стульев	Сидеть между двух стульев	Быть нерешительным	Нерешительность
8	В здании у раскрытого окна двое мужчин хватают один другого правыми руками за носы	Водить друг друга за нос (обманывать друг друга)	Обманывать, вводить в заблуждение, мошенничать	Обман, мошенничество
9	На пустыре мужчина испражняется под виселицей	Испражняться под виселицей, гадить под виселицей	Отсутствие страха перед наказанием. Неуважение к закону	Неуважение (к правовым нормам). Правовой нигилизм
10	Женщина в чердачном окне левой рукой придерживает таз, правой бреет без мыла мужчину, на голове которого колпак с ослиными ушами. Мужчина также придерживает таз правой рукой, добровольно участвуя в этом бритье	Брить дурака (глупца) без мыла	Обманывать кого-либо	Обман

Аллегорические изображения пословиц у Питера Брейгеля Старшего показывают, что *PP* их делает интерпретация, т.е. текстовое выражение в виде суждения, которое знает и с которым знаком носитель естественного мышления в контексте культуры того времени (16 в.). Как видно, в схеме, представленной ниже, аллегорические изображе-

ния являются явными объектами, которые подразумевают текстовую интерпретацию пословицы, ее смысл и ценности, которые все являются неявно обозначенными объектами (рис. 3).

Признаки пословиц и поговорок как *PP* можно наглядно показать в виде следующей схемы (рис. 4).

Аллегорические изображения пословиц (**явно** обозначенный объект)

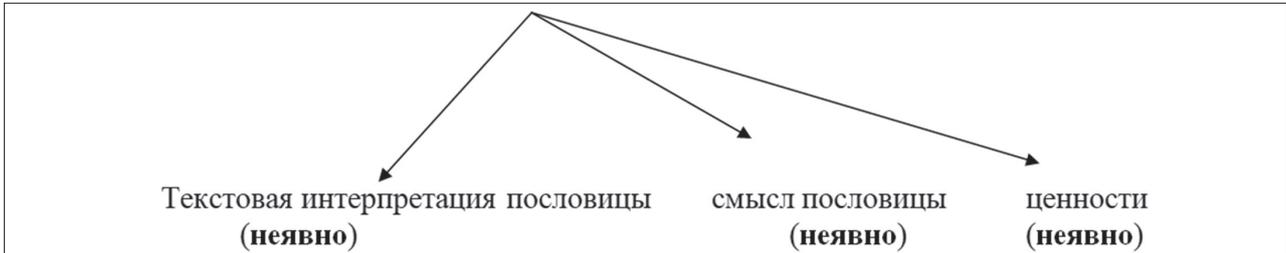

Рис. 3
 Pic. 3

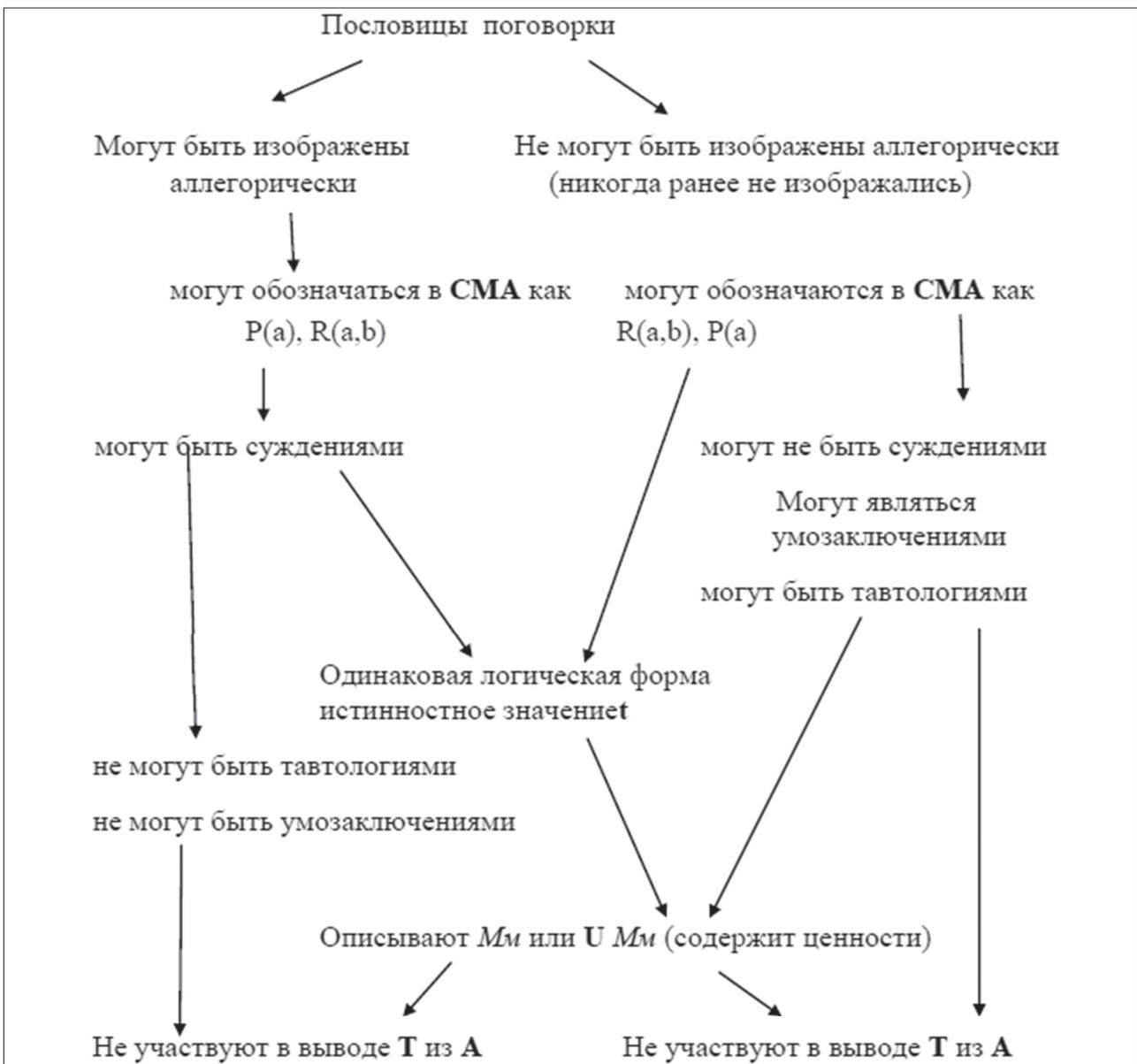

Рис. 4
 Pic. 4

Как видно, поговорки и пословицы могут описывать *Мм* или *U Мм* и быть даже умозаключениями (это относится к поговоркам), но не будут участвовать в выводе *T* из *A*, поскольку применяются в контексте какой-либо ситуации. Они просто декларируются в контексте (факта). *PP*, являющиеся пословицами или поговорками и описывающие *Мм* или *U Мм*, могут быть представлены в виде отдельного графа или изображены следующим образом (рис. 5).

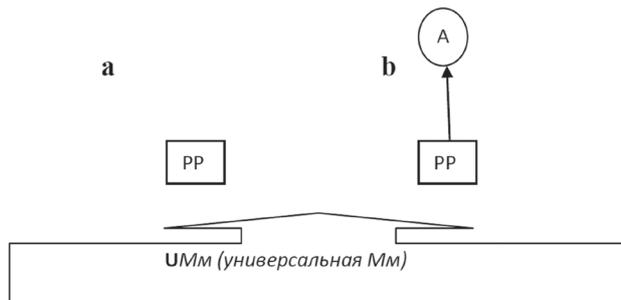

Рис. 5
Рис. 5

Здесь **a** – это *PP* в виде пословиц, **b** – это *PP* в виде поговорок, но с учетом того, что вершина **A** – это вывод умозаключения по аналогии свойств или отношений; свернутое умозаключение по аналогии всегда может быть реконструировано на основе *U Мм*.

Библиографический список

Udo, Arnold (1998), *Die Hohmeister Des Deutschen Ordens, 1190–1994*, N.G. Elwert, Marburg, Germany.

Fisher, Irving (1912), *Elementary Principles of Economics*, Macmillan Company, New York, USA.

Kipling, R. (1998), *The Ballad of East and West*, England, UK.

Lewis, C.I. (1927), N.O. Losskij. *Handbuch der Logik*, autori-sierteübersetzung von Prof. Dr. W. Sessemann. Leipzig u. Berlin. 1927, *The Journal of Philosophy*, vol. 24, pp. 665–667.

Lewis, C.I. (1946), *An Analysis of Knowledge and Valuation*, Open Court, La Salle, Illinois, USA.

Lichtheim, M. (1973), *Ancient Egyptian Literature*, *University of California Press*, vol. 1, p. 194.

Mally, Ernst (1926), *Grundgesetze des Sollens: Elemente der Logik des Willens*, Graz: Leuschner und Lubensky, Universitäts-Buchhandlung, viii+85 pp. Reprinted in Ernst Mally, *Logische Schriften: Großes Logikfragment, Grundgesetze des Sollens*, Karl Wolf and Paul Weingartner (eds.), Dordrecht: D. Reidel, 1971, pp. 227–324.

Бабенко В. Этот прекрасный полоумный маркиз де Сад: жизнь, страсти, творчество. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. 406 с.

Бахтин А.П. Немецкий орден. Калининград: Живем, 2020. 1072 с.

Белнап Н., Стил Т. *Логика вопросов и ответов*. Москва: Прогресс, 1981.

Брюшинкин В.Н. Анализ аргументации в трактате Канта «О поговорке: может быть это и верно в теории, но не годится для практики» // Юбилейная международная научная конференция, посвященная 450-летию основания Кенигсбергского университета Альбертина. Калининград, 26–29 сентября 1994 г. Секция 2: Философия. Калининград, 1994. С. 10–11.

Брюшинкин В.Н. Сравнительное исследование западнорусской и русской философии методами теории аргументации на примере текстов И. Канта и В. Соловьева. Материалы к сравнительному изучению западноевропейской и русской философии: Кант, Ницше, Соловьев / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. с. 7–33.

Брюшинкин В.Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация / под ред. В.Н. Брюшинкина, В.И. Маркина. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. С. 29–34.

Брюшинкин В.Н. Практический курс логики для гуманитариев. Москва: Новая школа, 1996. 320 с.

Брюшинкин В.Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика: Труды международного семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений, Калинингр. Ун-т. Калининград, 2000. С. 133–154.

Брюшинкин В.Н. Системная модель аргументации как основа методологии философской компаративистики. Модели мира. Исследования по логике, аргументации и истории философии: Сб. науч. статей / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Изд. 2-е, испр. и доп. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 66–85.

Брюшинкин В.Н. *Логика. Мышление. Информация*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1988. 152 с.

Вригт Г.Х. фон. *Нормы, истина и логика* // Логико-философские исследования. Москва, 1986. С. 290–411.

Вригт Г.Х. фон. *О логике норм и действий* // Логико-философские исследования. Москва, 1986. С. 245–289.

Вригт Г.Х. фон. *Новый подход к логике предпочтения* // Логико философские исследования. Москва, 1986. С. 411–448.

Глинчикова А.В. Субъектно-зависимая нормативность в деонтических построениях Г.В. Лейбница, И. Бенстама и Э. Малли // Сборник тезисов докладов конгресса молодых ученых. Вып. 3. Санкт-Петербург: НИУ ИТМО, 2014. С. 245–247.

Глинчикова А.В. Деонтическое исчисление Эрнста Малли // Сборник тезисов докладов конгресса молодых ученых. Вып. 3. Санкт-Петербург: НИУ ИТМО, 2013. С. 156–157.

Гулыга А.В. Кант. Москва: «Молодая Гвардия», 1977. 304 с.

Дмитриева А.А. Картина Яна Вермеера Делфтского «Аллегория живописи» («Живописец в мастерской»). Основные проблемы иконографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Вып. 3. Санкт-Петербург, 2009. С. 130–139.

Дьюи Дж. Психология и педагогика / пер. с англ. Н.М. Никольской. Москва: Совершенство, 1997. 208 с.

Золотов Э.С. Аллегии: смысл и значение. // Методологические основания современной филологии: идеализм и материализм в науке: Материалы международной Летней школы молодого филолога. Приморье. 1-4 июля 2001 г. Калининград: Изд-во КГУ, 2001.

Золотов Э.С. Пресуппозиции как объект логико-когнитивного анализа: методологический аспект // Информация-Коммуникация-Общество (ИКО-2003): Тезисы докладов и выступлений Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 11-12 ноября, 2003. С. 172–174.

Золотов Э.С. Пресуппозиции и модели мира в системной модели аргументации // Инновационные подходы в современной науке: сб. ст. по материалам LXXXV Международной научно-практической конференции «Инновационные подходы в современной науке». № 1(85). Москва: Изд. «Интернаука», 2021. С. 100–105.

Золотов Э.С. Извлечение знаний из текстов предметной области: методология поиска неявно выраженных объектов // VIIIth International Conference Cognitive Modeling in Linguistics – 2005. Varna, Bulgaria. September 4-11. V.II.

Золотов Э.С. Прагматические аспекты «системной модели аргументации» // Внутренние и внешние границы филологического знания: Материалы Летней школы молодого филолога. Приморье. 1-4 июля 2000 г. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. С. 44–49.

Золотов Э.С. Высокоуровневые концептуальные модели ER (Entity-Relationshipmodel) в системной модели аргументации: перспективы исследования // VII-я научная конференция «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке». Санкт-Петербург. 20-22 июня 2002 г. Труды международного семинара. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 157–159.

Золотов Э.С. Когнитивный анализ текста на примере процесса построения ценностной и когнитивной карты трактата Тертуллиана «De testimonio animae» // Языкознание 21-го века: проблемы и перспективы. Светлогорск. 20-23 сентября 2001 г. Труды международного семинара. Калининград: Изд-во КГУ, 2001.

Золотов Э.С. Исследование средств усиления аргументации в трактате Тертуллиана «De

testimonio animae» // Логическое кантоведение-4: Труды международного семинара. Калинингр. ун-т. Калининград, 1998. С. 139–160.

Золотов Э.С. Пример построения диаграмм «жизненный цикл сущности» в системной модели аргументации (СМА): онтологический аспект // Международная научная конференция «Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира». Северодвинск. 21-23 мая 2002 г. С. 15–16.

Золотов Э.С. Смысл и значение аллегорий как неявно обозначенных объектов в системной модели аргументации (СМА) // Интернаука: электрон. научн. журн. 2020. № 47(176). С. 16–19.

Золотов Э.С. Результат применения системной модели аргументации к анализу текста // Международная научная конференция «Инновации в науке и образовании - 2004», 20-22 октября. Материалы. Калининград, 2004. С. 182.

Золотов Э.С. Особенности применения теории графов при системном анализе текста // Universum: технические науки: электрон. научн. журн. 2021. 7(88). URL: <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/12053> (дата обращения: 15.11.2021).

Караваев Э.Ф. Деонтическая логика // Символическая логика; под ред. А.И. Мигунова, Я.А. Слинина, Э.Ф. Караваева. Изд-во СПбГУ, 2005.

Караваев Э.Ф. Еще раз о трудностях построения деонтической логики // Логические исследования. Вып. 12. Москва: Наука, 2005. С. 170–181.

Караваев Э.Ф. Проблемы семантики временной логики // Логика и теория познания. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 119–128.

Караваев Э.Ф. Рациональность нормативной системы и деонтическая логика // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы VII Общероссийской научной конференции. 20-22 июня 2002 г. Санкт-Петербург, 2002. С. 58–60.

Куайн У.В.О. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. Москва, 2010.

Кюн Манфред. Кант: биография; пер. с английского А. Васильевой, под научной редакцией К.Чепурина. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 608 с.

Лакиер А.Б. Глава третья, § 20 ... Четвероногие животные... // Русская геральдика. Москва: Книга, 1990.

Ларошфуко, де Ф. Максимы. Москва: Азбука-Аттикус, 2015. 224 с

Лисанюк Е. Н. Развитие представлений о нормах в деонтической логике // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Философия. Т. 8 (2010). Вып. 1.

Лосский Н.О. Логика. Часть первая. Петроград: Наука и школа, 1922.

Микиртумов И.Б. Элементы логики Эрнста Малли: предметно-теоретические основания и

проблемы интерпретации // Логико-философские штудии. Санкт-Петербург. Вып. 12, 2014.

Непейвода Н.Н. Прикладная логика: учеб. пособие. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. 385 с.

Ротенберг Е.И. Картина Яна Вермера Делфтского «Искусство живописи» // Из истории классического искусства Запада: Сб. ст. по материалам конференции к 80-летию Е.И. Ротенберга. Москва, 2003. С. 96–133.

Сад Д.А.Ф. Философия в будуаре; Эрнестина; Флорвиль и Курваль; Двойное испытание; Занимательные истории, новеллы и фаблю // Маркиз де Сад [Пер. с фр.]. Санкт-Петербург: Продолжение жизни, 2003. С. 477.

Сологубов А.М. Модели мира и метафоры в аргументации // Вестник Калининградского университета. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 27–33.

Сологубов А.М. Модель мира и последние основания аргументации (на примере кантовских текстов) // Модели мира. Исследования по логике, аргументации и истории философии: сб. научных статей; под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 109–118.

Талб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком неопределенности. 2-е изд., доп.; пер. с англ. Москва: Колибри, Азбука-Аттикус, 2020. 736 с.

References

Udo, Arnold (1998), *Die Hohmeister Des Deutschen Ordens, 1190–1994*, N.G. Elwert, Marburg, Germany.

Fisher, Irving (1912), *Elementary Principles of Economics*, Macmillan Company, New York, USA.

Kipling, R. (1998), *The Ballad of East and West*, England, UK.

Lewis, C.I. (1927), N.O. Losskij. Handbuch der Logik, autori-sierteübersetzung von Prof. Dr. W. Sessemann. Leipzig u. Berlin. 1927, *The Journal of Philosophy*, vol. 24, pp. 665–667.

Lewis, C.I. (1946), *An Analysis of Knowledge and Valuation*, Open Court, La Salle, Illinois, USA.

Lichtheim, M. (1973), Ancient Egyptian Literature, *University of California Press*, vol. 1, p. 194.

Mally, Ernst (1926), *Grundgesetze des Sollens: Elemente der Logik des Willens*, Graz: Leuschner und Lubensky, Universitäts-Buchhandlung, viii+85 pp. Reprinted in Ernst Mally, *Logische Schriften: Großes Logikfragment, Grundgesetze des Sollens*, Karl Wolf and Paul Weingartner (eds.), Dordrecht: D. Reidel, 1971, pp. 227–324.

Babenko, V. (2015), *This smart, crazy Marquis de Sade: life, passions, creation*, Armchair Scientist Publishing House, Moscow, Ekaterinburg, Russia.

Bakhtin, A.P. (2020), *Teutonic Order*, Zhivem Publishing House, Kaliningrad, Russia.

Belnap, N. and Steel, T. (1981), *The logic of questions and answers*, Progress Publishing House, Moscow, Russia.

Bryushinkin, V.N. (1994), The analysis of arguments in the Kant's essay "Ueber den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht fuer die Praxis", *The Anniversary International Scientific Conference, dedicated to the 450th anniversary of the founding of Albertina University of Königsberg*, September 26–29, Section 2: Kaliningrad, pp. 10–11.

Bryushinkin, V.N. (2002), *The comparative study of Western Russian and Russian philosophy by methods of argumentation theory on the example of texts by I. Kant, F. Nietzsche, V. Solovyov*, V.N. Briushinkin (ed.), Kaliningrad State University Publishing House, Kaliningrad, pp. 7–33.

Bryushinkin, V.N. (2003), The critical thinking and argumentation, *The critical thinking, logic, argumentation*, V.N. Briushinkin and V.I. Markina (ed.), Kaliningrad State University Publishing House, Kaliningrad, pp. 29–34.

Bryushinkin, V.N. (1996), *The practical course for humanities scholars*, Novaya Shkola, Moscow, Russia.

Bryushinkin, V.N. (2000), The system model of argumentations, *The transcendental anthropology and logic: The works of the International Seminar "The anthropology from the cross-lights of modern philosophy" and VIII Kant-Readings*, Kaliningrad State University Publishing House, Kaliningrad, pp. 133–154.

Bryushinkin, V.N. (2004), The system model of argumentation as the basis of the methodology of philosophical comparative studies, *The universe models. Studies in logic, argumentation and history of philosophy: The collection of scholarly articles*, V.N. Bryushinkin (ed.), Kaliningrad State University Publishing House, Kaliningrad, p. 66–85.

Bryushinkin, V.N. (1988), *Logic. Thinking. Information*, Leningrad State University Publishing House, Leningrad, Russia.

Wright, G.H. von (1986), Norms, Language, and Truth, *Logico-philosophical studies*, pp. 290–411.

Wright, G.H. von (1986), Norm and Action, *Logico-philosophical studies*, pp. 245–289.

Wright, G.H. von (1986), The new methods of the logic of preference, *Logico-philosophical studies*, pp. 411–448.

Glinchikova, A.V. (2014), Subject-dependent normativity in deontic constructions of Gottfried Wilhelm Leibniz, Jeremy Bentham and Ernst Mally, *Congress book of abstracts of the young scientists*, National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics Publishing House, Saint Petersburg, Issue 3, pp. 245–247.

Glinchikova, A.V. (2013), Deontic calculation of Ernst Mally, *Congress book of abstracts of the young scientists*, National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics Publishing House, Saint Petersburg, Issue 3, pp. 156–157.

Gulyga, A.V. (1977), *Kant*, Molodaya Gvardiya Publishing House, Moscow, Russia.

- Dmitrieva, A.A. (2009), The painting “The Allegory of Painting” (“Painter in his Studio”) by Jan Vermeer. The main problems of iconography, *The Bulletin of Saint Petersburg University*, Issue 3, pp. 130–139.
- Dewey, J. (1997), *Psychology and Pedagogical Science*, Translated from English by N.M. Nikolskaya, Sovershenstvo Publishing House, Moscow, Russia.
- Zolotov, E.S. (2001), Allegory: meaning and import, *Methodological basics of the modern philology: scientific idealism and materialism: Materials of the international summer research school of a young philologist. Primorye. 1-4 Of July 2001*, Kaliningrad State University Publishing House, Kaliningrad.
- Zolotov, E.S. (2003), Presupposition as the object of logic and cognitive analysis: methodological aspect, *Information-Communication-Society (IKS-2003): Scientific conference abstracts of the International scientific conference. Saint Petersburg, 11–12 November*, pp. 172–174.
- Zolotov, E.S. (2021), Presuppositions and the world models withing the system model of argumentation, *Innovative approaches in the modern science: collection of articles in accordance with the materials of the LXXXV International scientific-practical conference “Innovative approaches in the modern science”*, Internauka Publishing House, Moscow, no. 1 (85), pp. 100–105.
- Zolotov, E.S. (2005), Knowledge extraction from the topical area texts: the search methodology of the indistinct objects, *VIIIth International Conference Cognitive Modeling in Linguistics*, Varna, Bulgaria. September 4–11, V.II.
- Zolotov, E.S. (2001), Pragmatic aspects of “system-like argumentation model”, *Internal and external borders of the philological knowledge: Primorye*, Kaliningrad State University Publishing House, Kaliningrad, 1–4 July, pp. 44–49.
- Zolotov, E.S. (2002), High-level concept ER (Entity-Relationshipmodel) models in the system-like argumentation model: perspectives of research, *The VII-th scientific conference “The modern logic: the problems of theory, history and appliance in science. Saint Petersburg, The materials of the international seminar*, Saint Petersburg State University Publishing House, Saint Petersburg, 20–22 June, pp. 157–159.
- Zolotov, E.S. (2001), Cognitive analysis of the text on the example of the process of constructing the value and cognitive map of Tertullian’s treatise “De testimonio animae”, *Linguistic of the 21st century: problems and prospects. Svetlogorsk, The materials of the international seminar*, Publishing House of KSU, Kaliningrad, 20–23 September.
- Zolotov, E.S. (1998), Study of the means of strengthening the argument in Tertullian’s treatise “De testimonio animae”, *Logical Kant Studies – 4, The materials of the international seminar*, Kaliningrad State University, Kaliningrad, pp. 139–160.
- Zolotov, E.S. (2002), The example of the diagrams creation “life essence circle” in the system-like argumentation: ontological aspect, *The materials of the international seminar “The problems of the reality conceptualization and the linguistic world-image simulation”*, Severodvinsk, 21–23 May, pp. 15–16.
- Zolotov, E.S. (2020), The meaning and significance of allegories as not evident designated objects in the systemic model of argumentation (SMA), *Internauka: electronic journal of science*, no. 47 (176), pp. 16–19.
- Zolotov, E.S. (2004), The result of applying the systemic-like argumentation model to the text analysis, *International Scientific Conference “Innovations in science and education”*, Proceedings (Materials), Kaliningrad, 20–22 October, p. 182.
- Zolotov, E.S. (2021), Features of the application of graph theory in the the system analysis of text, *Universum: Engineering Science: electronic journal of science*, no. 7 (88), [Online], available at: <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/12053> (Accessed 15 November 2021).
- Karavaev, E.F. (2005), Deontic logic, *Mathematical logic*, A.I. Migunov, Y.A. Slinin, E.F. Karavaev (ed.), Saint Petersburg State University Publishing House.
- Karavaev, E.F. (2005), Once more time about the difficulties of constructing deontic logic, *Logic research*, Science Publishing House, Moscow, Issue 12, pp. 170–181.
- Karavaev, E.F. (1990), Semantics problems of temporal logic, *Logic and epistemology*, Leningrad State University Publishing House, Leningrad, pp. 119–128.
- Karavaev, E.F. (2002), Rationality of normative system and deontic logic, *Modern logic: theory problems, history and applications in science: Proceedings of VIIth. All-Russian Scientific Conference*, Saint Petersburg, 20–22 June, pp. 58–60.
- Quine, W.V.O. (2010), *From a logical point of view. Nine logico-philosophical essays*, Moscow Publishing House, Moscow, Russia.
- Kuehn, M. (2021), *Kant: biography*, Translated from English by A. Vasileva, K. Chepurina (ed.), “Delo” Publishing House, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.
- Lakier, A.B. (1990), *Russian heraldry*, Book Publishing House, Moscow, Russia.
- La Rochefoucauld, de Fr. (2015), *The Maximes*, Azbuka-Attikus Publishing House, Moscow, Russia.
- Lisaniuk, E.N. (2010), The evolution of the concepts regarding the deontic logic norms, *Bulletin of Novosibirsk State University. Philosophy Series*, vol. 8, Issue 1.
- Lossky, N.O. (1922), *Logic. Part 2*, Science and school Publishing House, Petrograd.
- Mikirtumov, I.B. (2014), The logic elements of Ernst Mally: object-theoretical basics and the prob-

lems of interpretation, *Logic and philosophical studies*, Saint Petersburg, Issue 12.

Nepeyvoda, N.N. (1997), *Applied logic. Textbook*, Udmurt State University Publishing House, Izhevsk, Russia.

Rotenberg, E.I. (2003), The picture “The Art of Painting” by Jan Vermeer van Delft, *From the history of the western classical art, Collection of articles in accordance with the scientific conference materials, to commemorate the 80th years’ anniversary of Rotenberg E.I.*, Moscow, pp. 96–133.

Donatien Alphonse François de Sade (2003), *Marquis de Sade. Boudoir philosophy. Ernestina. Florville and Kurvalle. Double challenge. Entertaining stories, novellas and fabliaux*, Translated from French, Proolzhenie Zhizni Publishing House, Saint Petersburg, Russia.

Sologubov, A.M. (2004), World models and metaphors of argumentation, *Kaliningrad University Bul-*

letin, Kaliningrad State University Publishing House, Kaliningrad, pp. 27–33.

Sologubov, A.M. (2004), World models and the last argumentation basics (as exemplified by the Kant texts), *World models. Researches on logic, argumentations and history of philosophy: Collection of scientific articles*, V.N. Bryushinkin (ed.), Kaliningrad State University Publishing House, Kaliningrad, pp. 109–118.

Taleb, N.N. (2020), *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*, 2nd Issue, Translated from English, Colibri, Azbuka-Attikus, Moscow, Russia.

Submitted: 28.12.2021

Revised: 14.02.2022

Accepted: 01.03.2022

НАУЧНАЯ РЕЦЕНЗИЯ
УДК 82.091

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-97-101

Дата поступления: 27.12.2021
принятия: 16.02.2022

А.А. Косицин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kosandr@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6135>

А.В. Назарова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: raznastas@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3579-861X>

**Рецензия на монографию М.А. Перепёлкина
«Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества»**

Аннотация: в рецензии анализируется монография М.А. Перепёлкина, ее структура и содержание. Новое исследование, посвященное жизни и творчеству Е.Н. Чирикова, рассматривается в контексте современных историко-литературных работ об этом выдающемся русском писателе. Описывается проблематика исследования и уникальность проведенной автором работы в изучении самарских страниц жизни и творчества писателя.

Ключевые слова: Е.Н. Чириков; А.Н. Толстой; А.Л. Толстая (Бостром); А.А. Смирнов (Треплев); А.К. Гольдебаев (Семенов); Н.Г. Гарин-Михайловский; Самара; биография; творчество; публицистика.

Цитирование: Косицин А.А., Назарова А.В. Рецензия на монографию М.А. Перепёлкина «Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 1. С. 97–101. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-97-101>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Косицин А.А., 2022** – кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела и книгораспространения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Назарова А.В., 2022** – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, МГУ имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

SCIENTIFIC REVIEW

A.A. Kositsin

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: kosandr@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6135>

A.V. Nazarova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: raznastas@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3579-861X>

**A review of the monograph by M.A. Perepelkin
«Evgeny Nikolaevich Chirikov. Samara life and creativity period»**

Abstract: the review analyzes the monograph by M.A. Perepelkin, its structure and content. A new study, dedicated to the life and work of E.N. Chirikov, is considered in the context of modern historical and literary

works about this outstanding Russian writer. The research issues and the uniqueness of the work, carried out by the author in the study of the writer's Samara life and work period, are described.

Key words: E.N. Chirikov; A.N. Tolstoy; A.L. Tolstaya (Bostrom); A.A. Smirnov (Treplev); A.K. Goldebaev (Semenov); N.G. Garin-Mikhailovsky; Samara; biography; creation; journalism.

Citation: Kositsin, A.A. and Nazarova, A.V. (2022), Review of the monograph by M.A. Perepelkin "Evgeny Nikolaevich Chirikov. Samara Life and Creativity Period", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 97–101, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-97-101>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Kositsin A.A., 2022** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Publishing and Book Distribution, Faculty of Philology and Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoye Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

© **Nazarova A.V., 2022** – Candidate of Philological Sciences, Lecturer, Department of the History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, GSP, Lomonosov Moscow State University, 1st building of Humanities Faculties (1st GUM), Moscow, 119991, Russian Federation.

Введение

Имя писателя Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932) уже хорошо знакомо российской читающей аудитории. За два последних десятилетия было переиздано более 10 книг этого некогда «забытого», а ныне все более заслуженно выдвигаемого в первый ряд художника слова. В их основе тексты, написанные им как до революции 1917 г., так и в эмиграции, часть которых впервые вышла в России только сейчас (Чириков 2000а; Чириков 2000б; Чириков 2010; 1917. Умные разговоры 2017; Чириков 2018; Чириков 2019а; Чириков 2019б; Чириков 2021). Эти издания раскрывают практически все значимые грани творческого дарования Чирикова, известного современникам не только как прозаик, журналист, замечательный детский писатель (а еще драматург и киносценарист!), но и смелый экспериментатор, чья творческая эволюция отражает значимые эстетические искания эпохи конца XIX – первой четверти XX столетия. Заявив о себе в 1890 г. как бытовик и продолжатель реалистических традиций писателей-шестидесятников, а затем войдя в число постоянных авторов горьковского книгоиздательства «Знание», во второй половине 90-х он постепенно отошел от социальной проблематики и сосредоточился на общеполитических вопросах, в числе которых загадка русского национального характера, тема любви и семейные ценности, феномен писательской индивидуальности и миссия художника в обществе, а в конце жизненного пути предложил собственное объяснение трагическим событиям, произошедшим с Россией и ее народом в конце 1910 г. В результате в зрелых произведениях художника выкристаллизовался оригинальный и легко узнаваемый стиль, где скрупулезный исторический анализ и яростные публицистические высказывания неразрывно сплетены с напряженными философскими раздумьями и пронзительной лирической интонацией.

Отметим, что «география» названных публикаций весьма широка: книги Чирикова издаются не

только в России, но и за ее пределами – на Украине и в Беларуси, где проживают потомки писателя, которые активно участвуют в возвращении его творческого наследия русскоязычному читателю. Не меньший вклад принадлежит и родственникам Чирикова, живущим на нижегородской земле, без инициативы и поддержки которых не увидели бы свет многие из этих изданий, а биография и творческий путь художника по-прежнему изобиловали бы большим числом «белых пятен».

Публикаторская активность не могла не подстегнуть научное осмысление творчества Чирикова, о чем вполне определенно заявляет такая область, как «чириковедение», в рамках которого на сегодняшний день уже накоплен значительный пласт исследований, продолжающий пополняться новыми трудами литературоведов. В них анализируются проблемы поэтики Чирикова и его взаимоотношения с литературным окружением, эволюция идейно-политических взглядов и творческого метода писателя и другие аспекты его литературного наследия, что позволяет с уверенностью утверждать: в своей прозе Чириков нередко совершал художественные открытия, которые позднее нашли полноценное воплощение уже в сочинениях корифеев (например, И.А. Бунина). Это понимание заставляет пересмотреть устоявшиеся в научном и широком читательском представлении оценки и репутации художников «крупного калибра» и по-новому взглянуть на проблему литературной иерархии и – шире – интертекста, демонстрируя, что классики создают «парадный портрет» литературной эпохи, а о происходящем за ее «кулисами» в первую очередь дает представление именно творчество литераторов, оказавшихся, подобно Чирикову и многим другим его сотоварищам по писательскому цеху, в тени последних.

Особый интерес в этой связи представляют исследования, где чириковское творчество рассматривается в рамках изучения провинциаль-

ного текста русской литературы и литературного краеведения, что дает возможность обнаружить своеобразие регионального литературного процесса рубежа XIX – начала XX вв. и преодолеть в обиходном восприятии культурное «превосходство» столицы над провинцией. Жизненный и творческий путь художника тесно связан с такими российскими городами, как Казань, Нижний Новгород, Царицын, Астрахань, Ярославль, а также центрами Русского зарубежья – Прагой и Белградом. Его пребыванию в них посвящено немало современных литературоведческих изысканий (Чириков 2002; Бушканец 2008; Чириков 2008; Чирикова 2008; Карпов 2014; Чириков, Чирикова 2017; Чириков, Чурич 2020).

Еще одну значимую роль в судьбе Чирикова сыграла Самара, где писатель оказался в эпицентре идейных баталий между представителями двух ведущих общественно-политических течений того времени – народничества и набирающего популярность в среде радикальной интеллигенции марксизма. Изображение этой борьбы красной нитью проходит через все творчество художника, стремившегося предугадать, по какому пути пойдет Россия в наступающем XX веке, какая политическая сила сможет обеспечить ее народу справедливое и достойное существование.

Тем самым пребывание в Самаре, без сомнения, послужило важной вехой в формировании Чирикова как писателя, во многом предопределив вектор его творческого развития.

Основная часть

Однако данный этап биографии художника до сих пор оставался практически не освещен в научной литературе. Исправить это существенное упущение помогает монография Михаила Анатольевича Перепёлкина «Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества», где скрупулезно восстановлены и подробно исследованы все биографические и творческие связи писателя с Самарой и культурой Самарского края.

Книгу открывает предисловие правнука писателя Михаила Александровича Чирикова, в котором тот рассказывает историю сначала заочного, а затем личного знакомства с автором монографии и совместном и плодотворном сотрудничестве с ним в ходе решения одной любопытной загадки, связанной с портретом прадеда.

Собственно, эта загадка – одна из многих, которые существовали в отношении Е.Н. Чирикова и были разрешены на страницах монографии. Главная же из них касается вопроса о времени пребывания писателя на самарской земле. Сам М.А. Перепёлкин отмечает, что «самарский период жизни Чирикова был не очень длительным и по прошествии лет просто утонул среди многочисленных фактов его насыщенной событиями биографии»,

поэтому «самарская фактология его произведений практически никогда не анализировалась, связи писателя с самарцами и их взаимное влияние друг на друга едва намечены и еще никогда не были предметом столько-нибудь тщательного рассмотрения» (Перепёлкин 2020, с. 9). Благодаря опоре на материалы переписки Чирикова с современниками, главным образом с самарским общественным деятелем и литературным критиком А.А. Смирновым и железнодорожным служащим, беллетристом, корреспондентом А.П. Чехова и М. Горького – А.К. Гольдебаевым (Семёновым), автору монографии удалось точно датировать этот период февралем 1894 – маем 1895 гг. После чего Чириков больше не приезжал в город, но, как убедительно показывает ученый, продолжал в немалой степени влиять на культурную жизнь Самары: его пьесы регулярно ставились на сцене местного театра и получали широкую прессу, как и прозаические произведения.

Книга состоит из двух частей, первая из которых включает 16 разделов, подробно освещающих, где жил, чем занимался и с кем общался Чириков, находясь в Самаре. Особое внимание заслуживает раздел, где М.А. Перепёлкиным прослежена история сотрудничества писателя с «Самарской газетой», в которой тот вел рубрику «Очерки русской жизни», а также проанализированы чириковские публикации, обнаруженные им в этом и других самарских периодических изданиях (всего около тридцати текстов).

Ценность этому разделу придает то, что в ходе работы М.А. Перепёлкин привлек произведения, которые были написаны Чириковым уже после отъезда из Самары, но питались, как считает исследователь, прежде всего именно его самарскими впечатлениями. Помимо собственно газетной публицистики, речь идет о двух широко известных до революции чириковских повестях «Инвалиды» и «Чужестранцы». В «Инвалидах» автор книги обнаруживает ряд бесспорно «самарских примет», позволяющих ему выдвинуть оригинальное предположение, что именно Самара послужила прообразом города Н-ска, где происходит действие, а в «Чужестранцах» многочисленные переклички с очерками Чирикова, публиковавшимися в самарской прессе. Эффектным завершением этого литературоведческого сюжета становится последний раздел первой части монографии, посвященный анализу семейной хроники «Отчий дом», над которой Чириков работал в 1929–1931 гг. уже в эмиграции. В ней М.А. Перепёлкин также выявляет немало узнаваемых реалий жизни дореволюционной Самары, благодаря чему становится возможным говорить о формировании в творчестве писателя особого самарского метатекста, являющегося неотъемлемой частью культурной истории Поволжья.

Вторая часть монографии посвящена исследованию самарского круга общения Чирикова, куда входили семейство Тейс, Я.Л. Тейтель, Н.Г. Гарин-Михайловский и другие известные самарцы. Наибольший интерес представляет анализ взаимосвязей Чирикова с семьей юного А.Н. Толстого, родители которого не только следили за творческим развитием художника, но и неоднократно встречались с ним за пределами Самары. Например, в октябре 1905 года А.Л. Толстая дважды виделась с Чириковым в Москве, а в 1906-м А.А. Бостром навещал его в Петербурге.

В заключительном разделе этой части книги М.А. Перепёлкин обращается к поиску возможных параллелей в произведениях А.Н. Толстого и Чирикова. Автор сопоставляет романы «Хождение по мукам» и «Зверь из бездны», выявляя образы и мотивы, присутствующие в обоих текстах, что позволяет ему продемонстрировать разницу между позициями художников по отношению к событиям революции и Гражданской войны.

Завершает монографию приложение, где напечатаны уже упоминавшиеся тексты очерков и фельетонов Чирикова, которые публиковались в самарских изданиях под различными псевдонимами (Евг. Ч., Е. В-ин, Е. Валин и др.). Они дают возможность читателю самостоятельно оценить смелость Чирикова-журналиста, затрагивавшего самые болезненные проблемы городского быта и бытия Самары, и остроту его пера.

Книга проиллюстрирована уникальными фотоматериалами, часть которых была получена М.А. Перепёлкиным непосредственно от потомков писателя, другая – из самарских музеев и фондохранилищ, что помогло автору воссоздать в своей книге неповторимую атмосферу Самары конца XIX века.

Заключение

Издание адресовано литературоведам, журналистам, театроведам, но, несомненно, заинтересует всех любителей отечественной истории и классической русской литературы.

Материалы исследования

Перепёлкин М.А. Евгений Николаевич Чириков. Самарские страницы жизни и творчества. Самара: ООО «Слово», 2020. 152 с.

Чириков Е.Н. Зверь из бездны: Роман, повести, рассказы, легенды, сказка. Санкт-Петербург: Фолио-плюс, 2000. 848 с.

Чириков Е.Н. Зверь из бездны: Поэма страшных лет. Минск: ТетраСистемс, 2000. 368 с.

Чириков Е.Н. Отчий дом: семейная хроника. Москва: Эллис Лак, 2010. 832 с.

1917. Умные разговоры. Статьи, воспоминания и письма Е.Н. Чирикова. Киев: Каяла, 2017. 320 с.

Чириков Е.Н. Успокоение: записки провинциала (К 155-летию со дня рождения). Нижний Новгород: Книги, 2018. 352 с.

Чириков Е.Н. Тихий омут: картинки дореволюционной провинции. Нижний Новгород: Книги, 2019. 288 с.

Чириков Е.Н. Детские радости и горести: рассказы и сказки. Санкт-Петербург: Маматов, 2019. 400 с.

Чириков Е.Н. Волжские рассказы и сказки. Нижний Новгород: Книги, 2021. 512 с.

Библиографический список

Бушканец Л.Е. Казанский текст в произведениях Е.Н. Чирикова // Евгений Николаевич Чириков: Возвращение к читателю: II Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 135–144.

Чириков Е.Е. Е.Н. Чириков в Минске (1896–1901 гг.) // Евгений Николаевич Чириков: Возвращение к читателю: II Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 123–134.

Чирикова В.Г. «Нижний Новгород надолго связал меня и мое имя с Максимом Горьким...»: Е. Чириков и М. Горький // Евгений Николаевич Чириков: Возвращение к читателю: II Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 106–122.

Карпов И.В. Евгений Чириков. Избранное (Казанский период). Казань: Отечество, 2014. 248 с.

Чириков Е.Е. Семья писателя Е.Н. Чирикова во Вшенорах // Дни Марины Цветаевой – Вшеноры 2000: Новые результаты исследований. Прага: Narodni knihovna CR – Slovanska knihovna, 2002. С. 29–39.

Чириков М.А., Чирикова В.Г. Писатель Е.Н. Чириков в Югославии // Нижегородский текст русской словесности: сборник статей по материалам VI Международной научной конференции. Нижний Новгород: Мининский ун-т, 2017. С. 200–211.

Чириков М.А., Чурич Б. Е.Н. Чириков в Белграде в 1928–1929 гг. // Литературные знакомства. 2020. № 1 (45). С. 229–237.

References

Bushkanec, L.E (2008), Kazan text in the works of E.N. Chirikova, *Evgeny Nikolaevich Chirikov: Return to the reader: II Culturological readings "Russian emigration of the XX century"*, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, Moscow, pp. 135–144, (In Russian).

Chirikov, E.E. (2008), E.N. Chirikov in Minsk (1896–1901), *Evgeny Nikolayevich Chirikov: Return to the Reader: II Culturological Readings "Russian*

Emigration of the 20th Century”, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, Moscow, pp. 123–134, (In Russian).

Chirikova, V.G. (2008), “Nizhny Novgorod for a long time connected me and my name with Maxim Gorky...”: E. Chirikov and M. Gorky, *Evgeniy Nikolaevich Chirikov: Return to the Reader: II Cultural Readings “Russian Emigration of the 20th Century”*, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, Moscow, pp. 106–122, (In Russian).

Karpov, I.V. (2014), *Evgeny Chirikov. Favorites (Kazan period)*, Otechestvo, Kazan’, (In Russian).

Chirikov, E.E. (2002), The family of the writer E.N. Chirikov in Vshenory, *Days of Marina Tsvetaeva – Vshenory 2000: New research results*, Narodni

knihovna CR – Slovanska knihovna, Praga, pp. 29–39, (In Russian).

Chirikov, M.A. and Chirikova, V.G. (2017), Writer E.N. Chirikov in Yugoslavia, *Nizhny Novgorod text of Russian literature: a collection of articles based on the materials of the VI International Scientific Conference*, Mininskij universitet, Nizhnij Novgorod, pp. 200–211, (In Russian).

Chirikov, M.A. and Churich, B. (2020), E.N. Chirikov in Belgrade in 1928–1929, *Literaturnye znakomstva*, no. 1, pp. 229–237, (In Russian).

Submitted: 27.12.2021

Accepted: 16.02.2022

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Семиотические исследования» принимаются статьи, раскрывающие вопросы общей семиотики и смежных дисциплин, ориентированные на междисциплинарный синтез знания в рамках философии, литературоведения и социологии.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое рецензирование. Срок рецензирования – 1–2 месяца. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Подготовка статьи

Статья может быть предоставлена на русском, английском, немецком, французском, польском, китайском языках в электронном виде в формате .doc (semiotic@ssau.ru).

В статье должны содержаться следующие сведения:

1. УДК (<http://teacode.com/online/udc/>).
2. Сведения об авторе (авторах) (на русском и английском языках): ФИО, место работы, страна, электронная почта, ORCID (регистрация <https://orcid.org/>), по желанию другие идентификаторы в Scopus, WoS и т.д.).
3. Название статьи (на русском и английском языках, не более трех строк).
4. Аннотация (на русском и английском языках). Объем – 150–200 слов (на русском языке), 200–250 (на английском языке). Аннотация должна включать характеристику основной темы, проблемы (задачи) научной статьи, цели работы, методологию (методы исследования), эмпирический материал (источники), научные результаты и их новизну по сравнению с результатами, уже имеющимися в науке, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации.
5. Ключевые слова (на русском и английском языках 7–10 слов).
6. Цитирование (см. приложение «Образец оформления статьи»).
7. Благодарности (см. приложение «Образец оформления статьи»).
8. Информация о конфликте интересов (авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).
9. Информация об авторах (ФИО полностью, ученая степень, звание, должность, место работы (кафедра, вуз, организация, предприятие), почтовый адрес места работы с указанием страны и почтового индекса).
10. Библиографический список на русском языке, на английском языке References.

Структура основного текста статьи зависит от поставленных целей, задач и исследуемых проблем, но обязательно выделять в ее композиции: введение, постановку задач (проблем), методологию, ход исследования, полученные результаты и выводы.

Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Объем статьи – 20000–40000 печатных знаков с пробелами. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1. При использовании в тексте статьи дополнительных шрифтов они должны быть предоставлены отдельно. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах .jpg или .png.

Правила оформления ссылок

В журнале «Семиотические исследования» для оформления ссылок в тексте принят гарвардский стиль (Harvard style).

Пример оформления ссылок в тексте публикации в соответствии с гарвардским стилем:

1 автор: Текст ... (Богатова 2015), (Richardson 2015).

2 автора: Текст (Смирнова, Федорова 2013), (Cengel and Boles 2015).

3 автора: (Смирнова, Федорова, Иванов 2013), (Cengel, Rogers and Boles 2015).

Больше 3 авторов: (Смирнова и др. 2013), (Cengel et al. 2015).

Если в списке присутствуют однофамильцы, ставятся инициалы: (Иванов И.И. 2013).

Если нет авторов: (Название год).

Несколько работ одного автора: (Петров 2014, 2016), (Richardson 2015, 2018).

Несколько работ одного автора, опубликованных в один год: (Петров 2014a, 2014b), (Richardson 2015a, 2015b).

Если используется прямое цитирование: (Петров 2014, с. 25), (Richardson 2015, p. 98).

Если цитируемая статья написана на латинице (на английском, немецком, испанском, итальянском, финском, датском и других языках, использующих романский алфавит), ссылку на неё следует привести на оригинальном языке опубликования.

Правила оформления библиографического списка и References

Библиографический список должен содержать 15–30 источников.

У всех источников в библиографическом списке необходимо проверить присвоение DOI или URL (электронная ссылка на размещение статьи в РИНЦ, например) и указать его в библиографическом описании при наличии. Иностранные источники даются на языке оригинала.

Библиографический список

Библиографический список оформляется по ГОСТ Р 7.05–2008 в алфавитном порядке, не нумеруется.

Примеры оформления библиографического списка*Законодательные материалы*

Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012 г. № Федеральный выпуск № 5976.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.100-2018 СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления // Электронный фонд: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200161674> (дата обращения: 27.01.2021).

Архивные документы

Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ. СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381. Розанов И.Н. Как создавалась библиотека Исторического музея: докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки ФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

Книга одного автора

Рубальская Л.А. Такая карта мне легла: стихи, проза. Москва: Эксмо, 2008. 445 с. : ил.

Улицкая Л.Е. Люди нашего царя: сборник. Москва: Эксмо, 2008. 365 с.

Книга двух–трех авторов

Чиркова Ю.В., Колосова Т.А. Проективные методы в диагностике нарушений развития личности в детском возрасте : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям. Москва: Юрайт, 2019. 216 с.

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Книга четырех авторов

При наличии четырех авторов, книга описывается под заглавием, все четыре автора указываются за косой чертой.

Разнообразие микроорганизмов источников Байкальского региона: учебное пособие / Е.В. Лаврентьева, Д.Д. Бархутова, Б.Б. Буянтуева, Б.Б. Намсараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2009. 148 с.

Книга пяти авторов

При наличии пяти авторов и более, книга описывается под заглавием. За косой чертой (сведения об ответственности) перечислить первых 3-х авторов с обозначением [и др.].

Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения / К.Ш. Шагжиев, В.А. Бабинов, А.В. Мантатова [и др.]; Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та.

Многотомные издания

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. Т. 7. Письма, 1905–1926. Москва: Слово, 2005. 823 с.

Гиппиус З.Н. Соч.: в 2 т. / вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т.Г. Юрченко. Т. 1. Без талисмана; Победители; Сумерки духа. Москва: Лаком-книга: Габестро, 2001. 367 с.

Статья из журнала

Никольская А.В. Влияние цифровизации на психологическое состояние студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 107–118.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Статья из книги или другого разового издания

Коломак Е.А., Трубехина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Отв. ред. Л.А. Руховец. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 132–150.

Электронные ресурсы

РУКОНТ: национальный цифровой ресурс: межотраслевая электронная библиотека. URL: <https://rucont.ru> (дата обращения: 14.10.2019).

Конституция Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 27.01.2021).

Электронный Архив В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru> (дата обращения: 27.01.2021).

Статьи с сайтов журналов и газет

Журавлева И. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 132–152. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6414&l=&j=4 (дата обращения: 27.01.2021).

References

Библиографический список на латинице (References) оформляется по стандарту Harvard.

- Библиографические источники не нумеруются и располагаются в порядке, указанном в библиографическом списке.
- Для разделения элементов записи используют запятые.
- Запись всегда начинается с фамилии автора, затем инициалы, за которыми следует дата в скобках. Фамилии и инициалы авторов приводят в транслитерации (иностранных авторов – в оригинале).
- Если более чем одна запись одного и того же автора, сортировать по датам.
- Название книги и периодического издания всегда выделяется курсивом.
- Имя издателя показывается перед местом издания (как это было бы в адресе). Место издания – город, страна. Сокращения для штатов США должны быть с большой буквы и добавлены по мере необходимости.
- Ссылки на электронные ресурсы следуют тем же правилам, а затем «по адресу:» и URL-адрес.

Правила для русскоязычной литературы:

- ФИО автора (авторов) приводится в транслитерации.
- Название статьи переводят на английский язык.
- Название книги переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.
- Название периодического издания приводят в транслитерации. Если издательство (предприятие, учреждение, организация и т.п.) имеет официальное англоязычное название, то нужно приводить это название.
- Название издательств и организаций СНГ приводят в транслитерации.
- Название города, названия конференций, пояснительные слова, словосочетания переводят на английский язык. Для международных конференций, имеющих второе англоязычное название, приводят это название.
- Сокращения заменяют англоязычными аналогами:

part 2; volume 3; Vol. 3; pp. 10-19; 323 p.; no. 1; issue; Abstract of the dissertation; International conference proceedings (Int. Conf. Proc.); Scientific-and-technical (Sci.-Tech.) collected articles; dated 19 December 2013; monograph; Annals – Ann.; Annual – Annu.; Colloquium – Colloq.; Conference – Conf.; Congress – Congr.; Technical Paper– Tech. Paper; First; Second; Third; Fourth/nth... – 1st; 2nd; 3rd; 4th/nth...; Convention – Conv.; Digest – Dig. ; Exposition – Expo.; International – Int.; National – Nat.; Proceedings – Proc.; Record – Rec.; Symposium – Symp.; Technical Digest – Tech. Dig.

Базовая структура

Фамилия, инициалы (год издания), название, издатель, место издания, журнал и т.д., точные ссылки.

Пунктуация должна быть следующей: для двух авторов отделяются «and» и без запятой; для нескольких авторов разделяются запятыми, но последняя фамилия должна быть связана с предыдущей «and» без запятой.

Книги

Англоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Русскоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название in English курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Книги с одним автором

Adair, J. (2018), *Effective management: How to save time and spend it wisely*, Pan Books, London, UK.

Книги с двумя и более авторами

Turchaninov, I.A., Joseph, M.A. and Kasparyan, E.V. (1989), *Fundamentals of Rock Mechanics*, Nedra, St. Petersburg, Russia.

Книги того же автора в том же году

Napier, A. (1993a), *Fatal storm*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Napier, A. (1993b), *Survival at sea*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Книги с анонимными или неизвестными авторами

The University Encyclopedia (1985), Roydon, London, UK.

Книги под редакцией

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Оригинальное название книги курсив*, № издания, in Фамилии, И.О. редакторов (ed.), издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Sjostrand, S. (1993), *Institutional change: theory and empirical findings*, M.E. Sharpe (ed.), Armonk, N.Y.

Статьи в журналах и периодических изданиях

Англоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Название статьи, *Название издания курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Русскоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Перевод названия статьи на английский язык, *Название издания транслитерация или английское зарегистрированное курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

*Примеры оформления в References**журнальная статья*

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Khomenko, O.Ye, (2010), Control of the energy of rocks in underground ore mining, *Mining Journal. Ferrous metals*, Special Issue, pp. 41–43.

Huffman, L.M. (1996), Processing whey protein for use as a food ingredient, *Food Technology*, vol. 50, no. 2, pp. 49–52.

журнальная статья с номером тома и/или выпуском

Bessant, J. and Webber, R. (2001), Policy and the youth sector: youth peaks and why we need them, *Youth Studies Australia*, vol. 20, no. 1, pp. 43–47.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Daniel, T. (2009), Learning from simpler times, *Risk Management*, no. 1, pp. 40–44.

Karas T.H., Moore J.H. and Parrott L.K. (2008), Metaphors for cyber security, *SANDIA report*, vol. SAND 2008–5381, pp. 3–42, DOI: <http://doi.org/10.2172/947345>.

Электронные ресурсы

Необходимо следовать той же конвенции ссылок, как для печатных источников, но включать элементы, уникальные для Web:

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, available at: полный URL, (Accessed дата обращения).

Пример оформления в References

Young, C. (2001), English Heritage position statement on the Valletta Convention, [Online], available at: <http://www.archaeol.freeuk.com/EHPositionStatement.htm> (Accessed 4 Aug 2011).

Стандарт транслитерации

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://translit.ru/?account=bsi>

Рукопись может быть возвращена авторам, если она не соответствует вышеприведённым требованиям.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Петров П.С., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Иванов И.В., 2021** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2021), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanity, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2021** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2021** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Ход исследования

Полученные результаты и выводы (Заключение)

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7658>.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____

